

ИОСИФ БРОДСКИЙ: «Ты все или никто»

С. 38

РУССКИЙ МИР – ЭТО СТРЕМЛЕНИЕ К СПРАВЕДЛИВОСТИ

В ЭТОМ ГОДУ ПРОВОДИТСЯ УЖЕ X АССАМБЛЕЯ РУССКОГО мира. Со времени проведения первой многое удалось сделать. Открыты десятки Центров Русского мира. По изданным при поддержке фонда учебникам десятки, а то и сотни тысяч людей во всем мире выучили или улучшили свое знание русского языка. По грантовым программам фонда осуществлено более 2 тысяч интереснейших проектов в разных гуманитарных областях. При этом процент одобрения заявок по грантовой программе остается высоким по сравнению с другими аналогичными, осуществляемыми другими странами или частными фондами.

Главное же, что изменилось с того времени, когда в 2007 году указом президента России был создан фонд «Русский мир», так это то, что само понятие «Русский мир» наполнилось новым содержанием. Став не просто проявлением «мягкой силы» как формы распространения культурологического, цивилизационного влияния той или иной нации. В данном случае – русской. Не просто организацией солидарного взаимодействия между Родиной-Россией и соотечественниками, раскиданными по всему миру. Но широко вошедшим в мировой политический лексикон понятием, за которым кроется новое позиционирование России в меняющемся мире. Как страны, не встающей, а уже «вставшей с колен». Как страны – отдельной самобытной цивилизации. Осознавшей свои интересы и готовой отстаивать их на основе принципов, в том числе моральных, и стандартов, которые в конечном счете уходят корня-

ми глубоко в историю страны, в историю русской цивилизации. И главный из которых, наверное, можно определить как стремление к Справедливости. Без двойных стандартов, а как она понимается в том числе душой и сердцем человека русской культуры и исторической традиции. На том мы и дальше стоять будем.

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественно-го фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
И. о. ректора Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ИТАР-ТАСС

КАГАНОВ В.Ш.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

06 От Ассамблеи к Ассамблее

СИТУАЦИИ

08 «Репка» по-немецки

12 Цирк уехал...
Осадок остался

18 Между
«Белым морем»
и «Черной дырой»

ИСТОРИЯ

46 Резидент,
любезный
сердцу

54 Каменные
гости

НАСЛЕДИЕ

24 Очарованный
странник

30 Доступный
академик

38 Опыт
борьбы
с удушьем

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

62 Крестьянский
археолог

ИНТЕРВЬЮ

66 Поморская правда

72 Вызываю НЛО

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

78 Между прошлым и будущим

ГОРОДА РОССИИ

88 Увязнуть в Вязьме

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Анна ГАМАЛОВА
Василий ГОЛОВАНОВ
Алексей ГУДКОВ
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Марина КРУГЛЯКОВА
Зинаида КУРБАТОВА
Валентина ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА
Дмитрий РУДНЕВ
Андрей СЕМАШКО

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 4 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@ruskiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке:
ИТАР-ТАСС

**X АССАМБЛЕЯ
РУССКОГО МИРА**

ОТ АССАМБЛЕИ К АССАМБЛЕЕ **ТОЛЬКО ФАКТЫ**

**ФОНД
«РУССКИЙ МИР»
СОЗДАН
ВО ИСПОЛНЕНИЕ
УКАЗА
ПРЕЗИДЕНТА РФ
В.В. ПУТИНА
ОТ 21 ИЮНЯ
2007 ГОДА.**

**Ассамблея Русского мира –
крупнейшее ежегодное мероприятие
фонда, традиционно проходящее
накануне Дня народного единства.**

**I Ассамблея Русского мира
состоялась в Москве 3 ноября 2007 года.**

**В 2016 году фонд проводит
X Ассамблею Русского мира.**

**В I Ассамблее
Русского мира
участвовало
около 700
делегатов из**

**45
стран.**

**На III Ассамблею
собралось около
1000 гостей из**

**80
государств.**

**V Ассамблея
Русского мира
принимала
делегатов из**

**85
стран.**

Ассамблеи
Русского мира
проводились
**в Москве,
Санкт-Петербурге,
Сочи и Суздале.**

С ноября 2007 года
действует гранто-
вая программа –
одно из основных
направлений
работы фонда
«Русский мир».
С этого времени
в фонд поступило
свыше
7000 заявок.
Более **2000** из них
реализовано при
финансовой под-
держке фонда.

С момента
создания фонда
«Русский мир»
было издано
и распространено
свыше
150 единиц
учебников
и учебных пособий
по русскому языку
и литературе
общим тиражом
более
280 000
экземпляров.

За девять лет
работы фонда
«Русский мир»
было организовано
свыше
420 курсов
русского языка
и литературы
и курсов
повышения
квалификации.
Число слушателей
превысило
25 000
человек.

Проведено более
500 конференций,
семинаров
и круглых столов
по вопросам русского
языка и литературы,
организовано
свыше **200** языковых
лагерей, фестивалей,
дней русской
словесности
и культуры, олимпиад
и конкурсов. В этих
мероприятиях
приняло участие
более **250 000**
человек.

В **46** странах
действует
108 Русских
центров,
открытых фондом
«Русский мир»
в партнерстве
с ведущими
мировыми
учебными
заведениями
и библиотеками.
140 Кабинетов
Русского мира
создано фондом
«Русский мир»
в **55** государствах.

Информационный
портал фонда
«Русский мир»,
созданный
в ноябре
2007 года,
является одним
из самых
масштабных
интернет-ресурсов
о Русском мире.
Ежегодно
его посещает
свыше
3 миллионов
человек
из **189** стран.

Ежемесячный
журнал
«Русский мир.ru»
издается фондом
с ноября 2007
года, за это время
на его страницах
опубликовано
свыше
2000 статей.
Журнал
распространяется
в 45 странах.
В ноябре
2016 года вышел
в свет
106-й номер.

Интернет-
радиоканал
«Русский мир»
ежегодно
выпускает в эфир
свыше
350 программ.

Интернет-
телеканал
«Русский мир»
ежемесячно
выпускает
не менее
8 программ.

КОЛЛАЖ ОЛЕГА БОРОДИНА

«РЕПКА» ПО-НЕМЕЦКИ

АВТОР

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

РАЗНОЦВЕТНЫЕ СТУПЕНЬКИ ЛЕСТНИЦЫ ДЕТСКОГО САДА «СКАЗКА» СЕЛА АЗОВО ОМСКОЙ ОБЛАСТИ «ДВУЯЗЫЧНЫЕ». ПОДНИМАЕШЬСЯ ПО НИМ И СЧИТАЕШЬ ЖЕЛТЫЕ РОМАШКИ ПО-НЕМЕЦКИ – EIN, ZWEI, DREI. СПУСКАЕШЬСЯ, А БЕЛЫЕ РОМАШКИ «ПОДСКАЗЫВАЮТ» ПО-РУССКИ – «РАЗ», «ДВА», «ТРИ»... И ТАК – С ПЕРВОЙ СТУПЕНЬКИ И ДО ПОСЛЕДНЕЙ НА ВТОРОМ ЭТАЖЕ.

А ТАМ, КАК И ВСЮДУ в садике, царит дух двуязычия. Фамилии детей на их личных шкафчиках в раздевалке написаны по-русски и по-немецки. И меню в столовой, и игры в игровой комнате, и блокноты для рисования, и книги, и туалетные принадлежности в душе-

вой – все здесь на двух языках: немецком и русском. И дети в «Сказке» каждый день говорят на двух языках.

«Эту идею я подсмотрела на стажировке в немецко-русских детских садах Германии, во Франкфурте-на-Майне, – рассказывает заведующая детским садом «Сказка» села Азово Наталия Гоммер. – Там

я, чтобы разобраться в особенностях билингвов, работала воспитателем. И почти все время не переставала поражаться, как после «прививки» двуязычия дети безошибочно определяют, с кем говорить по-русски, а с кем по-немецки. Не важно – это мама, папа, товарищ по садику или кто-то из неблизкого окружения».

Гоммер так воодушевилась идеей создать точно такой же детский садик в Азово, в российской немецкой автономии в Сибири, что ее не оставили никакие, даже объективные, трудности. К концу 1990-х годов из Азова уехало до 70 процентов этнических немцев. Было не очень понятно: как и ради чего в детском учреждении комбинированного типа, куда ходят дети татар, армян, русских, азербайджанцев, казахов (в целом в садик ходят малыши более чем двадцати национальностей. – **Прим. авт.**), вводить двуязычие ради одной из национальных групп, к тому же уже не самой многочисленной?

БРАТСКИЙ ОБМЕН

Однако все сложилось как нельзя лучше. Сначала в дома местных немцев, эмигрировавших в Германию, постепенно стали вселяться немцы из Казахстана и Киргизии. К 2005 году число этнических немцев в Азово вновь составило почти половину населения районного центра – неполных 48 процентов. Сегодня в детском саду «Сказка» численность детей, говорящих на немецком языке, составляет в младшей группе 42 процента от общего числа, в средней – 48 процентов, в старшей – 53 процента.

«Получился такой своеобразный братский обмен, – шутит председатель комитета по образованию Азовского немецкого национального муниципального района (АННМР) Омской области Иван Келлер, – около 70 процентов немцев выехали в Германию, и около 70 процентов немцев въехали в Азово из Казахстана».

Иван Келлер вспоминает, как немецкая группа в детском саду неожиданно начала разрастаться так быстро, что возник серьезный дефицит мест. Тогда сад отремонтировали и расширили. Но не все приехавшие малыши-немцы могли попасть в немецкую группу – мест все равно не хватало. Родители, чьи дети не могли учить родной язык, начали недоумевать и возмущаться. «Все же переплелось, – делится впечатлениями Наталия Гоммер. – Так получилось, что семьи, которые приехали из Казахстана, в основном смешанные – русско-немецкие, украинско-немецкие, казахско-немецкие, есть даже корейско-немецкие. И в таких семьях дети, как правило, не говорили по-немецки. А их родители – не все, конечно, но многие – в первые годы не очень интересовались местами в немецкой детской группе. Но когда из детского сада дети приходили домой и начинали читать стихи или петь на немецком языке, родители делились восторгами с соседями: «Я, немец, попросил сына перевести

мне песню на русский!» И те, кто раньше не проявлял интереса к изучению их детьми немецкого языка, пошли ко мне: «А чем мои дети хуже? Мы тоже хотим учить немецкий». И это были уже не только русско-немецкие или казахско-немецкие семьи, но и местные русские или азербайджанские».

Гоммер признается, что изначально понимала искусственность «изолированности» немецкоязычной группы в рамках многонационального детского сада.

«Обособленность группы вредила всем, – вспоминает она, – немецкоговорящие детки часто сбивались на русский, потому как не было иной языковой среды. Русскоговорящая детвора побаивалась или даже дичилась воспитателей, которые иногда говорили на непонятном языке – немецком».

Поэтому Гоммер обрадовалась, когда немецкий язык с дошколь-

ного возраста захотели учить помимо немцев и русские, и азербайджанцы, и армяне, и алтайцы – все. Так в Азово появился детский садик, где говорят одновременно на немецком и русском языках. Немецкий язык изучают с дошкольного возраста все желающие.

Билингвальный детский сад, возникший на основе внедрения этнокультурной компоненты, очень быстро стал не только местной особенностью Азово. Сначала Наталия Гоммер опробовала методику изучения немецкого языка на слух в своем детском садике, потом поехала в Омский государственный педагогический университет (ОГПУ) за новыми методиками и за оценками экспертами своего опыта. А вскоре детский сад «Сказка» стал экспериментальным полигоном для внедрения изучения иностранных языков в детских садах Сибири.

**ДВЕ «МАЛЕНЬКИЕ ГЕРМАНИИ»
В СИБИРИ**

Азовский немецкий национальный муниципальный район Омской области с административным центром в селе Азово образован в 1992 году из 7 сел и 5 смежных районов области. Ядро района составили села, входившие в состав образовавшейся в 1890-х Александровской волости Омского уезда, Акмолинской области Степного края, населенных немцами примерно с 1880–1890-х годов.

Немецкий национальный район (ННР) Алтайского края впервые был создан в 1927 году и просуществовал до 1938 года. В 1991 году воссоздан. Административный центр – село Гальбштадт, расположенное в северо-западной части Алтайского края, в 40 километрах от города Славгорода. В ННР входит 16 сел, в которых проживает до 30 тысяч человек, из них до 70 процентов составляют немцы.

Всего в России проживает около 1,2 миллиона немцев. Более 2,3 миллиона советских и российских немцев после 1989 года эмигрировало в ФРГ. С 1995 и до 2000 года немецкое население в автономии Алтая и в Азово (Омская область) сокращалось в связи с выездом немцев в ФРГ. С 2000–2003 годов идет рост немецкого населения за счет массового переезда немцев из Казахстана и Киргизии в Россию и частичного возвращения немцев из ФРГ.

Источник: Международный союз немецкой культуры.

БЕЛОСНЕЖКА ВОЛНУЕТСЯ И ПЕРЕХОДИТ НА РУССКИЙ

С Наталией Гоммер и Елизаветой Граф, директором средней школы села Цветнополе и координатором Министерства образования Омской области, мы поднимаемся в концертный зал детского садика «Сказка» по желтым, «немецким» ступеням – ein, zwei, drei и белым, «русским» – «раз», «два», «три». И те, и другие, дублируя друг друга, оставляют в памяти двойной перевод и два зримых образа цифр.

«Видение слова – это первый шаг к умению понимать речь на слух, или аудированию, – говорит Елизавета Граф, один из соавторов методики аудирования, позаимствованной «Сказкой» у германских преподавателей немецкого и русского языков. – Здесь дети не учат немецкий язык за партой, здесь понимание языка на слух проходит несколько этапов – через игру и обыденное общение. Основных этапов пять. Это запоминание слова через жест и ми-

мику. Затем идет запоминание отдельного связного ситуативного высказывания: «Добрый день», например. Затем наступает время и опыт для запоминания нескольких высказываний: «Добрый день». – «Привет». – «Как дела?» А потом, когда у детей средней и старшей группы появляются знания и навыки для закрепления слов, приобретенных путем аудирования, они учат язык через общий сюжет, например общение за завтраком. Самый сложный этап – аудирование через общую идею рассказа, рисунка, театрализованной постановки, танца и так далее. Все зависит от того, какую игру предложат педагоги и воспитатели».

Сегодня в садике идут две театрализованные постановки – немецкая сказка «Белоснежка и семь гномов» и русская народная сказка «Репка». «Белоснежку» малыши играют с театральным размахом, сложной сценографией, вовлечением зрительного зала в поиски гномиков. Играют маленькие акте-

ры на немецком языке так, что педагог-суфлер оказывается и вовсе не нужен. Лишь раз, когда Белоснежку и гномов приветствовал детсадовский «Оркестр музыкального шума», главная героиня спектакля сбилась с канвы постановки. Она так заслушалась и засмотрелась на немецкую «Польку» и русскую «Калинку», что позабыла и про роль, и про сцену.

«Ой, я забыла», – оглянулась Катя Шефер – Белоснежка на педагога-суфлера, когда пауза затянулась так, что перестала быть театральной. Но после единственной подсказки девочка легко перешла на немецкий язык. Затем началась музыкальная постановка русской народной сказки «Репка» на немецком языке. Она шла настолько бойко и без подсказок взрослых, что казалось, будто на сцене не старшая и смешанная языковая группа детей-россиян, а дети-иностранцы внутри германского социума, хоть и с акцентом, но бегло говорящие по-немецки.

«Постановка «Репки» – наша двойная гордость, – объясняет Наталия Гоммер. – Во-первых, это – методический эксклюзив. Во-вторых, в спектакле играют дети средней и старшей языковой группы, выпускники. Большинство из них владеют устным общением в монологической и диалогической форме. Сама культурная природа сказки «Репка» диктует сложную задачу: на немецком языке надо выразить русский дух сказки. На такое способны не просто дети, расположенные к монологу на немецком языке. Этого уже мало. Нужен диалог, а для его успешного исполнения – знание этнокультурной компоненты среды обитания. «Репка» показывает, что к окончанию детского садика у наших детей эта этнокультурная компонента прижилась. У кого-то это произошло через вживание, у кого-то – через изучение, а у кого-то – пока только механическое запоминание немецкого языка».

ИДЕНТИЧНОСТЬ И КУЛЬТУРА СОСЕДСТВА

Но есть кое-что, чем педагоги и воспитатели «Сказки» недовольны: дефицит кадров пока не дает количеству перерасти в качество.

«Да, наши дети, когда переходят в школу, побеждают на языковых межрайонных, региональных и всероссийских олимпиадах, – с гордостью говорит Елизавета Граф. – Но мы понимаем, что эти победы – штучный товар, или «спорт великих достижений», а вот с всеобщим свободным владением немецким языком, или «массовым спортом», пока есть очевидные проблемы. Прежде всего это – кадры. Не хватает преподавателей и воспитателей, владеющих нашими методиками, – это первая проблема. Вторая – языковой перерыв с детского садика и до второго класса, когда школьники начинают изучать иностранные языки, не проходит бесследно. Часть приобретенных навыков теряется.

Третья проблема – разрыв или нестыковка дошкольных методик изучения немецкого языка и школьных программ по его преподаванию».

Граф как раз из тех педагогов, кому поэтапно удается решать эти проблемы. Вместе с Иваном Келлером, председателем комитета по образованию АННМР, она добилась проведения стажировки в Германии для преподавателей факультета иностранных языков Омского педуниверситета, а в 2012 году – открытия заочного отделения дошкольного и начального школьного воспитания на факультете иностранных языков ОГПУ. Первого выпуска педагогов, преподающих немецкий язык в детских садах Сибири, еще не было, но все без исключения 45 студентов – будущих преподавателей уже работают по специальности с первого курса. Эксперимент заключается в том, что детские сады в Азовском немецком районе вслед за «Сказкой» не стали ждать дипломированных специалистов. Эти специалисты параллельно учатся и параллельно работают. Пока все – в Немецкой автономии Азово. Но ежегодный набор студентов, проходящий на отделение дошкольного и начального школьного образования на факультет иностранных языков ОГПУ, обнадеживает.

«Спрос на дошкольное изучение иностранных языков – особенно немецкого, а теперь и английского – растет, – говорит декан факультета иностранных языков Омского педуниверситета Светлана Полуйкова. – Он начался с потребности Немецкого автономного района изучать родной язык и счастливо совпал с желаниями других местных жителей обучать своих детей сразу двум иностранным языкам. И в этом смысле разработка основ овладения тем же немецким языком опирается как на отечественные научные достижения, так и на опыт Германии, Италии, Швейцарии, Испании, Венгрии и Нидерландов, где дошкольники – дети се-

мей немецкого меньшинства – изучают немецкий язык как второй родной. Разница с Россией лишь в том, что у нас российские немцы учат родной язык ради сохранения и развития своей этнической идентичности, а остальные россияне – чтобы легче акклиматизироваться в глобальном мире. Такая взаимная выгода и языковое обогащение подвели нас к тому, что растет потребность в системе преподавания немецкого языка в дошкольных учреждениях. А системы нет, есть пока отдельные очаги удач, как в Азовской немецкой автономии».

Как признает Светлана Полуйкова, в Омской области сейчас вынашиваются амбициозные образовательные проекты. После того как выпуск педагогов, преподающих немецкий язык в дошкольных учреждениях, будет поставлен на поток, ожидается открытие билингвальных детских садов в соседних с Азовским Одесским, Таврическим районах Омской области, а также в Омске, Томске и на Алтае в Немецком национальном районе. Следующий этап – решение проблем, связанных с совмещением изучения немецкого языка в детских садах и в начальной школе. Затем – создание и внедрение в сознание людей концепции «приемного» или «соседского» языка, по которой помимо иностранного в детских садах и школах будут изучаться языки народов Сибири или языки соседей – казахский, китайский, монгольский. «Я думаю, к внедрению модели двух-трехязычия мы будем идти постепенно, – делится планами Светлана Полуйкова. – Но экономические контакты между регионами развиваются так быстро, что становление модели двух-трехязычия – это дело не отдаленного будущего, как принято считать. И набирающая обороты мода на изучение немецкого языка в детских садах Сибири – лишь начало этого пути ради сохранения культуры многоязычия и культуры соседства». ■

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ЦИРК УЕХАЛ... ОСАДОК ОСТАЛСЯ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

ЛАТВИЯ НЕ РАЗ СТАНОВИЛАСЬ СЪЕМОЧНОЙ ПЛОЩАДКОЙ ДЛЯ РЕЖИССЕРОВ ИЗ МНОГИХ СТРАН. КТО ТОЛЬКО ЗДЕСЬ НЕ РАБОТАЛ – И ИСПАНЦЫ, И АНГЛИЧАНЕ, И СКАНДИНАВЫ, И, КОНЕЧНО, РОССИЯНЕ. СТРАНА ВНАКЛАДЕ НЕ ОСТАВАЛАСЬ: СВОИ ФИЛЬМЫ ТУТ ПОЧТИ НЕ ВЫПУСКАЮТ, А СОТРУДНИЧЕСТВО С ИНОСТРАННЫМИ КИНЕМАТОГРАФИСТАМИ ВЫГОДНО И ДЛЯ МЕСТНЫХ САМОУПРАВЛЕНИЙ, И ДЛЯ ЛАТЫШСКИХ АКТЕРОВ. НО НЕДАВНО СЛУЧИЛСЯ СКАНДАЛ: ВЛАСТИ ДВУХ РАЙОНОВ ЛАТВИИ ОТОЗВАЛИ РАЗРЕШЕНИЕ НА ПРОВЕДЕНИЕ НАТУРНЫХ СЪЕМОК ДЛЯ РОССИЙСКОГО КИНОСЕРИАЛА «ПАРАД-АЛЛЕ», СОБЫТИЯ В КОТОРОМ РАЗВОРАЧИВАЮТСЯ В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ТАКОЙ ВОТ ЦИРК – И В КИНО, И В ЖИЗНИ...

МОЖНО ТОЛЬКО ГАДАТЬ, КАКИМ ОБРАЗОМ СЦЕНАРИЙ ФИЛЬМА ПОПАЛ В РУКИ ЛАТВИЙСКИХ СПЕЦСЛУЖБ, ПРЕДПОЛОЖИВШИХ, ЧТО РОССИЙСКИЕ КИНЕМАТОГРАФИСТЫ БУДУТ ОЧЕРНЯТЬ ОБРАЗ ЛАТВИИ, РАССКАЗЫВАЯ О ПОВЕДЕНИИ ЖИТЕЛЕЙ СТРАНЫ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ...

Задолго до скандала продюсеры телесериала получили согласие властей городов Кулдига и Цесис на съемку сцен с участием 200–300 статистов, для чего требовалось перекрыть некоторые дороги, убрать современные вывески и дорожные знаки. Большая часть запланированных сцен уже была снята, когда Кулдигская краевая дума полу-

чила письмо от службы внутренней безопасности, повергшее в замешательство местную власть. Нет, им не предписывалось запрещать съемки. Но рекомендовалось обратить внимание на то, что фильм о Холокосте может нанести ущерб престижу Латвии... После раздумий власти Кулдиги приняли соломоново решение: они не будут ничего запрещать, но ничего и не разрешат! И помогать тоже не будут... В Цесисе же просто отозвали данное ранее разрешение на съемки. Так что же напугало ревнителей латвийского престижа в сценарии российского телесериала? Вот, кстати, вкратце его содержание. Лето 1941 года. Накануне войны в провинциальный латвийский городок приезжает на гастроли труппа советского цирка. Через неделю туда же входит немецкая армия. А жена директора цирка, иллюзиониста Арнольда Белова (его играет российский актер Александр Робак, он же – сопродюсер фильма. – **Прим. авт.**), еврейка, тяжело больна. Но Белов решает остаться, заработать денег и уехать в Швейцарию, где жену могут вылечить. В городе начались еврейские погромы, в которых принимают активное участие местные латышские националисты, а также приехавшая из Риги специальная

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

команда. Белов идет на сотрудничество с немцами ради спасения жены, да и труппе надо как-то зарабатывать на жизнь... Он устраивает для охранников еврейского гетто небольшое представление, чтобы обменять у узников привезенные продукты на ценности. И вдруг Белов видит в толпе еврейских детей девочку, очень похожую на их с Эльзой дочку, которая трагически погибла несколько лет назад. Он решает спасти ребенка. Единственный выход – побег с женой и девочкой из города. План почти удался, но, когда иллюзионист прячет девочку в цирковой автофургон, он не может не взять вместе с ней еще полтора десятка еврейских детей... Путем невероятных ухищ-

Российский актер Александр Робак – исполнитель главной роли и сопродюсер фильма

Сцена с участием массовки. Июнь 1941 года. Горожане собрались у ратуши для радостной встречи немецкой армии

рений директору цирка в итоге удастся избежать ареста, устроить грандиозный фейерверк, спасти детей, а также своих артистов и скрыться из города... Эта история не понравилась не только Полиции безопасности, но и некоторым латышским журналистам. Причем критика, обрушившаяся на головы местных актеров, согласившихся сняться в фильме, порой принимала явно клинические формы. Вот что, например, написала известная латышская журналистка Элита Вейдемане в Neatkarīgā Rita Avīze («Независимая утренняя газета»): «В том, что российские «фильмосоздатели» проворачивают свои делишки, основываясь на «исторических фактах», нет ничего удивительного. Для грязной российской пропаганды деньги найдутся всегда. Возможно, не стоит удивляться и тому, что некоторые латышские актеры готовы продаться для участия в этих «произведениях искусства» за гроши и трехразовое питание. Это не первый и не последний раз, когда латыши, выкинув в мусор последний позвонок своего гибкого позвоночника, с радостью получают кровавые деньги – деньги сатаны». Оказывается, «сатана там правит бал» – это когда в кино рассказывают о том, как было в жизни. Или вполне могло быть. Да только в жизни-то было гораздо страшнее. Давно установленный и никем не оспоренный факт: активное участие в убийствах евреев – граждан Латвии и других стран – во время немецкой оккупации принимали местные пособники нацистов. Это не «русская пропаганда», как пытаются заверить нынешние фальсификаторы истории, а нелицеприятные факты, зафиксированные во множестве судебных документов, основанных на показаниях как выживших жертв Холокоста в Латвии, так и их палачей, а также местных жителей – свидетелей преступлений. Знает ли Элита, попрекающая актеров, что в той же Кулдиге по переписи 1935 года проживало 646 евреев?

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

НИКОГДА БОЛЬШЕ?

По показаниям очевидцев, в июле 1941 года в окрестных лесах под Кулдигой за один день было расстреляно более 300 человек при участии местных помощников и рижской расстрельной команды. Когда женщин и детей на грузовиках привезли в лес, люди все поняли. Началась паника, несколько человек пристрелили прямо у грузовиков. Остальным велели раздеться, разбили на группы и повели к заранее выкопанным ямам... Рижане добывали раненых в ямах, а местные добровольцы присыпали трупы хлоркой и засыпали ямы землей... В сборнике научных лекций по уничтожению евреев в Латвии в 1941–1945 годах, изданном в 2008 году, можно прочитать: «После этой расстрельной акции в послеполуденное время из леса в Кулдигу пришли две раненые молодые еврейки и направились в комендатуру. На удивленные вопросы они ответили, что не видят смысла жить в этом ужасном мире, в котором убили всех их близких... На следующее утро их отвезли в лес и расстреляли»... Всего в Кулдиге было уничтожено более 600 евреев. Это был один из первых городов Латвии, где в 1941 году появилась надпись *Judenfrei!* – «Свободно от евреев»...

В Цесисе до войны проживало около 200 евреев, подавляющее большинство которых были уничтожены. По свидетельству местной жительницы Марты Витолы, к расстрелам евреев немцы старались привлекать горожан, обещая им отдать имущество убитых. Многие акции немцы фотографировали, что потом помогло в доказательстве пособничества местных нацистов фашистам. На суде участники расстрелов признавали, что самым трудным было отгаскивать плачущих детей от матери... Нередко детей живыми бросали в ямы, там добывая прикладами или обрезками труб...

Еще факт. В латгальском городе Резекне перед войной проживало 3342 еврея. 27 июля 1944 года, когда Красная армия

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Кино и немцы...

освободила город от немецких войск, в живых остались... три еврея – мужчина, подросток и 5-летний мальчик, которых три года, рискуя жизнью, прятала одна латышская семья...

Наверное, г-жа Вейдемане снова скажет, что это пропаганда и очернение истории Латвии? Но вот цитата из исследования научного сотрудника Бауского краеведческого музея, признанного знатока истории латвийского Холокоста Айгарса Уртанса: «В Бауске в середине июля 1941 года в амбулатории были стерилизованы 56 евреев-мужчин, в том числе 9 мальчиков в возрасте от 8 до 15 лет. Ход проведения этой акции описан в журнале Латвийского университета «История Латвии»... Акция

была инициативой местных жителей. В пользу этой версии свидетельствует сказанное начальником полиции Бауского уезда Я. Друваскансом: «Расстрелять не успели, тогда стерилизуем». А также то, что за проделанное врачам заплатили из бюджета городского самоуправления». В общей сложности на территории Латвии было истреблено около 90 тысяч евреев. Участие латышей в Холокосте долгое время замалчивалось, да и сегодня, как мы видим, реакция на любое напоминание об этом страшном времени воспринимается крайне болезненно. Но говорить правду, называя вещи своими именами, не значит очернять. Это значит – помнить, чтобы... как там было? Никогда больше...

В город с шумом и треском въехала настоящая немецкая техника

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

КАК МЫ СНИМАЛИСЬ В КИНО

Кстати, именно Айгарса Уртанса режиссер телесериала «Парад-Алле» Олег Газе пригласил в качестве консультанта. Прочитав сценарий, тот внес несколько принципиальных исправлений, с которыми режиссер согласился. По мнению латвийского историка, никакой пропаганды, о которой говорит Полиция безопасности, в сценарии нет. «Это исключительно художественный фильм о любви, преданности, чести и отваге, – поделился Айгарс Уртанс с журналистами. – Это романтический рассказ, а не события Холокоста... В конце концов ничто не мешает нашим местным кинорежиссерам снять правдивый фильм о Холокосте в Латвии. Ведь прошло уже столько лет независимости, и почему такой фильм не снят? Это ведь наша проблема, а не российская. Самое страшное в этой истории со съемками «Парад-Алле» то, что политика мешает искусству!»

Несмотря на разгоревшийся скандал, съемки фильма о приключениях советского цирка в латвийской провинции продолжались, но с небольшими коррективами. Основной пло-

щадкой стал старинный каменный замок в местечке Эдоле, что неподалеку от Кулдиги. Несколько лет назад поместье вместе с прилегающей территорией было продано в частную собственность, продюсеры сериала договорились с владельцами об аренде замка. Благо он идеально подходил на роль городской ратуши. Автору этих строк довелось в этом

На съемочной площадке в ожидании команды «Мотор!»

Вот и музейный ржавый пулемет пригодился для старого солдата

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

убедиться лично, приняв участие в съемках фильма в качестве участницы массовки. Давно мечтала сняться в кино, да и хотелось посмотреть своими глазами, за что там платят «кروавые деньги сатаны»...

На съемочную площадку около сотни добровольцев из Риги и Кулдиги съехались по приглашению, размещенному в соцсетях. Массовка понадобилась российскому режиссеру для съемки сцены радостной встречи горожанами немецких частей, освободивших город от советского режима. Нас разделили на «гражданских» и «военных». Первых переодели в платья и костюмы 30-х годов, а «немцам» выдали обмундирование, каски и незаряженное оружие. Часа через три, когда всех загримировали, началась работа. Наряженные в цветастые крепдешиновые платья юные девушки, солидные дамы в шляпках, мужчины в костюмах и галстуках, дети должны были изображать радостных горожан, встречающих хлебосолью новую немецкую власть. Впереди – бургомистр с корпулентной супругой в окружении белокурых девушек в национальных костюмах, распеваящих народные песни... Замок украсили двумя флагами – латвийским красно-бело-красным и германским – со свастики. Как было велено, мы радостно машем цветами, всматриваясь вдаль. Непринужденно переговариваемся, общаемся. Делаем это несколько раз, пока энергичная помощница режиссера не дает отмашку операторам – снято. Перерыв.

Девчонки тут же начинают фотографироваться с «немцами», друг с другом и с актерами, незамедлительно выставляя свои селфи в «Фейсбуке». И вскоре уже вся социальная сеть знает – кино в Кулдиге все-таки снимают! Несмотря ни на что... Мне на попечение достались два латвийских мальчугана в коротких штанишках на лямках, в толпе я с ними изображала, видимо, местную сельскую учи-

тельницу. Мама мальчишек, жительница Кулдиги Вия, рассказала, что работает кассиром в магазине. В их городе все с восторгом приняли известие о работе киногруппы, многие уже успели поучаствовать в съемках уличных сцен, когда снимали прибытие цирка в город. Зрелище, говорит, было просто фантастическое. Сниматься интересно, да и 15 евро – столько платят за массовку – в их семье не лишние, тем более что детям тоже столько же заплатили. Про войну ей дедушка рассказывал, а он помнит, как немцы входили в их город. Да, поначалу многие даже радовались, страшно стало потом, когда начались аресты и расстрелы...

Но тут вдруг я увидела выходящего из замка Александра Робака и тут же бросилась к нему с диктофоном.

– Да, я играю главную роль – директора цирка Белова, – успевает ответить на мои вопросы актер. – В Латвии был в прошлом году, снимался в фильме «Сладкая жизнь», но сейчас совсем другая история, драматичная – про цирк. Он по своему составу многонационален. В труппе есть и русские, и евреи, и украинцы, и латыши, и даже один узбек. Мой персонаж – неоднозначен, он космополит, далекий от политики. Но ему приходится идти на весьма сложные компромиссы, чтобы спасти большую жену и весь коллектив. Эта история – чистый художественный вымысел. Автор сценария – Максим Белозор, известный по таким проектам, как «Мишка Япончик», «Волчье солнце», «Шулеры»... В фильме задействовано огромное число актеров, в том числе и латышских. Вместе мы прекрасно сработались – мы же все из одного цеха. Не добавил ли нам перца скандал вокруг съемок? Поверьте, нам эти перцы лишь мешают работать! Вы только представьте, сколько сил, энергии и средств уходит на то, чтобы снять кино!.. Так что скандалы нам совсем не нужны...

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Жительнице Кулдиги Вие и ее ребятам сниматься в кино понравилось. Жаль, что не увидят себя на экране – российские каналы у них не показывают

НЕМЦЫ В ГОРОДЕ – ПРИГОТОВИТЬ ЦВЕТЫ!

С этим не поспоришь. Но тут наше интервью прерывает мегафон. Раздается команда: «Гражданские, всем строиться на площадке перед замком. И готовиться к встрече немцев!» Мы шумной толпой плотно, плечом к плечу, выстраиваемся у ворот замка.

– Да что ж вы встали как на оборону города? Надо как раз наоборот! – машет руками энергичная помощница режиссера в кепке. – Давайте построимся в

шахматном порядке! Теперь не принужденно смеемся, общаемся и поглядываем в сторону бургомистра и его жены!..

Мы взволнованы, девушки вручают букетики садовых цветов прибывшим на мотоциклах немецким солдатам. Девчонкам надо запомнить, какой букет и кому вручать. Делать это им предстоит еще раз десять, каждый раз забирая у «своего» немца букет назад и вручая его снова. К седьмому дублю это уже был жалкий веник, трижды побывавший под дождем, который несколько раз прерывал съемки и загонял всех в укрытие... Но массовка не подвела. Испытания мы выдержали. Сдался только четырехлетний Ванечка. Он сел у наших ног на корточки и мгновенно заснул на мокром камешке – как воробышек. К ребенку тут же подошел исполнитель роли главного злодея российский актер Владимир Селезнев и взял его на руки. «Воробышек» продолжал крепко спать у него на плече. А «гражданские» женщины еще долго с любовью смотрели на эту трогательную сцену. И в воздух чепчики бросали... Хотя нет – это из другой сцены.

В фильме снимались популярные актеры театра и кино – Владимир Стеклов (на фото), Юлия Галкина, Владимир Селезнев, Игнат Акрачков и другие

ЛЕРА ДОЗОРЦЕВА

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

СЛОВО РЕЖИССЕРУ

В следующем перерыве мне удалось пообщаться с главным режиссером и продюсером фильма Олегом Газе.

– Вам самому близка тема Холокоста?

– Конечно, для меня эта тема не чужда и потому, что я сам еврей, и потому, что у меня много родни погибло в разных городах, в том числе и в Бабьем Яру. Я давно мечтал снять фильм по сценарию литовского режиссера, автора культового советского шедевра «Никто не хотел умирать» Витаутаса Жалакявичуса. У него был потрясающий сценарий по Холокосту в Литве, но в советские годы его положили на полку. Много лет назад случайно я увидел этот сценарий, хотел снять фильм, но не получилось. А мечта осталась. И тут с подачи Александра Робака мне попался сценарий Белозора, идея и сюжет мне понравились, хотя многое я достаточно сильно изменил. В фильме главное – тема любви, преданности, героизма и предательства. А вдоль всего сюжета звенящим камертоном проходит тема Холокоста.

– Как вы отнеслись к разразившемуся вокруг киносъемок скандалу?

– Мне в голову никогда не могло прийти, что в Латвии кто-то будет против фильма о Холокосте! Конечно же, все это нам крайне неприятно. Если бы я знал про наличие такого рода проблем в

этой стране, то выбрал бы другое место. Ведь все события в нашем фильме вымышлены, и место действия в нем условное. Да, это Латвия, но не конкретно Кулдига или Цесис. Почему Латвия? Куда еще мог приехать летом 1941 года на гастроли советский цирк, куда сразу входят немцы? В Прибалтику! Тем более что главный герой стремится к пограничной окраине, чтобы вывезти больную жену в Швейцарию. Наш фильм не про особенности нацистской оккупации в Латвии, это игровое кино про людей, про любовь, подлость и предательство.

– То есть вы не собирались очернять Латвию?

– Я так до конца и не понимаю, в чем нас заподозрили. Со мной ведь никто так и не поговорил. Как я понимаю, главное, что задело в сценарии, это то, что погромы евреев в латышском городке начались еще до прихода немцев. Сейчас в Латвии стараются уйти от этого момента в истории страны... Я не судья и не хочу участвовать в исторических разборках, поэтому мы обратились к местному специалисту-консультанту, он как раз и обратил наше внимание на этот эпизод. Но знаете, на мой взгляд, со стороны латышского общества это какая-то болезненная реакция, я бы даже сказал – нездоровая. В истории любого народа есть темные пятна, но пытаться их замазать или переписать – это неправильно. Мне

Режиссера
Олега Газе
не на шутку
расстроили
скандалы вокруг
съемок фильма
в Латвии

скандалы не нужны, мы просто снимаем кино, но, когда работа будет окончена, перед показом фильма я обязательно устрою пресс-конференцию, приглашу иностранных журналистов и расскажу о том, как шли съемки в Латвии, с какими сюрпризами нам пришлось здесь столкнуться. Сейчас мы вынуждены искать другое место, чтобы завершить натурные сцены, это та еще головная боль...

– В вашем фильме снимается много латышских актеров, которые подверглись резкой критике со стороны некоторых своих сограждан. На них это подействовало?

– Латышские артисты оказались просто потрясающими ребятами, они сами подошли ко мне и попросили не обращать внимания на идиотов. Что ни говори, но Холокост-то в Латвии был, и многие местные жители вели себя при немцах не лучшим образом. Чего уж теперь делать вид, что ничего не было? Это я вам передаю слова местных актеров. Но помимо всего прочего они прекрасно сыграли свои роли. Я был ими покорен! Но еще больше я был поражен их человеческими качествами. Несмотря на возникший из ничего скандал вокруг съемок, ни один латышский актер не отказался от участия в фильме. Я благодарен всем, кто нам помогал и нас поддерживал. Всем спасибо!

...Съемки закончились почти в потемках. Домой в Ригу мы вернулись далеко за полночь, увозя прекрасные впечатления и заработанный скромный гонорар в 15 евро. Вот они какие – «кровавые деньги сатаны»... В заключение добавлю, что российским кинематографистам все же удалось снять финальные натурные сцены на улицах города. Правда, не Кулдиги и Цесиса, а Вентспилса, мэрия которого охотно дала на это разрешение. Все же кино – великая сила! Даже если всех нас из него в финале вырежут. Ну, даст бог, увидим через год? ☸

МЕЖДУ «БЕЛЫМ МОРЕМ» И «ЧЕРНОЙ ДЫРОЙ»

АВТОР

ВАЛЕНТИНА ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

В СОВЕТСКИЕ ВРЕМЕНА ЭТОТ ГОРОД ПО ПРАВУ СЧИТАЛСЯ СТОЛИЦЕЙ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СТРАНЫ. В ИТОГЕ ЭТО ГОРДОЕ ЗВАНИЕ ОБЕРНУЛОСЬ ДЛЯ ДЗЕРЖИНСКА ЭКОЛОГИЧЕСКИМИ ПРОБЛЕМАМИ И ВНЕСЕНИЕМ В СПИСОК САМЫХ ЗАГРЯЗНЕННЫХ ГОРОДОВ МИРА.

ДЕРЕВНЯ РАСТЯПИНО и близлежащие поселения, на месте которых и вырос нынешний Дзержинск, упоминаются в документах еще в XVII веке. Пару веков назад эти места славились своей живо-

писностью: широкая Ока, затопленные луга, чудесные дубравы и березовые рощи – здесь до сих пор сохранились прекрасные пейзажи. Неслучайно в самом начале XX века Нижегородский отдел Императорского общества правильной

охоты разводил в этих местах фазанов, а жители Нижнего и Москвы приезжали на берега Оки отдохнуть от городской суеты.

Еще до революции здесь был основан первый завод минеральных кислот (позднее –

завод «Корунд». – Прим. авт.), а в 1916-м в глухой сосновый бор, между дорогой на Москву и Окой, из Петрограда эвакуировали пороховой завод (позже он превратится в Завод взрывчатых веществ №80 им. Я.М. Свердлова), который начнет выпускать продукцию уже в октябре 1917-го. Два предприятия отлично дополняли друг друга, ведь все виды взрывчатых веществ, будь то динамит или тротил, получают при участии в реакции азотной и серной кислот, которые как раз и производились на первом заводе.

Вскоре сосновый лес вырубili и заложили там центральную площадь будущего города. В 1929 году рабочий поселок Растяпино переименовали в Дзержинск, а еще через год присвоили ему статус города. Кстати, Железного Феликса с этими местами ничего не связывало, и почему именно в его честь назвали будущую химическую столицу – неизвестно. Есть версия, что сами жители поселка просили об этом, так как сильно уважали «стража революции». Когда в постперестроечное время в России пошла мода на возвращение исторических названий городам, Дзержинск так и остался Дзержинском. Ведь у него как у города другого имени и не было.

ЧЕРНЫЙ ПЕСОК, БЕЛОЕ БЕЛЬЕ

1930-е годы – время бурного развития города. Открываются новые засекреченные заводы, на которых производят противогазы, иприт, фенол, фосген, хлор, минеральные удобрения, карбид кальция. Обычно о том, что производят, даже не говорят вслух, называют просто «продукт». Численность населения за десятилетие выросла с 10 тысяч до 103 тысяч человек! Три четверти этих людей жили в поселках, примыкающих к заводам. Поселки строились однотипно: деревянные бараки, детский сад, школа, клуб, больница, баня, роддом, морг.

На месте бывшего Ворошиловского поселка нам с фотографом Андреем Семашко удалось побывать. Нашим проводником в мир прошлого дзержинской промзоны стал художник Павел Отдельнов и его семья.

Эта тропинка была одной из улиц Ворошиловского поселка. На ней стоял дом, где жили Отдельновы

Людмила Семенова вспоминает свое детство

Три поколения Отдельновых отработали (а некоторые до сих пор работают) практически на всех окрестных заводах. Правда, от большинства из этих производств уже мало что осталось, как и от самого поселка. Художника так взволновал вопрос забвения еще недавнего прошлого, что он создал на основе истории своей семьи целую выставку – полтора месяца она демонстрировалась в Государственном центре современного искусства «Арсенал» в Нижнем Новгороде. И вот журналисты и посетители выставки приехали с Павлом Отдельновым в дзержинскую промзону, чтобы увидеть все своими глазами.

Мы идем по ставшей практически лесной тропинке: бараки расселили и снесли к началу 70-х, на их месте успели разрастись тополя и клены, сохранились лишь два каменных здания – клуб и баня. Единственное, что напоминает о жилых домах, – это ямы, бывшие погребки, которые рыли между бараками. Делали их не только для продуктов, в случае бомбежки или химической атаки они должны были послужить убежищами.

Людмила Леонидовна Семенова, тетя Павла, жила вместе с родителями в Ворошиловском поселке до шестого класса. «Вот здесь бараки стояли, в каждом – несколько квартир, а в каждой квартире – по четыре семьи, – вспоминает она. – Наша семья жила лучше многих, ведь я до 9 лет была единственным ребенком, мне и конфетки иногда перепали. Когда родился брат, поставить его кроватку в маленькой комнатке было просто некуда, и папа сколотил ящик, который водрузили на стол, с одной стороны установил пружину – такая была колыбель».

Из окружающего пейзажа запомнился Людмиле Леонидовне черный от выбросов ближайших заводов песок и то, как женщины, развешивая белье сушиться на улице, пытались сохранить его в чистоте: «Белоснежное накрахмаленное белье было главным украше-

нием дома у любой хозяйки. Постирают они простыни, ска-терти, занавески, развешат су-шить, а потом ветер перемене-нится, понесет опять с заводов черноту – и бегут скорее сни-мать, спасать, а если не успеют – плачут. Для меня с той поры запах свежестиранного бе-лья – это запах праздника». Нехитрые радости детства тети Люси: рубль на кино и рубль тридцать на мороженое (цены – до реформы 1961 года. – **Прим. авт.**), у мальчишек – катание на трамвайной «колбасе», купание в озере перед тем корпусом за-вода «Оргстекло», где производили фенол и ацетон... И все

равно Людмила Леонидовна, как и всякий человек, считает детство счастливой порой. Но хорошо помнит, что когда в 60-е им дали отдельную квартиру в Дзержинске, то папа «ходил по коридору колесом» от радости.

ПРОГУЛКА ПО «БЕЛОМУ МОРЮ»

Мы шагаем за Павлом вдоль бе-тонной заводской стены: справа – трубы и производственные корпу-са, слева – потрясающий пейзаж, глядя на который сразу представ-ляешь, как до революции в эти места приезжали отдыхать. Но за-пах нефтехимических отходов не дает забыть о промзоне...

На берегу
«Белого моря» –
огромного
шламонакопителя

И вот перед нами открывает-ся оно, «Белое море» – так поэ-тически прозвали в народе шла-монакопитель, который начали заполнять в 1973 году. Отходы химического производства от-стаивались здесь, перед тем как попасть в канал речки Волося-ники, которая несет свои воды в Оку. Сейчас это квадратный ки-лометр шлама белесого цвета, спрессованного почти в камень – по этому «морю» можно ходить. Участник нашей прогулки, дзер-жинец Георгий, признается, что работал на ближайшем заводе в 70-е: «Я, можно сказать, руку при-ложил к созданию этого «моря» – наш цех ацетиленовый тоже сбрасы-вал туда отходы». Мне кажется, в его голосе звучат нотки гордо-сти. «Думали ли вы тогда, что это вредно для реки, окружающей среды?» – «Мы тогда больше о вы-полнении плана думали».

К вредности производства, к опас-ности работы привыкали и про-сто не замечали ее – так говорят все ветераны химической про-мышленности, с которыми нам удалось побеседовать и чьи вос-поминания прочитали. Работали, не думая о вреде – ни для себя, ни для природы. Гордились до-стижениями – тем, что во время Великой Отечественной войны каждый второй снаряд и авиа-бомба, изготовленные в СССР, выпускались здесь, в Дзержин-ске; тем, что здесь разрабатыва-ли новые способы получения химических продуктов; тем, что некоторые необходимые огром-ной стране вещества производи-лись только здесь.

Известный дзержинский эко-лог, член совета межрегио-нального Союза «За химиче-скую безопасность» Дмитрий Левашов отмечает, что, когда с приходом перестройки све-жие данные об экологических проблемах города стали пси-хологически давить на его жи-телей, первой естественной реакцией стало отторжение информации, возврат к незна-нию. Неудивительно, что да-леко не все дзержинцы в кур-се, что такое «Белое море» и где именно оно находится.

Павел
Отдельнов:
«Последний раз
сброс в «Белое
море» был
зафиксирован
в 2013 году»

НИЧЬЯ «ЧЕРНАЯ ДЫРА»

– Осторожнее, там затягивает, особенно после дождя! Лучше туда не спускаться. – Павел Отдельнов предостерегает самых любопытных фотографов от опасного желания сделать кадр у кромки черно-синей воды.

Мы стоим под мелкой моросью на берегу водоема с красноречивым народным названием «Черная дыра»: на первый взгляд ничем не примечательное тихое лесное озерко с высокими зарослями травы по берегу. Вон на отмели даже выросла молоденькая березка. Если бы не удушливое амбре да забор с табличками «Стой! Опасная зона!» по периметру (пройти сквозь него не сложно – половина секций отсутствует), можно было бы даже представить здесь отдыхающих с шашлычками по выходным.

– Это карстовая воронка глубиной более 9 метров, – рассказывает Павел о том, что скрывается за обманчивой красотой пейзажа. – По последним геодезическим исследованиям, сверху – жидкий слой, там порядка 5,5–6 тысяч кубометров жидкости, которая содержит около 4 процентов опасных веществ. Дальше идет порошкообразная смесь – еще около 10 тысяч кубометров. И в довершение 55 тысяч кубометров полимеризованных отходов, которыми устлано все дно. Состав – очень сложный, исследования проводились, но ни одна лаборатория не сказала точно, какие именно отходы здесь содержатся. Точно есть фенол и ацетон, разные тяжелые металлы, диоксины, эфиры, например метилметакрилат – основное сырье для производства оргстекла, он и дает запах.

Именно завод «Оргстекло», в годы войны именовавшийся «Рулон», считается основным «виновником» появления «Черной дыры» как несанкционированной свалки, ставшей черным пятном на его героической репутации. Сейчас сложно сказать, можно ли было избежать создания этой свалки, но и представить, что было бы с нашей страной, если бы не это предприятие, – не ме-

К «Черной дыре», карстовой воронке, наполненной отравляющими отходами, может легко пройти любой

нее трудно. Производимое в Дзержинске оргстекло начало применяться для окон палаток исследователей Северного полюса. А в годы войны завод смог добиться пулестойкости своей продукции, и дзержинское оргстекло защищало наших летчиков от вражеского огня. Позднее доработанное стекло устанавливали даже на танки: «Их [новые танки] под Москвой войска ждут, а они без смотровых стекол, словно без глаз, на фронт тронуться не могут. Заводы-поставщики смотровых линз немцами разбиты, так что спасайте, химики» – так, по воспоминаниям очевидцев, обратился к дзержинцам в 1941 году директор Сормовского завода в Горьком (Нижнем Новгороде) Ефим Рубинчик. И дзержинцы через две недели решили поставленную задачу – стекла сделали, танки отравились в бой!

Теперь «Оргстекло» – банкрот, и «Черная дыра», по сути, ничья – передана в собственность регионального правительства. Это крупный и опасный объект накопленного экологического ущерба, не в последнюю очередь из-за него за Дзержинском закрепилась слава одного из самых грязных городов мира. Степень проникновения содержания «дыры» в грунтовые воды и то, насколько это озеро отравляет все вокруг, – известно лишь приблизительно. – Хотите яблочко? – По дороге от проходной завода «Оргстекло» к «Черной дыре» Павел Отдельнов внезапно предложил плод с дерева. Этот год в наших краях богат на яблоки, и Дзержинск – не исключение. Все в испуге отрицательно качают головами. – Зря, отличное яблоко! – усмехнулся Павел и откусил с хрустом.

ГОД ЭКОЛОГИИ –
ГОД НАДЕЖДЫ

– «Белое море» и «Черная дыра» – источники загрязнения абсолютно разные, если смотреть с точки зрения опасности, объема, возраста, содержания, – комментирует нашу прогулку эколог Дмитрий Левашов. – Шламы «Белого моря» не столь опасны, это минеральные соли, которые можно получить на обычном уроке химии методом электролиза. Проблема в том, что с одной из сторон к «Белому морю» примыкает старый шламонакопитель, куда, есть основания полагать, сбрасывались отходы производства

Обломки оргстекла, который производил одноименный завод. Пленные немцы, а затем и местные наловчились делать из них расчески, ручки и т.п.

химического оружия, а значит, там могут быть соединения мышьяка, ртути, люизита.

Действительно, бывший завод №96 в годы Великой Отечественной войны производил высокотоксичные боевые отравляющие вещества – иприт и люизит. Хотя по прямому назначению они не использовались, запасы эти были стратегически важны. А отходы опасного производства сбрасывали в низину возле завода, из которой «Белое море» выросло значительно позднее, так что относительно «безобидный» шлак – лишь «цветочки» этой свалки.

В 2011 году тогдашний президент Дмитрий Медведев провел в Дзержинске заседание Госсовета, на котором было решено поэтапно уничтожить и «Белое море», и «Черную дыру». С выбором квалифицированного и добросовестного подрядчика за эти пять лет возникли сложности, поэтому объекты остались в прежнем виде. Но сейчас выбран новый исполнитель, проекты ликвидации подготовлены, и в августе этого года новый подрядчик заявил, что отходы из «Черной дыры» будут утилизированы методом термолизной деструкции, а на «Белом море» – осушены, накрыты специальной пленкой и покрыты биоматами с растительным грунтом.

– Слово «рекультивация» в случае с «Белым морем», к сожалению, постепенно вытеснило «ликвидацию», – сокрушается

эколог Левашов. – Если проект будет реализован, это, конечно, снизит объем загрязнения, но источник – останется. И к сжиганию отходов «Черной дыры» тоже есть ряд вопросов, но даже такое решение – лучше, чем ничего.

Пока экологи не слишком оптимистично оценивают возможность того, что уже в ближайшее время оба объекта исчезнут с карты Дзержинска. Но наступающий, 2017 год объявлен в России Годом экологии, а «Черная дыра» с «Белым морем» вошли в федеральный перечень объектов, которыми займутся в первую очередь, и это дает надежду на то, что планы по переработке претворятся в жизнь.

«КАРМАННЫЙ ПЕТЕРБУРГ»

Контраст между красотой ландшафтов и уродливостью свалок и старых заводских цехов в промзоне – не единственное, что может поразить в Дзержинске. Подъезжая к нему со стороны нижегородского Автозаво-

Еще одна из стихийных свалок рядом с «Белым морем» – судя по запаху, сюда сливают нефтеотходы

да, видя глухие заборы, трубы и цеха (справедливости ради надо сказать, что далеко не все из них заброшены, сейчас тут производят продукцию из ПВХ, строительные материалы, бытовую химию. – Прим. авт.), ожидаешь, что тебя ждет скучный серый город, состоящий из однотипных бетонных многоэтажек. Но это заблуждение.

Столицу советской химии просто не могли построить абы как. Не те амбиции были у государства – здесь все должно было быть красиво, внушительно, в духе эпохи. Центр Дзержинска спланирован «звездой» – от главной площади с памятником Железному Феликсу расходятся лучи улиц. Тут и прекрасные образцы конструктивизма, и имперской красоты «сталинки», и широкие улицы, и просторные площади. Дзержинску даже как будто слегка великоват этот «китель», сотканный из сетки проспектов и улиц.

Не один раз встречалось такое сравнение: дзержинцы, успевшие поехать и посмотреть мир, с любовью и без тени лукавства говорят о том, что их город напоминает этаким «карманным» Петербургом. А ценители красивых зданий могут найти здесь советскую архитектуру в ее самом гармоничном проявлении – спасибо талантливому градостроителю, главному архитектору Дзержинска Вадиму Воронкову.

Так что не только щекочущими нервы свалками и пейзажами в духе «Пикника на обочине» Дзержинск мог бы «радовать» местных жителей и привлекать гостей. Здесь есть на что посмотреть: уникальный дендрарий, создатель которого, лесовод с удостоверением №1 в стране Иван Ильашевич, в 1950-е годы спас Дзержинск от опустынивания. Уникальная Шуховская башня на левом берегу Оки – одна из гиперболических конструкций инженера Шухова. Не дать исчезнуть и впасть в забвение этим объектам – дело, возможно, не менее важное, чем экологическая работа. ■

Бывший детсад при «Аварийном» поселке, жить в котором считалось престижнее, чем в рабочем

КОЛЛАЖ ОЛЕГА ВОРОДИНА (ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ)

ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ИМЯ АЛЕКСАНДРА ДОБРОЛЮБОВА В НАШИ ДНИ ЗАБЫТО. ОДНАКО В СВОЕ ВРЕМЯ ОН БЫЛ ОДНОЙ ИЗ НАИБОЛЕЕ ЯРКИХ ФИГУР В ЛИТЕРАТУРНЫХ САЛОНАХ ДЕКАДЕНТОВ И СИМВОЛИСТОВ, А ЕГО СТРАННЫЕ СТИХИ УЖЕ И ТОГДА ВЫЗЫВАЛИ СТРАСТНЫЕ СПОРЫ. ПОЖАЛУЙ, ДОБРОЛЮБОВ НЕ ПРИНАДЛЕЖИТ К СЕРЕБРЯНОМУ ВЕКУ РУССКОЙ ПОЭЗИИ, ИБО ЦВЕТ ЕГО – ЧЕРНЫЙ. ОН АБСОЛЮТНО ЧУЖД «СЕРЕБРИСТОСТИ» ВРЕМЕНИ. И УДИВИТЕЛЕН. ВНЕЗАПНО ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ ПОРВАТЬ С ПРИВЫЧНЫМ ОКРУЖЕНИЕМ И УХОДИТ СТРАННИЧАТЬ ПО РУСИ. ПОСЕТИВ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВУ ЛАВРУ И СОЛОВКИ, УХОДИТ В ЗАВОЛЖЬЕ, ГДЕ СТАНОВИТСЯ ГЛАВОЙ СЕКТЫ ДОБРОЛЮБОВЦЕВ.

В «ОБРАЗОВАННОЙ СРЕДЕ» туманные рассказы о нем обрастают все более невероятными подробностями и в конце концов превращаются в миф об очарованном страннике, выбравшем «жизнь» вместо «литературы». В годы Гражданской войны след

его теряется, кто-то даже сообщает, что он убит... И лишь в конце 1930-х годов Добролюбов на короткое время выныривает в Ленинграде и в Москве с собранием новых стихотворений, которые далеко расходятся с нуждами «пролетарской поэзии»...

ТЕНЬ РОДИОНА РАСКОЛЬНИКОВА

Несмотря на то, что родился Александр Добролюбов во вполне благополучной семье варшавского чиновника, незадолго до своей кончины перебравшегося со всеми домочадцами в Петербург, имя его с самого начала связано с новейшим в то время литературным течением – декадентством. Его товарищ по гимназии Владимир Гиппиус, троюродный брат знаменитой поэтессы Зинаиды Николаевны, вспоминал, что еще гимназистом Добролюбов прекрасно знал всю новейшую поэзию, и прежде всего французских символистов – Бодлера, Верлена, Рембо, Метерлинка. Поэзия и беспутный образ жизни французских декадентов стали его «религией». В 1891–1892 годах, еще учась в гимназии, Александр начал писать стихи, вполне соответствующие эпатажному и нигилистическому пафосу декадентства. Однако когда Валерий Брюсов в 1894-м затеял собрать первый альманах «Русские символисты», тогдашних стихов Добролюбова он не принял, хотя впоследствии стал одним из самых верных его почитателей. После окончания гимназии Добролюбов поступил на филологический факультет Санкт-Петербургского университета.

Ему хотелось на равных войти в пишущее сообщество, и буквально через год после выхода Брюсовского альманаха он на собственные средства выпускает первый сборник стихов, *Natura naturans. Natura naturata* («Природа порождающая. Природа порожденная»), заимствовав название у Спинозы. Книга получилась претенциозная и спорная. Все в ней было вызывающе, начиная с посвящения: «Моим великим учителям Гюго, Рихарду Вагнеру, Росетти, Никонову», и заканчивая включенными в собрание пустыми страницами и музыкальными пометками, которые, по мнению автора, должно было учитывать при чтении стихов: «медленно», «медленно, с тихим упоением», «медленно и изысканно переплетаясь». Очевидно, Добрылюбов следовал завету Верлена: «Музыка – прежде всего!» Но в результате книга вышла попросту неудобочитаемой, да, кажется, никем, кроме Брюсова, всерьез и не была прочитана. Зато убийственной критики было хоть отбавляй. Не переносивший «новой поэзии» критик Виктор Буренин упомянул ее в статье «Литературное юродство и кликушество», язвительно предполагая, что автор пишет из сумасшедшего дома. Василий Розанов, написавший о декадентстве целое исследование, оценил опус Добрылюбова невысоко, выделив только одно стихотворение, которое счел «чрезвычайно безобразным, даже по форме». Впрочем, Розанов со свойственной ему пронизательностью заметил, что «декадентство есть прежде всего беспросветный эгоизм», и в этом смысле никаких иллюзий относительно добрылюбовского сборника не строил. Чего-чего, а «эгоизма», поэты, манерности в тогдашнем Добрылюбове было через край. Благодаря вышедшей книжке стихов 19-летний студент вошел-таки в «литературные круги» и произвел на петербургских декадентов самое отталкивающее впечатление. В обществе он говорил намеренную чепуху, вел себя развязно, сидел посреди комнаты на пол.

Врожденный дефект – Добрылюбов путал «р» и «л» – действительно делал его речь невразумительной. Близкий друг Добрылюбова Осип Дымов признавался, что как-то, попав на литературный вечер, целый час слушал Добрылюбова, пытаясь понять его слова, но «все или почти все было непонятно». Молодой поэт жил тогда в комнате, достойной Раскольникова, оклеенной черными обоями, с потолком, покрашенным в серый цвет. Здесь он, по воспоминаниям Владимира Гиппиуса, курил и ел гашиш и опиум и склонялся к этому других. На литературные вечера приходил одетым в «необычный костюм вроде гусарского, но черный, с шелковым белым кашне, вместо воротника и галстука». За этой «дьяволической» внешностью непросто было угадать душу настоящего и очень чувствительного поэта: *Мы не хотим превратной свободы, Будем покорны законам всего. Эти деревья, животные, воды Ходят путями Творца Самого.* В этих строчках из первого сборника Добрылюбова уже содержится семя его грядущего «переворота» и разрыва с декадентской средой. Понимая, что *Natura...* блистательно провалился, Добрылюбов уже в 1896 году задумывает второй сборник стихов, под названием «Одни замечания». На этот раз Брюсов ссудил его деньгами на издание, но оно так и не увидело свет: оригинал рукописи был потерян в типографии. Неудачей закончилась и попытка издания книги «Мои вечные спутники» с изречениями и цитатами из различных священных текстов: подобранные Добрылюбовым отрывки не удовлетворили цензуру, книга была запрещена. Все это непрерывно точило самолюбие поэта и бросалось в глаза окружающим. «Развалины прежнего Добрылюбова», – записывает Брюсов свое впечатление от встречи с ним весной 1896 года. Именно в этот «черный» период Добрылюбов пускается во все тяжкие, начинает проповедовать смерть и самоубийство – как средство добиться окончательного освобождения

личности от моральных запретов («тварь я дрожащая или право имею?»). По свидетельству современников, если, конечно, это не очередное преувеличение, двое его товарищей, наслушавшись проповедей Добрылюбова, покончили с собой. С трудом в это верится, но из университета Добрылюбов был исключен. Неудача следовала за неудачей. Бездна неясной, темной будущности разверзлась перед ним.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

И вдруг Добрылюбов исчез. «Ушел он проповедовать дьявола и свободу...» – записано в дневнике Брюсова. Но это было не так. Сейчас уже трудно проследить путь Добрылюбова в годы его метаний: кто-то утверждает, что первым делом он бросился к Иоанну Кронштадтскому, другие – что он отправился на покаяние в Троице-Сергиеву лавру. В 1898 году он оказывается послушником Соловецкого монастыря. Пережив на Соловках зиму, покидает монастырь и отправляется странничать. Странники, желающие обрести свободную, евангельски чистую божественную истину, бродили тогда по всей России. Добрылюбов стал одним из них. И в этом нашел свое спасение. Неожиданно прояснился, стал прозрачным и радостным строй его стихов. Он пишет на переходе из Нижнего в Балахну: *Горы, холмы, земли – братицы, сестры мои, Даже камни дороги – друзья верны мои, Неба своды, лучи – как отцы мои, Звери дикие – братицы милые, Реки тихие – обрученные мне, навсегда мои. А и мир вам, сестры звездочки, Звезды ясные – вы цветы небес, Все цветы полей в венцах царских, Лучи солнечные – гонцы радостные, Камни мирные, придорожные, молчаливые, Я пред вами, пред всеми лицом ниц до земли простираюсь, От вас всех озаряюсь, И былиночка-сиротинушка, ты – родимая.*

Именно тогда в символистском кругу внезапно переменялось отношение к поэту: из незадачливо-го стихотворца он превратился в героя, которому по силам оказалось отринуть литературу со всеми ее «изысканными переплетениями» и выбрать «простую жизнь» странника. Жизнь вместо литературы – то, что так желали, но так и не осмелились выбрать ни Гоголь, ни Достоевский, ни – до самой крайней минуты – Толстой.

В это время в среде бывших товарищей по литературному цеху и начинает складываться миф о Добролюбов-страннике. Осип Дымов писал: «Его видели <...> то в одном, то в другом месте. Странник Божий <...> Мужик Божий, он сотворил свою собственную веру <...> Она была свободна от всяких догматов. Учеников и последователей он не искал. Они его искали. Каждая изба была его церковью, часовней, молельней, и молящиеся были просто слушателями». Андрей Белый сравнивал поступок Добролюбова с «подвигом» русских юродивых. Александр Блок и его жена Любовь Дмитриевна Менделеева относились к Добролюбову с почти религиозным благоговением. Дмитрий Мережковский в книге «Не мир, но меч» сравнивал его со святым Франциском Ассизским. «Я не сомневался, – писал Мережковский, встретивший как-то в Петербурге Добролюбова после его «ухода», – что вижу перед собой святого. Казалось, вот-вот засияет, как на иконах, золотой венчик над этой склоненной головой, достойной Фра Беато Анджелико». Брюсов немедленно приступил к составлению «Собрания стихов» Добролюбова (вышло в 1900-м), чтобы «непрочтенный» поэт был, все-таки, оценен современниками.

Однако все восторги «образованного общества» далеко не объясняли истинных целей и глубины преображения Добролюбова. Гонимый из декадентского кружка самым невыносимым, «иступленным» покаянием Добролюбов гораздо глубже, чем это может показаться, ощущал непременность прежней своей, «по-

этической» жизни. В 1904-м он пишет в редакцию главного символистского журнала «Весы»: «Как смерть – так тяжела мне ваша жизнь». Он адресует «бывшим единомышленникам» письмо «Против искусства и науки», в котором подчеркивает: «Сухие бесчувственные многотомные книги ваши – тень без духа, и все когда-нибудь погибнут и даже дети не коснутся их». «Истинная красота рождается готовой во всеоружьи в сердце человека, но вы не умеете ждать, самые прекрасные теперешние произведения я более считаю только недоносками». В чем же нашел Добролюбов свою правду? Всю Россию исходил он вдоль и поперек с котомкой за плечами, углубляя в сердце любовь к ближнему, благословляя тварь земную и все Божье творение. Он признается: «Прежде я знал много языков, но не знал одного – истинно сердечного». Свой восторг перед внезапно распахнувшимся миром – то, что Павел Флоренский называл «влюбленной жалостью о всем сущем», – он переливает теперь в духовные стихи, которые стали основой его «Книги невидимой» (издана Брюсовым в 1905 году) и которые, действительно, избличают в нем незаурядного поэта. Впрочем, он отверг само слово «поэт»: до конца жизни своей он отрекся от авторского имени, предписывая друзьям публиковать его произведения исключительно под псевдонимом.

ДОБРОЛЮБОВ И ДОБРОЛЮБОВЦЫ

Обладая редкостным обаянием, Добролюбов действительно не искал аудитории. Она сама искала его. Оказавшись в Самарской губернии, издавна славящейся обилием сектантов, Добролюбов неожиданно для себя находит живейший интерес к своим проповедям и записанным как стихи религиозным озарениям. Скоро вокруг него сложилась секта. Николай Бердяев так определял сектантство: «Это религиозное движение упирается в самую гущу народной жизни, <...> в народное искание Бога

и божественной правды жизни. Это уход из культурной жизни, бегство от грехов цивилизации, искание божественной простоты. Это – бродячая Русь, целиком поглощенная вопросами веры и праведной жизни. Русь странническая, взыскующая Града, отцепившаяся от России бытовой и от бытовой религиозности».

В секте добролюбовцев прославлялась бедность, великое божественное единение человека и природы, непротивление злу насилием, общественный уклад жизни и ведения хозяйства, любовь ко всем ближним и дальним, евангельская моральная чистота. Члены братства называли себя «братьями» и «сестрами». Впрочем, «братьями» называл Добролюбов и снег, и дождь, и Иисуса Христа, «сестрами» – птичек, реки и саму жизнь. Словосочетание «сестра моя жизнь» родилось сначала у Добролюбова, прежде чем стало названием стихотворения Бориса Пастернака.

В 1901 году два казака Оренбургского казачьего войска явились на военные сборы без оружия, объяснив, что не хотят убивать людей. Довольно скоро выяснилось влияние Добролюбова. В городе Троицке состоялся суд: казаки были определены в дисциплинарный батальон, а Добролюбов – в Петропавловскую крепость за подстрекательство к уклонению от военной службы. Там он наговорил чего-то такого, что за «оскорбление святынь» ему засветила каторга. От каторги спасла его мать, которая настояла на помещении его в сумасшедший дом, где, правда, он был признан абсолютно здоровым.

В сентябре 1903 года Добролюбов впервые с одним из «братков» приходит в Ясную Поляну. Толстой записывает в дневнике: «Был Добролюбов, христиански живущий человек. Я полюбил его». Рассказ об этом посещении записан И.П. Ярковым: «Как известно, Толстой принял Добролюбова за обычного странника из народа. Однако, разговорившись, понял свою ошибку. Понял, что перед ним не типичный странник <...>, а образованный, или,

КОллаж ОЛЕГА БОРОДИНА (ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ)

как говорят уже в наши дни, культурный человек...» Во второй раз Добролюбов пришел к Толстому в мае 1907 года. Толстой ласково принял его, наставил на подвиг, о чем потом записал: «Единственное средство доказательства того, что это учение дает благо, это — то, чтобы жить по нем, как живет Добролюбов». Чем же завоевывал странствующий проповедник Александр Добролюбов умы и сердца людские? С Толстым его роднило прежде всего пантеистическое восприятие мира (Бог во всем). Как писал Добролюбов в «Книге невидимой», призванной означить конец всего его прежнего творчества:

*И всемирным браком
с каждой тварью
сочетались,
Со звездами, с ангелами, с морями
сочетались,
Даже с грешными и со зверями
сочетались,
Даже с демонами сожаленьем
сочетались.*

От былого богоборчества Добролюбов приходит к истовому служению Богу. Он заявляет: «Он не ты, ты не Он, но Он так близок к тебе как никто». При этом единственным методом богопознания Добролюбов считает «озарения», «миги», выливающиеся у него в стихи, в которых слышен голос Бога. Одной из самых за-

мечательных интуиций Добролюбова является, конечно, его «нагорная проповедь» из «Книги невидимой»:

*блаженны робкие, ибо только они
будут мужественны,
блаженны любящие,
ибо они возлюблены будут,
блаженны гонимые, ибо их гонят
прямо в царство небесное,
блаженны молчаливые,
ибо возвышают тайну Божью,
блаженны неумолкающие,
ибо носят светильник Слова
<...>*

*блаженны радующиеся, ибо так
будет радоваться о тебе Бог твой,
блаженны сочетающиеся
с братьями и Богом, ибо это
тайна великая,
блаженны молящиеся друг за друга,
ибо Сам Бог молится о всех и за все.
Имя Его — Молитва Бесконечная
и Благословенье Всемирное.*

Религиозные книги Добролюбов отрицал, предпочитая им «молчаливую молитву» братьев. Любопытно, что, обдумывая план ухода из Ясной Поляны, Толстой одним из вариантов его видит присоединение к какой-нибудь общине добролюбовцев. Поэтому в 1907-м он отправляет в добролюбовские места Н.Г. Сутковского, который в письмах к Толстому подробно описал жизнь добролюбовцев: «Всех братьев, не считая семейств,

здесь человек 12, около этого разбросано по другим деревням и человек 10–12 под Омском. Они хотят перейти к общинному хозяйству, но пока вместе работают только 5 семей, остальные «несвободны» — не позволяют семейные и др. Но вообще между ними почти нет собственности, делятся друг с другом даже последним хлебом и все готовы вступить в общину при первой возможности...» «Они слишком скептически относятся к наружному писанию и говорят, что сам человек ничего не может достигнуть, и потому надо работать, но надеяться не на себя, а на Бога». Постигание истины может происходить не рассудочным, а интуитивным путем. «Добролюбов признает нечто вроде духовного опьянения, во время которого происходит как бы наитие свыше». «...Говорить о наружном (не имеющем отношения к душе. — Прим. авт.) на собраниях у них не принято, а о внутреннем часто ни у кого из них «нет слова». Делать же усилие над собою, стараться поднять какой-нибудь вопрос, пока ни у кого не явилось ясного побуждения к этому, они не считают нужным. Добролюбов называет это — «находиться в храме молчания», и думает, что это далеко не потерянное время для того, кто бодрствовал».

Сам Александр Добролюбов был мистик, интуитивист, человек внутреннего огня. Как видно из описаний Сутковского, последовательная, размеренная жизнь сектантской общины, пусть и «правильно» устроенная, не могла в конце концов удовлетворить его.

Пассионарий не может остановиться в своем искании истины. Для сектанта, напротив, важнее всего истину обрести и так «спастись». Поэтому рано или поздно Добролюбов и добролюбовцы должны были разойтись. Добролюбов поступал согласно завету немецкого мистика Ангелуса Силезиуса: «Друг, довольно. Если ты хочешь больше прочесть, иди и сам будь писанием, сам стань бытием». Большинство же добролюбовцев удовлетвори-

лись «охранением» своей чистоты. Это, как писал Бердяев, очень типично: «Начинаются секты с духовного горения, с духовного подъема, а кончаются образованием самодовольного сектантского быта, застывшего, охлажденного и ограниченного»...

К сожалению, великие исторические потрясения – мировая война, революция, годы за нею – так перевернули страну, что восстановить в подробностях, что происходило в это время с Александром Добролюбовым, нет никакой возможности. Он опять как бы «исчез» на долгие годы. Многим в ту пору казалось, что навсегда.

ВОЗВРАЩЕНИЕ МАСТЕРОВОГО

В 1930 году Ирина Святловская (урожденная Добролюбова) получила неожиданное письмо от брата. Оказалось, что Александр жив, проживает в Азербайджане, работал в артели каменщиков, но был арестован и ожидает высылки на Север. Брат просил помочь. Через помощника Ленина Владимира Бонч-Бруевича и писателя Викентия Вересаева, обратившихся во ВЦИК, Ирине Святловской удалось спасти брата от ссылки. Однако о том, что происходило с ним на протяжении без малого пятнадцати лет, в письме не было ни слова. Может быть, были другие, не дошедшие до нас письма? Во всяком случае, в письме 1935 года к Надежде Яковлевне Брюсовой (сестре Валерия Брюсова, к тому времени уже умершего) вновь объявившийся Добролюбов сообщает: «От ясно наступавшего в Поволжье голода пришлось бежать в начале 20-го». «С 1921-го по 27 – 2 года омский поселок Славгород, 2 года Самарский округ, Бухара, Дюшанбе – 3 года. Перемена направлений. Цель одна <...> изучение направления народов. Тщательное изучение всех, даже самых враждебных понятий и течений. (До 20-го года я жил только в своем, даже избегая всего, мне отдаленного, более духом даже при случайном споре, ненавидя его)». «Я жил тогда главным образом не созна-

КОЛЛАЖ ОЛЕГА БОРОДИНА (ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ)

нием. После Сибири боязнь посещения братства, предчувствие его застойности или трупности, – слишком близко было мне все это, чтоб подвергнуть себя таким терзаниям духа. Работа более по городам и по линии железных дорог. Одновременная наружная цель во всех дорогах – изучение мастерства».

Из Таджикистана Добролюбов перебрался в Азербайджан, где, после ареста 1930 года, все время проживал в горных городках и поселках: Кубатлы, Белоканы, Кельбаджары, Мардакерт, Агджабеды, Даш-Бурун, Закаталы, Уджары. Работал штукатуром, печником. О своей жизни в Азербайджане он пишет родным и друзьям, не умея, а может быть, впервые в жизни и не желая скрыть всю тяжесть своего положения: вечно не хватает денег, и жизнь, против его воли, превращается в бесконечную погоню за куском хлеба. По переписке мы знаем, что с 1936 года он мечтал вновь побывать в Москве и Ленинграде, а если повезет – то и вовсе перебраться в Россию. Но единственная такая поездка осуществилась лишь в 1938 году. Глеб Евгеньевич Святловский так вспоминает встречу с «дядей Сашей»: «Поднявшись по лесенке (дачи. – Прим. авт.), я увидел

пожилого, очень приятной наружности человека. Это и был Александр Добролюбов, которого мама представила мне как брата Сашу. Одет он был довольно бедно. Лицо украшала небольшая бородка. Мы поздоровались. Не помню его рукопожатия, но что-то родное и близкое сверкнуло для меня в этом пожилом, но еще не старом (ему было 62 года) человеке в кожаной тужурке. Он был молчалив – как мне тогда показалось, – от усталости...» «Сейчас мне ясно, что целью приезда дяди Саши была не только встреча с сестрой, но и попытка получения прописки и паспорта, а также устройство на работу. Трудности жизни в его скитаниях по Азербайджану возросли, а отсутствие паспорта ему грозило серьезными неприятностями – вплоть до ареста и принудительной высылки на Север.

Я остался на даче, поскольку оставалось еще несколько дней до начала занятий в школе. <...> По приезде в Ленинград я узнал, что в нашей четырехкомнатной профессорской квартире дядя Саша выбрал для себя самое что ни на есть укромное место: чулан за кухней, примерно 8 м², который пустовал из-за отсутствия ванны. В этом выборе, который даже меня удивлял, был весь его осо-

бенный уклад, вся скромность привычного самоограничения и всё его отрицание удобств «образованного» мира, людей умственного труда. Этот чуланчик давал ему свободу и независимость от нашего мира, от людей, живущих разговорами, забывающих о великом озарении молчаливых. Кроме того, жизнь города и горожан в конце 1930-х годов была насквозь пронизана доносами, арестами и т.п.».

Александр Добролюбов привез с собой несколько новых стихотворений и отрывков в прозе. У сестры он прожил четыре месяца, а потом уехал на несколько недель в Москву, где и предъявил образцы своего нового творчества Брюсовым и Вересаеву. Здесь была тетрадь под заголовком «Рисунки вещей» и прозаические зарисовки «На улицах Ленинграда», сделанные во время пребывания Добролюбова у сестры. Но Вересаев сказался занятым и немедленного ответа – будет он публиковать это или нет – не дал. А зря. В зарисовке «На улицах Ленинграда» прекрасно проявляется чрезвычайно важный для нас вопрос об отношении Добролюбова к Женщине. Цитирую: «Вот идет по улицам современного города русская крестьянка, воплощение славянки севера, лицо ее – точная копия мадонн средневековых мастеров; рядом с нею неожиданно торопливо и незаметно прошла Венера из Милоса, через все складки одежд блещит не только гармония, но то, что выше самой высшей гармонии, – сдержанность и власть духа над телом...» Все женщины, на которых обращал внимание Добролюбов, – мадонны. Поэтому и единственную возлюбленную Добролюбова, Анну Велькину, куда уместнее назвать «его возлюбленной сестрой» Анной. Она была ближайшей сподвижницей Добролюбова в 1900–1910 годах. Ее знали и Брюсовы, и сестра Добролюбова Ирина. Но никогда не называл он сестру Анну своей женой. Таковыми были его отношения с женщинами. В них власть тела была побеждена властью духа...

Вересаева эти вещи не взволновали. Почему-то он назвал их «несвоевременными». Добролюбов парировал (впрочем, он к тому времени вернулся уже в Азербайджан, и все его общение с Вересаевым сводилось к переписке), что, на его взгляд, вещи не только «своевременны», но и необходимы, – и требовал их опубликования в «Правде» под псевдонимом Мастеровой. Вообще, несмотря на посещение обеих столиц, он не стал лучше понимать, что творится в Стране Советов. Отсюда – его предложение переслать последние произведения Ромену Роллану – он лучше «продвинет». Отсюда же – наивно-невозможные просьбы рассказать новости о сестре Лене, просьбы выслать ее адрес (Лена была эмигранткой, и за переписку с нею полагался срок). В общем, из творческих планов в поездке Добролюбова в Ленинград и Москву ничего не сбылось, зато Добролюбов потерял корреспондентку: Н.Я. Брюсова, боясь его неосторожных замечаний, перестала в результате отвечать на его письма.

Рвались тонкие и крайне многочисленные связи его во внешнем, «образованном» мире. Надежд на возвращение в литературу почти не оставалось.

К нему подкрадывалась последняя катастрофа: война.

ПОСЛЕДНИЕ ШАГИ ПО ЗЕМЛЕ

Теперь понятно, что поездка 1938 года была для него единственным шансом увидеть родных и друзей, которые готовы были принять в нем участие, обсудить вопросы творчества... Он, правда, собирался вновь выбраться в Питер и Москву и в 1940, и в 1941 году, но не успел – помешала война. В мае 1941-го он пишет племяннику Михаилу Святловскому о желании обрести свой «сильно солнечный берег», свою Феодосию – но война обрекла его на пожизненное доживание в Азербайджане. От него Святловским доходили письма. И письма невеселые. «Я писал вам, что нахожусь в Кельбаджарах (самая глушь Азербайджана). Я и

сейчас там, и, наверно, моя остановка до весны. Работаю малярные и печные работы, запряжен в десятичасовой день...». Признание: «Дно преследовало меня каждую минуту». Сестре: «Не то, что нет у меня квартиры – я даже ночью часто на работах...» В.В. Вересаеву – кредо 1940 года: «Если верен себе, значит, верен народу». Племяннику (1940): опять потерял паспорт. «Я теперь как крепостной». Племяннику (1939): «Я чувствую, я должен оставить какое-то слово будущим поколениям». Но как передать это слово? В Азербайджане он заперт как в ловушке. Да к тому же война безжалостно рушила все его планы. Последняя открытка сестре в блокадный Ленинград пришла от него 2 декабря 1943-го. Кажется, в это время Добролюбов уже жил в Уджарах, где его приютила С.Н. Ружецкая, телефонистка железнодорожной связи, заметившая поселившегося в зале ожидания станции чистенького дедка... Он в полном согласии с окружающими прожил у Ружецкой несколько месяцев, но когда к ней определили на постой военного портного, Добролюбов съехал к 90-летней старухе Евдокии Дрыге. Он был уже совсем слаб. Из теплой одежды у него был только ватник. Скоро он умер, не дожив нескольких месяцев или недель до победы. Его похоронили без всяких формальностей, в могиле без опознавательных знаков: но кладбище все равно потом снесли, дом построили. Так что места захоронения нет.

Так закончил свой путь русский поэт и пророк, чернорабочий и мастеровой, не изменивший себе творец собственной судьбы Александр Добролюбов. От себя добавлю: всякий, кто захочет узнать об Александре Добролюбове полнее, чем рассказано в этой статье, будет одарен больше, чем потеряет времени. Сектантский период особенно интересен: в нем Добролюбов вплетен в клубок таких религиозно-философских вопросов эпохи, что в них так и хочется вдумчиво покопаться. А впрочем, во всякое время видно, что это был очень незаурядный человек. ■

Дмитрий
и Зинаида
Лихачевы
в декабре
1936 года.
Фото сделал
старший брат,
Михаил Лихачев

из архива Д.С. ЛИХАЧЕВА

ДОСТУПНЫЙ АКАДЕМИК

АВТОР

ЗИНАИДА КУРБАТОВА

28 НОЯБРЯ 2016 ГОДА ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 110 ЛЕТ АКАДЕМИКУ, ВЫДАЮЩЕМУСЯ ФИЛОЛОГУ ДМИТРИЮ СЕРГЕЕВИЧУ ЛИХАЧЕВУ. БОЛЕЕ ШЕСТИДЕСЯТИ ЛЕТ ОН ТРУДИЛСЯ В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ – ИНСТИТУТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РАН, ГДЕ ВОЗГЛАВЛЯЛ СЕКТОР ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

З А СВОЮ ЖИЗНЬ ОН успел сделать очень много. Его трудно назвать только лишь кабинетным ученым и основателем научной школы. Дмитрий Сергеевич был страстным и смелым защитником памятников истории и культуры. Сколько их он спас – подсчитать невозможно. Приведу лишь самые известные примеры. 15 января 1955 года Лихачев написал свое первое письмо в

«Литературную газету» в защиту поруганных памятников деревянного зодчества XVII–XVIII веков, сохранившихся только на Севере, а также Антониево-Сийского и Красногорского монастырей на Пинеге, Холмогорского собора. 14 сентября 1965 года он вновь пишет в «Литературную газету», протестуя против генерального плана развития Великого Новгорода, который уничтожил бы исторический облик древнего города.

Между прочим, к его письмам, критикующим застройку территории вокруг новгородской Нередицы, градозащитники апеллируют до сих пор. В 1965 году в Ленинграде собирались «реконструировать» Невский проспект, превратив первые этажи домов в одинаковые застекленные помещения. Лихачев спас Невский. Его слово было решающим при защите от сноса портика Руска и дома Дельвига в 1987 году. Дом Марины Цветаевой в Москве спасен от сноса и сделан музеем благодаря усилиям многих людей, но в первую очередь – благодаря Лихачеву. Он выступил против безумного проекта поворота северных рек. Благодаря его энергии создан музей детства Пушкина в Захарове, Музей-заповедник Менделеева и Блока в Боблове и Шахматове. Уже после перестройки он основал Фонд культуры, к работе которого привлек Раису Горбачеву.

А сколько было сделано в конце 1980-х! Благодаря Лихачеву на родину вернулась масса архивов и раритетов. Например, рукопись «Отцов и детей» Тургенева была передана в Пушкин-

ский Дом. Вернулись в Россию автографы Бунина, Цветаевой, Гоголя, Достоевского.

А скольким людям он помог? Я, его внучка, Зинаида Курбатова, помню, как у нас дома разрывался телефон. Люди шли и шли. Дед помогал с устройством на работу, с жильем. Некоторые просто просили денег. И, конечно, он помогал публиковаться хорошим ученым.

Он работал целыми днями. Несмотря на возраст и плохое здоровье. В 9 утра садился за письменный стол. Прерывался на обед и короткий отдых. В 16.00 снова садился за стол, и так – до вечера. Такого режима он придерживался всю жизнь – и даже в выходные и праздники. В 21.00 он заканчивал работу и только тогда открывал любимые книги или ловил на своем приемнике «вражьи голоса». Таким я его и запомнила. Сидящим в своем кабинете за столом, заваленным грудой книг...

В конце 1980-х поэт Милана Алдарова пишет в Париж писательнице Зинаиде Шаховской: «Академик Лихачев поддерживает всех. Его называют «доступным академиком». Но мне, бесталанной, ответил: «Я стар, болен. Считайте, что я уже умер». Но потом все же прочитал «Дедала» (книга Алдаровой. – Прим. авт.) и отозвался с нежданной похвалой».

Прошло семнадцать лет со дня его смерти. В Петербурге теперь есть скромный памятник, в Москве на доме в 1-м Неопалимовском переулке, где находится редакция журнала «Наше наследие», основанного Лихачевым, установлена мемориальная доска. Год назад открыли памятник в Софии. «Письма о добром и прекрасном» Лихачева включены в школьную программу. Но до сих пор нет ни музея, ни постоянной экспозиции в каком-нибудь российском музее. Нет и центра Лихачева. Он мог бы быть в Петербурге или на Соловках, где академик отбывал пятилетний срок в сталинские времена.

Дмитрий и Зинаида Лихачевы у себя на даче в Комарово. На снимке, сделанном известным фотографом В. Тарасевичем, Лихачевы осматривают свой садик ранней весной

Из архива Д. С. Лихачева

ПИСЬМА

«Атеизм ничего не дает. Он, напротив, что-то отнимает от мира, делает его пустым. Вера в Бога, напротив, расширяет мир, делает его значительным, наполняет его смыслом. Этот смысл разный в разных религиях, но вместе с тем всегда богатый и в каких-то отношениях одинаковый, ибо предполагает бессмертие души... Смысл этот объединяет людей».

Недавно, разбирая документы в своей петербургской квартире, я нашла неопубликованные записи моего дедушки. Заметка про атеизм написана в общей тетради мелким старческим почерком. Скорее всего, в последний год его жизни. Нашла и письма, которые тоже никогда не публиковались прежде. Дедушка написал их мне летом 1988 года. Почерк его еще твердый, жесткий. Буквы крупные. Это было очень важное время для страны и для него лично. Уже стали публиковать в журналах воспоминания заключенных ГУЛАГа, уже вышел на экраны фильм режиссера Марины Голдовской «Власть Соловецкая». Там дедушка впервые на кинокамеру рассказал о своем аресте и о том, как он отбывал срок в Соловецких лагерях особого назначения. Страна узнала, что выдающийся филолог, автор многих книг был заклю-

ченным ГУЛАГа. Многие были ошеломлены. О судьбе дедушки решил снять фильм ленинградский режиссер Владислав Виноградов. Вот об этом и пишет мне дед в августе 1988 года. Вот они.

«Дорогая Зиночка, Игорь и Верочка. Мы очень скучаем. У меня работы сверх головы. А работать очень не хочется. То ли от усталости. То ли от бессмысленности. Все время звонят, приезжают, просят. Часто отказываю, но часто отказать не могу, так как помочь надо. Очень беспокоит здоровье бабушки. Она сразу устает и бывают внезапные приступы слабости. Я сегодня еду в город, а завтра пойдем к нашему врачу – Тамаре Григорьевне. Сказывается возраст, но я крепче бабушки. Это тоже очень нехорошо. Все думаем и говорим о Верочке – какая она?»

«Были на Соловках с режиссером Виноградовым. Они меня снимали. От Кемпи доставили в Соловки (и обратно) на военном катере. На Соловках мы жили в морской квартире, и к нам приходил мальчик 7 лет, который подарил мне свою «картину». Он очень интересуется историей Соловков, и мы с ним подружились. Буду посылать ему книжечки. На Соловках я обошел все места, где жил и работал. Поднимался на Секирную гору и лазил на маяк к рефлектору – туда не пускают даже министров. Видел то место, где в 1929 году осенью был расстрел 300 человек – моих друзей и знакомых. Я в эту яму чуть-чуть сам не угодил. Спасло только то, что ко мне приехали родные и при них «постеснялись» меня брать».

«Группа Виноградова была в 12 молодых людей. Они и работали, и готовили. А хлеб на Соловках отличный. Такого хлеба я не едал. Его пекут в пекарне XVI века, построенной при митрополите Филиппе, где Филипп сам работал. Музей растет, но много разрушений и очень испорчены монастырские дороги тракторами и КАМАЗами. Погода была теплая и солнечная. В общем, эти три дня были настоящим отдыхом, хотя мне и пришлось «рабо-

тать» и выступать в музее с рассказом о лагере».

«Целую. Очень интересуюсь Верочкой. Любознательная ли она? Любознательность очень важна. На Соловки вам можно будет поехать в будущем году. Красиво очень. Дед».

КОСМИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Арест и пребывание в Соловецких лагерях особого назначения, а затем и на Беломорско-Балтийском канале оказали огромное влияние на Лихачева. Эти события сформировали его сильный и жесткий характер, привычку готовиться в жизни к худшему. До сих пор вспоминаю чемоданы, которые стояли у бабушки и дедушки под кроватью. Там были теплые вещи, белье, мыло, спички. На всякий случай. И так до конца жизни.

Но в то же время Лихачев называл Соловки своим вторым университетом. Здесь он встретил выдающихся людей, интеллектуалов, сформировавших его взгляды. Людей невероятной судьбы... В Ленинграде в 1920-х были очень распространены самые разные кружки и общества. Единомышленники собирались у кого-то на квартире, читали вслух, музицировали и говорили на самые разные темы. Советская власть начинает яростно бороться с этими очагами свободной мысли. В ходе этой борьбы был выявлен очередной кружок, который его участники называли «Космической Академией наук». В нем состоял и Дмитрий Лихачев. А также его молодые друзья, многие из которых живут рядом – на Петроградской стороне. Самой младшей участнице КАНа, Вале Морозовой, всего 16 лет. С одной стороны, им свойственны невинные дурачества. Например, Володя Раков очень хорошо рисует. Он представляет своих друзей в виде гусаров и прекрасных барышень, рисует выдуманную жизнь. С другой – это мыслящая молодежь, интеллигентные люди. Они в ужасе от того, что творится вокруг. Они прекрасно знают о репрессиях, об арестах и

Куколки, нарисованные в середине 1920-х годов другом юности и поделщиком Лихачева Владимиром Раковым. Куклы изображали всю веселую компанию молодых людей – участников «Космической Академии наук»

Документ, выданный в декабре 1931 года управлением СЛОНа о том, что Лихачев отправлен диспетчером на железнодорожную станцию Званка

из архива Д.С. ЛИХАЧЕВА

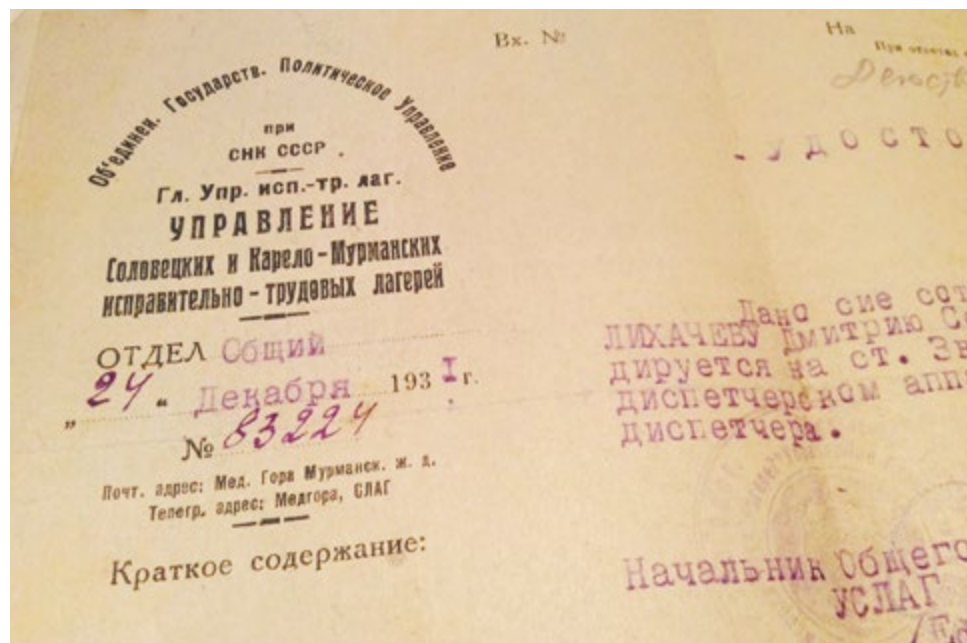
расстрелах. Они глубоко переживают атеизм новой власти, разрушение и осквернение церквей. Дмитрий Лихачев и его домашние еще в 1919–1920 годах слышат выстрелы у Петропавловской крепости, где большевики расстреливают неугодных. Через много лет дедушка показал мне на стены Петропавловской крепости, которые выходят на речку Кронверку, и сказал: «В 1920-х здесь, на уровне человеческих голов, со стен была полностью сбитая краска. Это следы расстрелов». Дмитрия Лихачева, студента-филолога, который еще не окончил университет, арестовали 8 февраля 1928 года. Пришли в служебную квартиру при Печатном дворе, где он жил с родителями и младшим братом. Провели обыск. Уверенно подошли к полкам и достали запрещенные книги. Через много лет, в 1992 году, академик Лихачев получил возможность ознакомиться со своим делом №195 в архивах УФСБ на Литейном, 4.

ДЕЛО №195

Ученица Дмитрия Сергеевича, профессор, филолог Милена Рождественская вспоминает: «Это было в начале 1990-х. В Пушкинском Доме был присутственный день. Мы все, сотрудники сектора древнерусской литературы, были в кабинете у Дмитрия Сергеевича. Как вдруг к нему пришел Сергей Степашин, тогда возглавлявший УФСБ города. Мы деликатно удалились, чтобы не мешать их разговору. Через некоторое время Дмитрий Сергеевич пригласил нас всех в кабинет. Оказалось, Степашин принес ему ксерокопии его «дела». Дмитрию Сергеевичу хотелось, чтобы мы присутствовали при таком важном для него событии».

У меня сохранилась черная табличка с цифрой «273». На обратной стороне рукой деда написано: «С моей камеры ДПЗ на Шпалерной улице, где я находился 6 месяцев с 8 февраля 1928 года». К табличке прикреплена записка: «Номер снят и принесен мне на квартиру, когда в ней происходили телевизионные съемки. Принес САМ Степашин, тогда глава Петербургской разведки. Удивительно!»

Привожу выдержки из дела №195, которые касаются непосредственно Лихачева. Орфогра-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

фия и пунктуация оригинала сохранены.

«По показаниям членов «КАНа» установлено, что в конце декабря 1927 г. на 54 заседании, член «КАН» Лихачев Дмитрий Сергеевич в своем докладе по книжке Боро – «Что я видел в Москве», выпущенной за-границей (начиная с этого места строчки подчеркнуты следователем. – Прим. авт.), приводил статистику расстрелянных органами ГПУ за время революции, цифры следующие: 28 епископов, 1218 священников, 6000 чиновников, 9000 докторов, 54 000 офицеров, 26 000 солдат, 70 000 помещиков, 355 000 интеллигент, 193 200 рабочих, 815 100 кр-н – это сообщение в «КАНе» было выслушано с большим вниманием., см. т. 2, л.д.н. Он-же, Лихачев сделал доклад на тему «Традиции святой русской орфографии», Доклад сводился к тому, что (здесь снова подчеркнuto следователем. – Прим. авт.) России, после замены орфографии, лишена благодати божией.

Как правило, члены КАНа писали только по старой орфографии, см т. 2 л.д... С целью недопущения дальнейшего роста этого кружка, в ночь на 8 февраля с.г., были арестованы следующие его члены. 1. Розенберг Эдуард Карлович, 2. Калистов Дмитрий Павлович, 3. Лихачев Дмитрий Сергеевич, 4. Тереховко Анатолий Семенович, 5. Раков Владимир Тихонович.

Сведения о тех, кому предъявлено обвинение.

Лихачеву Дмитрию Сергеевичу, 21 года, сыну б. дворянина, гор. Ленинграда, урож. г. Ленинграда, безработному, холостому, беспартийному, с высшим образованием, не судившемуся, прожив. по Гатчинской улице д. 26. кв 3-а...

Полагаю

1. Предъявленное привлеченным по данному делу лицам обвинение по 58/2 от У.К. – считать доказанным.

2. Дело о них представить на рассмотрение Особого Совещания при коллегии ОГПУ, перечислив за ним арестованных, содержащихся в Ленинградском ДПЗ.

Уполном. 5 ОТД. СООГПУ Тимофеев. (подпись)

Согласны (подписи неразборчивы)».

Знаменитая 58-я статья в Уголовном кодексе в ту эпоху означала контрреволюционную деятельность. Сами осужденные называли себя «казрами» – от слова «контрреволюция». В знаменитой Соловецкой песне, которую дедушка запомнил, были такие слова: «Край наш, край соловецкий, ты для «казров» и шпаны чудесный край. Смело, с улыбкой детской, ты песенку про лагерь запевай».

Дмитрию Лихачеву и его друзьям дали пять лет в лагерях особого назначения. Это потом, когда появятся десятилетние сроки за контрреволюционную

Номер своей камеры на Шпалерной Лихачев запомнил навсегда. Минус 273 – абсолютный ноль. Температура, при которой прекращается жизнь. В начале 1990-х академик получил номер своей камеры в подарок

деятельность, о пятилетнем сроке будут говорить: «детский». А в 1928 году, когда машина репрессий еще только набирала обороты, сроки были три и пять лет. Приведу строки из известной песни соловецких эзков: «Тех, кто наградил нас Соловками. Просим – приезжайте сюда сами. Поживете здесь годочков три аль пять, будете с восторгом вспоминать».

«Я В ЭТУ ЯМУ ЧУТЬ-ЧУТЬ САМ НЕ УГОДИЛ»

О своем пребывании в лагере академик напишет воспоминания через шесть десятков лет, подробно расскажет о том, как временно исполнял обязанности лошади, как был спасен от общих работ. Как много раз мог погибнуть. Как болел тифом и чудом выздоровел. Вот один из страшных и трагических эпизодов, рассказанных им. Поздней осенью 1929 года на Соловках был проведен массовый расстрел. Это была акция устрашения после неудачного побега отчаявшихся эзков. Об этом де-душка и пишет в письме мне, которое я привела выше. «Я в эту яму чуть-чуть сам не угодил». Лихачева тогда тоже должны были расстрелять. В этот момент к нему на свидание приехали родители и сняли комнату. Дмитрий был у них, когда его предупредили, что его ищут. Привожу эпизод из «Воспоминаний»: «Выйдя во двор, я решил не возвращаться к родителям, пошел на дровяной двор и запихнулся между поленицами. Дрова были длинные – для монастырских печей. Я сидел там, пока не повалила толпа на рабо-

ту. И тогда вылез, никого не удивив. Что я натерпелся там, слыша выстрелы расстрелов и глядя на звезды неба (больше ничего я не видел всю ночь)!

С этой страшной ночи во мне произошел переворот. Не скажу, что все наступило сразу. Переворот совершился в течение ближайших суток и укреплялся все больше. Ночь – была только толчком.

Я понял следующее: каждый день – подарок Бога. Мне нужно жить насущным днем, быть довольным тем, что я живу еще лишним день. И быть благодарным за каждый день. Поэтому не надо бояться ничего на свете. И еще – расстрел производился для острастки... Ясно, что вместо меня был «взят» кто-то другой. И жить мне надо за двоих. Чтобы перед тем, кого взяли вместо меня, не было стыдно!»

ТЕНЬ СОЛОВКОВ

Тень Соловков много раз нависала над любым бывшим сидельцем, даже над теми, с кого судимость была снята.

Лихачева вывезли с Соловков на строительство Беломорско-Балтийского канала. Он освободился в 1932 году ударником стройки. И судимость ему перечеркнули. Но пока он был на Соловках, его отец лишился работы на Печатном дворе, семью переселили в коммунальную квартиру. Сам Дмитрий Сергеевич, вернувшись в Ленинград, долго не мог найти работу, жил на иждивении родителей. Счастливым случаем можно назвать его устройство корректором в Издательство Академии наук, а затем – в Пушкинский Дом.

Летом 1942 года в блокадном Ленинграде Лихачева вызвали для беседы в органы, инсценировали арест и перечеркнули ленинградскую прописку. Семья Лихачевых, пережившая самую страшную блокадную зиму, не хотела эвакуироваться. Но была вынуждена это сделать. Лихачев сам написал об этом: так «северные Соловки аукнулись в блокадном Ленинграде».

из архива Д.С. ЛИХАЧЕВА

Лихачев впервые попал на Соловки после лагерей в 1966 году. Здесь проводили научную конференцию. Ученый взял с собой фотоаппарат и снимал все места, связанные со СЛОНОм

Остров Анзер. Здесь был изолятор для старых и больных, отсюда никто уже не возвращался. Фото Д.С. Лихачева. 1966 год

В 1966 году Лихачев, уже знаменитый ученый, приехал на Соловки на научную конференцию. Трудно представить, какие чувства он испытал, когда туристический теплоход вошел в бухту Благополучия и приблизился к монастырским стенам. Купола церквей снесены, над колокольней по-прежнему высится железная звезда. Еще сохранились следы лагеря – глазки и кормушки в дверях, решетки на окнах. Лихачев фотографирует все, что можно. Он же прежде всего историк и архивист. Он навестил свою камеру, где под окном стоял его топчан. Побывал на Секирной горе, где в церкви был устроен страшный карцер, откуда мало

кто возвращался. Он сфотографировал и полуразрушенную тогда огромную лестницу, с которой заключенных сбрасывали вниз, привязав к бревну. Когда он вернулся в Ленинград, то вклеил фотографии в альбом и сделал подробные подписи к каждой. Он наговорил на пленку магнитофона свои воспоминания. На коробке твердым почерком красным карандашом написано: «Только для Веры и Милы». То есть только для дочерей. 1966 год. Хрущевская оттепель закончилась, о лагерях сталинской эпохи вслух никто не говорит. В узких академических кругах, конечно, знают, что Лихачев был на Соловках. Но никто не посмеет завести об этом разговор. Впрочем, старые сидельцы зачастую узнают в человеке прежнего эка. Дед не раз со смехом рассказывал, как один университетский профессор навестил в больнице другого. Вернувшись, радостно заявил: «Аристид Иванович в прекрасных условиях. Камера у него большая, светлая». Дедушка нашу дачу в Комарово всегда называл барачком. Или зданием «барачного типа». Когда я приехала на Соловки и увидела там бараки, поняла почему.

из архива Д.С. ЛИХАЧЕВА

В 1960-х Лихачев становится неудобным, опальным. Его перестают «выпускать» за границу, за квартирой следят, телефон прослушивают. Несмотря ни на что, дед не побоялся встретиться с Александром Солженицыным, когда тот писал свой «Архипелаг ГУЛАГ», и рассказать ему все, что помнил о Соловках. Та глава, которая посвящена Соловкам, написана со слов деда. Даже с теми небольшими ошибками, которые он сделал, запамätовав некоторые фамилии и цифры. Будущий великий ученый и архивист тайно на Соловках вел записи. А потом, когда его навели родители, эти тетради он отправил с ними на материк. Вот отрывок из этих записей: «[Белобородов], пошатываясь [скоро праздник], т.е. пьяный, на нем чекистская шинель, длинная до невозможности, фуражка с широким дном и козырьком [околыш, воротник и обшлага у шинели черные – такова форма лагерной охраны из заключенных]. Здесь вам не то и не то. [Помню, как сейчас: «Здесь власть не советская, а соловецкая. Сюда нога прокурора не ступала» и пр.] Здесь Л...н [не разобрал]. То отступает [от строя стоящих], то наступает, точно желая раздавить, чувствуя свою огромность перед мизерностью стоящих перед ним [типичный садист; такой же был и другой, принимавший этапы, – бывший гвардейский офицер Курилка]». Для сравнения – отрывок из «Архипелага»: «Курилко (или Белозёров ему на замену) выходит к этапной колонне тоже в длинной чекистской шинели с устрашающими чёрными обшлагами, которые дико выглядят на старом русском солдатском сукне – как предвещение смерти. Он вскакивает на бочку или другую подходящую подмость и обращается к прибывшим с неожиданной пронзительной яростью: «Э-э-эй! Внима-ни-е! Здесь республика не со-вец-кая, а соловец-кая! Усвойте! – нога прокурора ещё не ступала на соловецкую землю!»

ЛЕОНИД АНДРОНИКОВ

Это Преображенский и Троицкий храмы, Никольская колокольня. Вновь прибывшие заключенные поступали в 13-ю, карантинную роту, располагавшуюся в Троицком соборе. И входили в этот вход. Во внутренней галерее, соединяющей храмы, заключенных выстраивали каждый день на бесконечные поверки

Страшное место – Секирная гора, где был мужской изолятор. Здесь проводил расстрелы и палач Успенский. Эту фамилию академик впервые назвал в своих воспоминаниях. Фото Д.С. Лихачева. 1966 год

СОЛОВКИ В 2016 ГОДУ

Монашеская жизнь в обители возобновилась в 1990 году. Спасо-Преображенский ставропигиальный мужской монастырь сейчас ремонтируется. Внутри кремля целый день гудит огромная стройка. Место, где Лихачев прятался в поленнице дров во время расстрела, сотрудники музея могут показать. Но сейчас здесь работает бетономешалка. Памяти о лагере вы здесь не встретите. Все сияет, все обновлено. Взялись даже очищать от красивого золотистого лишайника валуны, из которых сложены башни и стены. Нет на окнах решеток, поменяли двери, в которых были глазки и кормуш-

ки. В 1988 году в кремле создали музей лагеря, но потом его «выселили» за пределы обители – в один из барakov. Монастырю память о лагере не особенно интересна.

А что за пределами кремля? Фасадная стена, завешенная зеленой сеткой, – все, что осталось от бывшего гостиничного здания на пристани. Здесь на третьем этаже располагался криминологический кабинет, где работал Лихачев. Сюда его устроили отец Николай Пискановский и владыка Виктор Островидов, спасли его от общих работ. Позднее академик нарисовал план «кримкаба», указал место, где стоял его стол. Вчерашний студент занимался здесь устройством детской колонии для несовершеннолетних преступников.

Полчаса в машине по ухабистой дороге, и уже видна издали Секирная гора – знаменитая Секирка, где находился тот страшный карцер. Внизу под горой найдено девять братских могил, в них захоронены 80 мужчин и женщин. Все они были расстреляны. Когда снимали фильм «Власть Соловецкая», палач был еще жив: персональный пенсионер обитал в Москве. Но Лиха-

ИЗ АРХИВА Д.С. ЛИХАЧЕВА

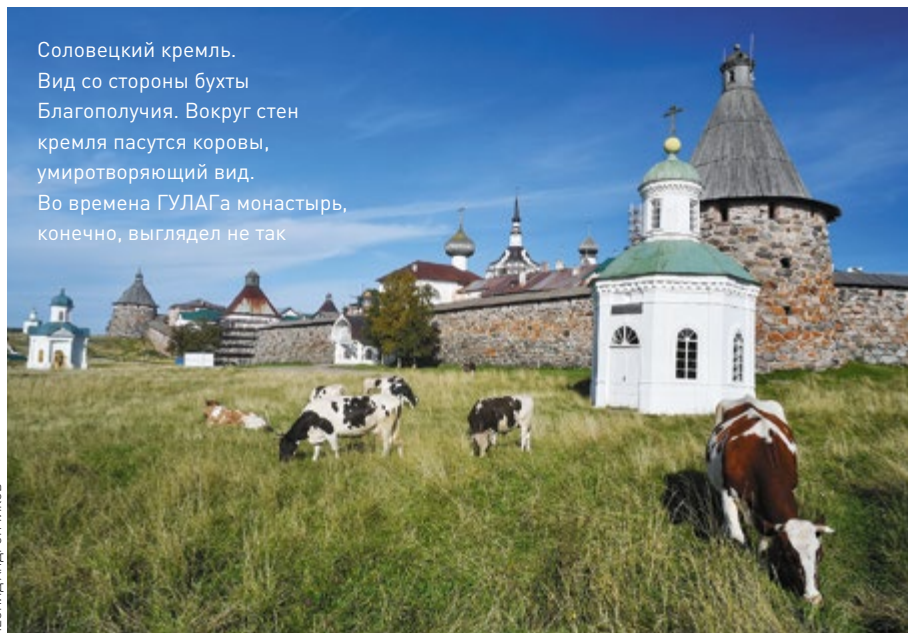
ЛЕОНИД АНДРОНИЧКОВ

чев в интервью для фильма отказался назвать его фамилию: «У него есть дети, внуки!» Только через несколько лет в мемуарах он назвал фамилию – Успенский. «Все люди, которых нашли в ямах под Секирной горой, убиты выстрелом в затылок, – говорит скитоначальник иеромонах Матфей. – Почерк один и тот же, стрелял левша. А Успенский как раз был левшой».

Вознесенская церковь на Секирной горе отреставрирована, над коричневым маленьким куполом высится крест. Деятельный и доброжелательный иеромонах Матфей позволил нам подняться наверх и посмотреть маяк. Это – рефлектор в стеклянном колпаке, заказанный еще до революции во Франции. Его свет помогал кораблям найти дорогу на Соловки. В 1988-м Лихачеву было уже 82, но он поднялся на Секирную гору и посмотрел на маяк. Ему было очень важно побывать здесь, в том месте, где было замучено и расстреляно столько людей, многих из которых он знал.

Братская могила под Секировкой. Здесь лежат люди, убитые выстрелом в затылок. Их не хоронили – просто сбрасывали в ямы. На крестах – количество жертв, имена их мы никогда не узнаем. Осень 2016 года

Иеромонах Матфей стоит на лесенке, ведущей к маяку. Церковь Вознесения Господня на Секирной горе – храм-маяк. Здесь во времена ГУЛАГа был устроен мужской изолятор

Соловецкий кремль.
Вид со стороны бухты
Благополучия. Вокруг стен
кремля пасутся коровы,
умиротворяющий вид.
Во времена ГУЛАГа монастырь,
конечно, выглядел не так

ПАМЯТЬ

За семнадцать лет музея Лихачева или хотя бы постоянной экспозиции в одном из музеев так и не появилось. Хотя семья передала все вещи, включая награды, фотографии, обстановку кабинета, пишущую машинку, оксфордскую и другие мантии в Музей истории Петербурга. Вещи расписали по разным фондам. Нет воли, нет желания создать музей Лихачева ни у самих музейщиков, ни у руководства города. Хотя именно Дмитрий Лихачев в 1993 году стал первым почетным гражданином Петербурга уже в новой России. И никто тогда не удивился этому. Трудно переоценить все, что сделал академик для родного города.

Недавно губернатор Архангельской области озвучил такую мысль: надо создать музей Лихачева на Соловках. Казалось бы, логично. Но в камере, где сидел Лихачев, сейчас находится касса музея. И сотрудники не в восторге от этой идеи, хотя это было бы идеальным решением проблемы. Предлагают устроить экспозицию в одном из барачков за пределами кремля, где была детская колония. Ведь здесь Лихачев тоже работал. Собирали по всему острову несчастных, голодных детей и подростков, которые жили вместе с взрослыми. Однако будет ли музей Лихачева, в камере ли, в барачке ли – непонятно. На Соловках особенного энтузиазма по этому поводу пока нет.

ЛЕОНИД АНДРОНИЧКОВ

ЛЕОНИД АНДРОНИЧКОВ

КАМЕНЬ ЛИХАЧЕВА

Когда Лихачева собрались вывезти на материк вместе с другими заключенными для строительства канала, ему захотелось оставить на Соловках память о себе. Вместе с товарищем – Владимиром Короленко, двоюрод-

ным братом известного писателя, – они нашли в стороне от дороги на Большую Муксалму камень примерно 4 метра в длину и высотой более метра. На Муксалме, небольшом островке, находилась хозяйственная часть. И заключенных иногда

Монастырь со стороны Святого озера. Здесь были Никольские ворота, через которые заключенных водили на работу. С этой стороны сюда впервые с партией заключенных попал и Лихачев

посылали туда на работу. Они были у камня дважды и успели выбить на нем «Лихач» и «Корол». После этого Лихачев уехал на материк, а Короленко остался. Уезжая, Лихачев попросил Короленко «добить» фамилии. Впоследствии он написал Лихачеву, что доделал работу. Заключенного Владимира Короленко расстреляли в лагере в 1937 году. Сотрудники музея на Соловках нашли этот камень. Пейзаж за девяносто лет почти не изменился, здесь лишь вырос молодой лес. Но музейщики представляли, где надо искать, – Лихачев описал это место. Два холма, между ними озеро. Мы пробираемся туда по заболоченной местности, вокруг – чаща. Вот справа заблестело озеро. А вот и камень, огромный, розово-серый, кое-где поросший лишайником. Что думали Лихачев и Короленко, когда выбивали на нем свои фамилии? Наверное, надеялись, что надписи сохранятся и потомки будут их читать. Так и получилось.

Недавно сотрудники музея нашли в лесу камень. На нем чуть видны надписи «Короленко, Лихачев...» – их выдолбили заключенные Короленко и Лихачев в надежде таким образом оставить память о своем пребывании в лагере...

РУССКИЙ МИР.RU / НОЯБРЬ / 2016

ЛЕОНИД АНДРОНИЧКОВ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛТАРЕВЫМ

ОПЫТ БОРЬБЫ С УДУШЬЕМ

АВТОР

АННА ГАМАЛОВА

БРОДСКИЙ НЕ ЛЮБИЛ БИОГРАФИЙ И ЗАПРЕТИЛ ДРУЗЬЯМ УЧАСТВОВАТЬ В СОЗДАНИИ ЕГО ЖИЗНЕОПИСАНИЯ. ОСТРЫЕ ГЛАЗА БРОДСКОГО ВНИМАТЕЛЬНО СМОТРЯТ С ФОТОГРАФИЙ НА ДЕРЗНУВШЕГО ПОДСТУПИТЬСЯ К ХРЕСТОМАТИЙНОЙ БИОГРАФИИ; ДЕРЗНУВШЕМУ ПРИХОДИТСЯ ИЛИ ОБЪЯСНЯТЬСЯ, ИЛИ ЗАЩИЩАТЬСЯ ИРОНИЕЙ; И ТО И ДРУГОЕ РАВНО БЕССМЫСЛЕННО.

БИОГРАФ БРОДСКОГО Лев Лосев начинает жизнеописание своего героя не с отца и матери, а с времени и места: 24 мая 1940 года, Ленинград. Городское пространство – с его перспективами, небом, водой, с многочисленными культурными слоями, проступающими сквозь современность, – и сама современность, тяжеловесная поступь советской истории XX века, – вот система координат, во многом определяющая поэтику Бродского...

Отец, Александр Иванович Бродский, был фотографом. Мама, Мария Моисеевна Вольперт, бухгалтером. Жила семья небогато. Детство Бродского текло в коммуналках; в квартире, где прошла юность поэта, у семьи было «полторы комнаты»: родители жили в одной комнате, в другой часть занимала детская, а часть – фотолаборатория отца.

Через год после рождения мальчика началась война. Отец стал фронтовым фотокорреспондентом, мама и сын пережили первую блокадную зиму и в 1942 году уехали в эвакуацию в Череповец, к родителям матери. От блокадной зимы память ребенка сохранила одно: «Мать тащит меня на саночках по улицам, заваленным снегом. Вечер, лучи прожекторов шарят по небу. Мать протаскивает меня мимо пустой булочной». В Череповце Бродскому запомнилась полуподвальная квартира, испеченная бабушкой булочка в виде птички с изюмным глазком. Мать рассказывала, что в Череповце застала однажды трехлетнего сына за книгой «Так говорил Заратустра». Она взяла у него книгу и вернула вверх ногами; мальчик тотчас же перевернул ее как надо. Еще одно воспоминание из детства Бродского – огромная толпа народу на Литейном и праздничный салют Победы.

Отец после войны служил в Китае до 1948 года, вернувшись, нашел дома незнакомого подросшего сына. Отношения меж-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

С отцом. 1951 год.
Фото М.М. Вольперт.
Из архива М.И. Мильчика

ду ними складывались непросто. Ося плохо учился, отец мог его сгоряча выпороть ремнем – но и разговаривал с ним всерьез, и защищал его в школе, и учил фотографии.

Мальчик рос нервным, впечатлительным и вспыльчивым. В строгий порядок школы никак не вписывался: в тетрадях рисовал, писал некрасиво, учителям мог нагрубить. В результате ему пришлось сменить пять школ; в седьмом классе он остался на второй год с четырьмя годовыми двойками. После седьмого класса он пытался поступить во Второе Балтийское училище – мечтал стать подводником, но его не взяли; сам он считал, что из-за «пятого пункта». В школе его дразнили «жидом», он вспыхивал и дрался. Осознать свое еврейство как изгнанничество ему пришлось довольно рано. Однако основой его самоидентификации национальная принадлежность не стала – скорее, по Цветаевой, – «в сем христианнейшем из миров поэты – жи́ды». Для Бродского была характерна самоидентификация не по крови, а по культуре. А по культуре он принадлежал к русской интеллигенции, ориентирован-

С матерью.
1946 год. Фото
А.И. Бродского.
Из архива
М.И. Мильчика

ной на христианскую Европу и тесно с ней связанной.

Из школы он ушел в восьмом классе, устроился учеником фрезеровщика на завод «Арсенал». Какое-то время потом он учился в вечерней школе, потом посещал лекции в университете вольнослушателем, но никакого формального образования не получил. Все его знания, позволившие ему, недоучке с восьмью классами образования, стать университетским профессором в Америке, это результат интенсивного самообразования.

ПОИСК

Тогдашним знакомым он казался здоровым и сильным парнем. Полгода он работал на «Арсенале», ушел фрезеровщиком. После этого думал поступить в медицинский институт, пошел работать в прозекторскую, ушел и оттуда. Несколько месяцев проработал истопником в котельной, потом смотрителем маяка на выходе из ленинградского порта. Устроился в геологическую экспедицию – объяснял это тем, что «мечтал путешествовать по свету». С 1957 года начал работать в экспедициях – в Архангельской области, на Дальнем Востоке, затем в Якутии и в районе Каспия. Работу свою Бродский описывал без всякой романтики: тьма-тьмушая комаров, почти вся партия состоит из «бичей», «вы таскаетесь по тайге, по этим совершенно плоским, бесконечным болотам. Согнуты в три погибели. Разогнуться потом совершенно невозможно». При этом надо тащить тяжелые приборы. В это время он писал в письме своей школьной подруге, что отказывается от продвижения по «иерархической лестнице»: «Я уже давно решил вопрос о цели. Теперь я решаю вопрос о средствах. <...> То, что я делаю, это только поиск. Новых идей, новых образов и, главное, новых форм».

Дом Мурузи
в Петербурге
на Литейном
проспекте,
24, где с 1955
по 1972 год
жил Иосиф
Бродский.
Фото 1970-х
годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Жизнь в экспедициях была трудной и не очень сытой: тушенка, водка, чифирь. Приходилось таскать тяжести, выворачивать огромные камни, вывозить поваленный лес – это была тяжелая физическая работа. Больное сердце пока не давало о себе знать. В 1958 году Бродского не призвали в армию, по некоторым сведениям, из-за инфаркта у отца, а в 1962-м признали негодным по болезни сердца.

За восемь лет – с 1956 по 1963 год – Бродский сменил 13 мест работы, причем проработал на них в общей сложности 2 года 8 месяцев. Такая смена работ позволяла оставаться вне «воспитательного воздействия коллектива» и внимания комсомольской и партийной организации. Собственно, индивидуализм Бродского и его явная несоветскость – не антисоветизм, а именно несоветскость – и были основной претензией власти к поэту. «Диккенс был реальнее Сталина и Берии», – писал Бродский в эссе «Меньше единицы». – Более чем что бы то ни было романы определяли характер нашего поведения и разговоров, и девяносто процентов разговоров было о романах... <...> Книжки стали первой и единственной действительностью, тогда как сама действительность считалась вздором и докукой».

Он слушал лекции на филфаке ЛГУ. Много читал – русскую и мировую классику, потом европейскую модернистскую литературу, которая начала приходить в СССР с началом оттепели. Значительную часть его чтения составляли польские журналы, в которых можно было читать недоступные произведения западной литературы; Бродский «ради чтения Кафки и Камю выучил польский язык», пишет Лосев. Стихами он увлекся поздно: сам признавался, что не читал стихов, кроме входивших в школьную программу, до 16 лет, впрочем, с удовольствием вспоминал, как в школе читали вслух «Евгения Онегина» и «Горе от ума». В это время Бродский определился со своими

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОПОТАРЕВЫМ

В геологической экспедиции. Якутия. 1959 год. Из архива Я.А. Гордина

поэтическими пристрастиями, отчетливо выделяя среди поэтов «золотого века» Батюшкова и Боратынского, находя много хорошего у Алексея Толстого и не прощая Тютчеву его «шинельных од». Самым крупным русским поэтом XX века он считал Цветаеву – и его стихи, начиная с ранних, роднит с цвета-

евскими предельная честность и бескомпромиссное отчаяние. Из современников он в юности больше всего ценил Слуцкого – даже специально ездил в 1960 году в Москву, чтобы с ним познакомиться; о Слуцком написал позднее, что для него характерна «жесткая, трагичная и равнодушная интонация», свойственная выжившим. Интонация была востребована временем (это отчасти ответ на вопрос немецкого философа Теодора Адорно, как можно писать стихи после Освенцима), а поэтический опыт Слуцкого оказался совершенно адекватен поискам Бродского.

Писать стихи Бродский начал в 17 лет. Среди первых проб его часты верлибры; уже среди романтических первых стихов попадаются индивидуально «бродские», с характерной интонацией, с четкостью деталей – с «лица общими выраженьем»; эту цитату из Боратынского он особенно любил. В 1960-м он опубликовал пять стихотворений в поэтическом журнале «Синтаксис», который самостоятельно издавал студент Московского университета Александр Гинзбург. «Синтаксис» был ошельмован в газете «Известия», Гинзбурга посадили на два года по другому поводу, а поэтов, которые публиковались в журнале, стали таскать на допросы в КГБ. Но Бродского впервые арестовали 29 января 1962 года по другому делу – Уманского и Шахматова. Олег Шахматов, бывший летчик и музыкант, входил в кружок Александра Уманского, где увлекались восточной мистикой и эзотерикой, он и познакомил Бродского с Уманским. Летом 1960 года Бродский поехал навестить Шахматова в Самарканд, где тот в это время жил, привез рукопись Уманского, которую они хотели передать с оказией за рубеж. Прия-

Личная карточка № 1

Имя: Бродский Фамилия: Илья Отчество: Александрович

1. Место рождения: Ленинград 2. Год рождения: 1931 3. Пол: мужской 4. Место рождения: Ленинград 5. Место рождения: Ленинград 6. Место рождения: Ленинград 7. Место рождения: Ленинград 8. Место рождения: Ленинград 9. Место рождения: Ленинград 10. Место рождения: Ленинград 11. Место рождения: Ленинград 12. Место рождения: Ленинград 13. Место рождения: Ленинград 14. Место рождения: Ленинград 15. Место рождения: Ленинград 16. Место рождения: Ленинград 17. Место рождения: Ленинград 18. Место рождения: Ленинград 19. Место рождения: Ленинград 20. Место рождения: Ленинград 21. Место рождения: Ленинград 22. Место рождения: Ленинград 23. Место рождения: Ленинград 24. Место рождения: Ленинград 25. Место рождения: Ленинград 26. Место рождения: Ленинград 27. Место рождения: Ленинград 28. Место рождения: Ленинград 29. Место рождения: Ленинград 30. Место рождения: Ленинград 31. Место рождения: Ленинград 32. Место рождения: Ленинград 33. Место рождения: Ленинград 34. Место рождения: Ленинград 35. Место рождения: Ленинград 36. Место рождения: Ленинград 37. Место рождения: Ленинград 38. Место рождения: Ленинград 39. Место рождения: Ленинград 40. Место рождения: Ленинград 41. Место рождения: Ленинград 42. Место рождения: Ленинград 43. Место рождения: Ленинград 44. Место рождения: Ленинград 45. Место рождения: Ленинград 46. Место рождения: Ленинград 47. Место рождения: Ленинград 48. Место рождения: Ленинград 49. Место рождения: Ленинград 50. Место рождения: Ленинград 51. Место рождения: Ленинград 52. Место рождения: Ленинград 53. Место рождения: Ленинград 54. Место рождения: Ленинград 55. Место рождения: Ленинград 56. Место рождения: Ленинград 57. Место рождения: Ленинград 58. Место рождения: Ленинград 59. Место рождения: Ленинград 60. Место рождения: Ленинград 61. Место рождения: Ленинград 62. Место рождения: Ленинград 63. Место рождения: Ленинград 64. Место рождения: Ленинград 65. Место рождения: Ленинград 66. Место рождения: Ленинград 67. Место рождения: Ленинград 68. Место рождения: Ленинград 69. Место рождения: Ленинград 70. Место рождения: Ленинград 71. Место рождения: Ленинград 72. Место рождения: Ленинград 73. Место рождения: Ленинград 74. Место рождения: Ленинград 75. Место рождения: Ленинград 76. Место рождения: Ленинград 77. Место рождения: Ленинград 78. Место рождения: Ленинград 79. Место рождения: Ленинград 80. Место рождения: Ленинград 81. Место рождения: Ленинград 82. Место рождения: Ленинград 83. Место рождения: Ленинград 84. Место рождения: Ленинград 85. Место рождения: Ленинград 86. Место рождения: Ленинград 87. Место рождения: Ленинград 88. Место рождения: Ленинград 89. Место рождения: Ленинград 90. Место рождения: Ленинград 91. Место рождения: Ленинград 92. Место рождения: Ленинград 93. Место рождения: Ленинград 94. Место рождения: Ленинград 95. Место рождения: Ленинград 96. Место рождения: Ленинград 97. Место рождения: Ленинград 98. Место рождения: Ленинград 99. Место рождения: Ленинград 100. Место рождения: Ленинград

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОПОТАРЕВЫМ

Личная карточка И.А. Бродского в отделе кадров завода «Арсенал»

Иосиф Бродский и Анна
Ахматова.
Фото А.И. Бродского (?).
1960-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Марина
Басманова

со своей свободой – уходила, ускользала, отстранялась, внезапно возвращалась...

Тучи постепенно сгущались над его головой. Вместе с его поэтической славой росло и раздражение властей, недовольных его публичными выступлениями и тем, что его хорошо принимала молодая публика. 29 ноября 1963 года в «Вечернем Ленинграде» была опубликована знаменитая статья «Окололитературный трутень». Два ее автора, Ионин и Медведев, работали в газете, третий, Яков Лернер, был организатором народной дружины, общественником и инициатором кампании против Бродского. У Лернера было целое досье на поэта, где хранился неизвестно как попавший к нему дневник Бродского за 1956 год. Лернер даже специально съездил в Москву, чтобы переговорить о моральном облике Бродского с редакцией «Художественной литературы», с которой у поэта были заключены договоры на переводы. В результате издательство их аннулировало.

В статье Бродского называли «самоуверенным юнцом», а его стихи «смесью из декадентщины, модернизма и самой обыкновенной тарбарщины», обвиняли в тунеядстве и в том, что он вынашивает «планы измены Родине»... Финал статьи – «Такому, как Бродский, не место в Ленинграде» – Лидия Чуковская прокомментировала в дневнике так: «Знаем мы

тели вместе придумали бежать за границу; для этого надо было «вырубить» пилота и угнать самолет. Бродский, по его словам, перед самым вылетом самолета передумал: понял, что не готов никогда больше не увидеть близких людей, не готов бить пилота по голове – и на том затея закончилась. Но через год, когда Шахматова арестовали за незаконное хранение оружия, он сообщил властям, что в Ленинграде действует подпольная антисоветская группа Уманского, и назвал Бродского в числе ее членов, упомянув об истории с угоном самолета. Бродского арестовали, но предъявить ему было нечего, и его отпустили. Однако под наблюдением он оставался всегда.

В 1961 году Евгений Рейн познакомил Бродского с Ахматовой. Бродский говорил, что только после второго или третьего визита «вдруг понял – знаете, вдруг как бы спадает завеса – с кем или, вернее, с чем я имею дело». Он говорил, что общение с Ахматовой дало ему очень многое не только в поэтическом смысле, но и в области этики, в понимании христианства: «Это было влияние, прежде всего, человеческое. Вы понимаете, что имеете дело с хомо сапиенс, то есть не столько с «сапиенс», сколько с «дей».

МАРИНА

Художница Марина (Марианна) Басманова была очень красива, умна и молчалива. Она носила с собой маленькие блокнотики, в которых постоянно делала зарисовки. Она прекрасно разбиралась в живописи, любила музыку, много читала, но мало кого подпускала близко.

Они познакомились в 1962 году. Ему было 22 года, ей – 24. Людмила Штерн вспоминала, что Бродский был совершенно очарован. Он много раз звал ее замуж, но она всякий раз отказывала: не хотела расставаться

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

С котом
Осей. Фото
А.И. Бродского.
Из архива
Л.Я. Штерн

это «не место». Десятилетиями оно означало одно место: лагерь». На 25 декабря был назначен общественный суд. Друзья стали думать, как спасти Бродского от неминуемого ареста. Выбрали вариант госпитализации в психиатрическую больницу в Москве – на знаменитую «Канатчикову дачу». Там Бродский и встретил новый, 1964 год. Обстановка больницы действовала на него до такой степени удручающе, что он стал просить друзей вызвать его оттуда – и скоро был выписан с диагнозом «шизоидная психопатия».

В это время Марина Басманова, которую он представлял своим знакомым как невесту, сблизилась с их общим другом, поэтом Дмитрием Бобышевым. Бобышев рассказывает, что Марина в ответ на его сомнения – как же так, «он, кажется, считал тебя своей невестой» – ответила: «Я себя так не считаю, а что он думает – это его дело...» Бродский скоро узнал о двойной измене от друзей, рванул в Москву, где произошло их объяснение с Бобышевым и разрыв. 11 января Лидия Чуковская записала в дневнике услышанное от Ахматовой: «Иосиф пытался перерезать себе вены» – и «все из-за невесты».

РИА НОВОСТИ

Поэт Иосиф
Бродский

СУД

8 января 1964 года в «Вечернем Ленинграде» вышла подборка писем трудящихся, которые, разумеется, требовали примерно наказать «окололитературного трутня». 13 февраля 1964 года Бродского арестовали. В камере у него случился сердечный приступ, но его продолжали держать под арестом. 18 февраля в Дзержинском суде слушалось дело Бродского. Благодаря писательнице Фриде Вигдоровой, которая пришла на суд как журналист и записывала процесс, происходящее в зале заседаний стало известно всему миру:

«Судья: А кто это признал, что вы поэт? Кто причислил вас к поэтам?

Бродский: Никто. (Без вызова.) А кто причислил меня к роду человеческого?

Судья: А вы учились этому?

Бродский: Чему?

Судья: Чтобы быть поэтом? Не пытались кончить вуз, где готовят... где учат...

Бродский: Я не думал, что это дается образованием.

Судья: А чем же?

Бродский: Я думаю это... (растерянно) от Бога...

Защита попросила психиатрической экспертизы: надеялись, что удастся спасти Бродского от сурового приговора, сославшись на его психическую болезнь. На экспертизу его отправили в психиатрическую больницу на набережной Пряжки. Несколько дней, проведенных в этой больнице, Бродский называл худшими днями в своей жизни. Первые три дня он лежал в палате для буйных и подвергался смирительным процедурам, в том числе уколам серы, от которых все болит, и «укрутке»: пациента окунают в холодную ванну в простынях, а потом укладывают к батарее, и эти простыни на нем ссыхаются. Бродский говорил, что больницу вынести тяжелее, чем тюрьму. Выписали его с заключением, что он здоров и трудоспособен, хотя и проявляет «психопатические черты характера».

Следующее заседание суда, 13 марта, прошло как открытый показательный процесс – уже не в суде, а в заводском клубе, куда не пустили многих друзей Бродского, но привезли рабочих в качестве публики. Свидетелями обвинения выступали люди, узнавшие о Бродском из газет. Свидетели защиты, поэт Наталья Грудина и переводчица Ефим Эткинд и Владимир Адмони, пытались доказать, что Бродский – квалифицированный переводчик. Результатом этих усилий стало частное определение суда об отсутствии у них «идейной зоркости и партийной принципиальности», переданное в Союз писателей. Позорный суд закончился приговором: пять лет ссылки с обязательным привлечением к труду по месту жительства.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Страница
газеты
«Вечерний
Ленинград»

НОРЕНСКАЯ

Лидия Чуковская и Фрида Вигдорова развернули целую кампанию борьбы за Бродского; они писали письма в его защиту во все инстанции, привлекли к защите ссыльного поэта Корнея Чуковского, Самуила Маршака, Александра Твардовского, даже писателей-функционеров Константина Федина и Алексея Суркова. Сам Бродский не любил говорить о суде. «Я отказываюсь все это драматизировать», – сказал он Соломону Волкову.

Местом ссылки для него стала умирающая деревня Норенская Коношского района Архангельской области. Бродский каждое утро приходил в правление и брал наряд на день. Крыл крышу, работал бондарем, ворошил лопатой зерно, трелевал бревна в лесу, пас телят, подрабатывал фотографией. Он жил один в избе, которую снимал у крестьянской семьи; читал при керосиновой лампе или свечах. Он говорил о ссылке: «...это был, как я сейчас вспоминаю, один из лучших периодов в моей жизни. Бывали и не хуже, но лучше – пожалуй, не было». Время тишины, уединения, чтения и работы над стихами оказалось для него важной и нужной паузой. У него было время неспешно вчитываться в английскую и американскую поэзию, работать со словарем, продумывать принципы своей поэтики. Это было и время напряженных размышлений о смысле существования, о своем призвании, о времени и языке – и итогом этих размышлений стало преображение Бродского-поэта. Теперь в его стихах появляется властный, подчиняющий себе ритм; вместо страдающего, непосредственного лирического «я» – холодноватый, отстраненный взгляд на мир и на себя извне, со стороны. Бродский скорее поэт ритма, строфы, чем поэт музыки, как Блок. Музыка Бродского – четкий, завораживающий, как «Болеро» Равеля, ритм – ход времени.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

К нему несколько раз приезжали друзья, привезли пишущую машинку. Приезжала и Басманова. В один из ее приездов, когда она уже собралась уезжать, нагрянул Дмитрий Бобышев; произошла нелепая сцена, подробно описанная в воспоминаниях Бобышева; тот уехал вместе с Мариной.

Большая часть стихов Бродского, написанных в ссылке, – о любви и расставании с любимой. *Сентябрь. Ночь. Все общество – свеча.*

*Но тень еще глядит из-за плеча
в мои листы и роется в корнях
оборванных. И призрак твой
в сених
шуршит и булькает водою
и улыбается звездой
в распахнутых рывком дверях.*

Темнеет надо мною свет.

Вода затягивает след.

Стихи, посвященные «М.Б.», Бродский потом собрал в книгу «Новые стансы к Августе»; о ней говорил: «до известной степени это главное дело моей жизни».

Ссылные вечера.

Из архива

Я.А. Гордина

Обложка

и титульный

лист первого

сборника

стихов Иосифа

Бродского

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПЕРВАЯ КНИГА

Хлопоты друзей и протесты мировой общественности (в частности, письмо Сартра к Анастасу Микояну) привели к тому, что вместо пяти лет Бродский отбыл в ссылку год и пять месяцев. Верховный Суд СССР рассмотрел дело и снизил срок ссылки до фактически отбытого. Поэт вернулся в Ленинград. После возвращения он вступил в ячейку писателей при Ленинградском отделении Союза писателей, это позволяло ему не считаться тунеядцем. Изредка печатался в детских журналах, на «Ленфильме» редактировал тексты для дубляжа, переводил – перебивался с одного случайного заработка на другой. Теперь он был хорошо известен в мире, и приезжающие в Ленинград слависты старались с ним познакомиться; так у него появились друзья за границей, его стихи начали переводить. В 1965 году в Америке вышел сборник «Стихотворения и поэмы», составленный по самиздатовским копиям стихов; Бродский к этому изданию никакого отношения не имел и не считал его своей книгой. Он пытался издать в «Советском писателе» сборник под названием «Зимняя почта», однако редакция потребовала добавить стихов с «гражданскими мотивами». Бродский забрал рукопись из издательства.

Рукопись своей первой настоящей книги, «Остановка в пустыне», Бродский тайком переправил на Запад через своего переводчика Джорджа Клайна в 1968 году. Книга вышла в Нью-Йорке в 1970 году и сразу обратила на себя внимание критики – и новизной поэтики, и необычностью творческих поисков.

Отношения с Мариной Басмановой по-прежнему оставались нестабильными: она то уходила, то возвращалась. В 1967 году у них с Бродским родился сын Андрей – и вскоре после его рождения они окончательно расстались.

Теперь в стихах Бродского появляется – пользуясь его словами о Слуцком – жесткая, равно-

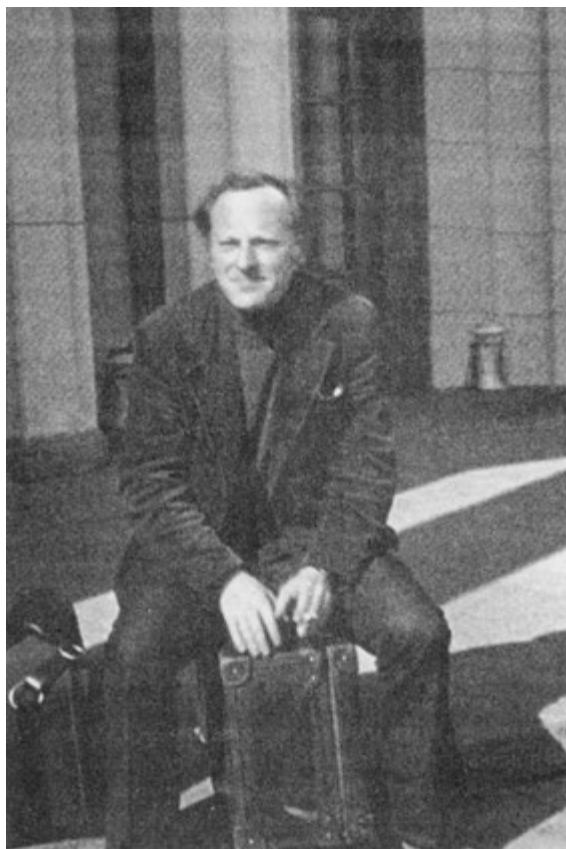

душная и трагичная интонация, свойственная выжившим. Умение говорить о катастрофе после катастрофы, говорить об одиночестве и отчаянии без крика и восклицаний – собственно, это поэтический язык, который оказался очень нужен нескольким последующим поколениям сограждан. Так же как и его «опыт борьбы с удушьем», опыт жизни в темноте, способность жить после жизни.

ОТЪЕЗД

Бродский считал переломным для себя вовсе не отъезд из СССР – для него вехой был, скорее, рубеж 1971–1972 годов. Кажется, именно в это время он нашел свой философский камень в поэзии и добился органичного сочетания классической традиции с формальными экспериментами, понял, как говорить о сложном без превращения текста в тяжелый для отгадывания ребус. В 1972 году Бродский – уже мастер: написаны «В Рождество все немного волхвы...», «Одному тирану», «Письма римскому другу», «Песня невинности, она же – опыта», «Сретенье»...

У него на руках был вызов в Израиль, но уезжать он не собирался: не хотел покидать родителей, ребенка, друзей, менять языковую среду – для поэта утрата ее невосполнима. Однако в мае 1972-го его вызвали в ОВИР и предложили уехать, пообещав в противном случае «горячие денечки». Документы на выезд были оформлены, и 4 июня Бродский вылетел в Вену, увозя рукописи и пишущую машинку, которую ему раскурочили таможенники. В день отъезда он написал Брежневу спокойное и горькое письмо с просьбой оставить ему возможность присутствовать в русской культуре – хотя бы в качестве переводчика: «...в любом случае, даже если моему народу не нужно мое тело, душа моя ему еще пригодится». В Вене Бродского встретил давний знакомый, профессор Карл Проффер, славист и основатель издательства Ardis. На следующий день они отправи-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

лись на машине в город Кирхштеттен, где проводил лето любимый поэт Бродского Уистен Хью Оден. Два поэта встретились; оказалось, Оден был хорошо осведомлен о деле Бродского, читал его стихи в переводах Клайна и написал к ним предисловие. Оден взял Бродского под опеку и провел с ним целый месяц. Затем Бродский через Лондон отправился в Америку. Карл

В аэропорту
Пулково в день
эмиграции.
4 июня 1972 года.
Из архива
М.И. Мильчика

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В Нью-Йорке.
1970-е годы

Проффер нашел для него место преподавателя в Мичиганском университете. Бродский помогал Профферу и его жене и соратнице Эллендее налаживать работу издательства, где вышла его новая книга, «Часть речи», и все последующие книги.

Бродский поселился в городке Энн-Арбор и стал заниматься со студентами анализом поэтических текстов; поначалу ему было очень трудно из-за недостаточного знания языка и отсутствия опыта. В 1974 году он преподавал в Куинс Колледже в Нью-Йорке, а в 1981-м – переехал в городок Саут-Хедли в Массачусетсе, в двух часах езды от Нью-Йорка, где также занимался преподаванием. Большую часть своей американской жизни он прожил в Нью-Йорке. Он сотрудничал с журналом The New York Review of Books, для которого писал эссе о литературе, с журналом New Yorker, с приложением к New York Times и даже с журналом «Вог»; скоро Бродский стал известным эссеистом, а его сборник эссе Less than One в 1987 году получил премию Национальной ассоциации литературных критиков США.

Пользуясь новообретенной свободой передвижения, Бродский много путешествовал, подолгу жил в Риме, открыл для себя Венецию, куда каждый год стал приезжать на Рождество.

В 1976 году у него случился первый инфаркт. В 1978-м пришлось сделать операцию на сердце, после нее Бродский долго приходил в себя. 53 американских конгрессмена подписали письмо Брежневу с просьбой разрешить матери Бродского приехать к тяжело больному сыну, но власти СССР сочли это «нецелесообразным», как и во все предыдущие годы.

В 1983 году умерла Мария Моисеевна, в 1984-м – Александр Иванович. Незадолго до смерти ему в очередной раз отказали в выездной визе. В воспоминаниях о родителях, названных «Полторы комнаты», Бродский писал: «Они знают, что чувствуешь, когда не разрешено пови-

дать мать или отца при смерти; молчание, воцаряющееся вслед за требованием срочной визы для выезда на похороны близкого. А затем становится слишком поздно, и, повесив телефонную трубку, он или она бредет из дому в иностранный полдень, ощущая нечто, для чего ни в одном языке нет слов и что никаким стоном не передать тоже...» Второй и третий инфаркты случились у Бродского в 1985 году, и снова понадобилась операция на сердце. Затем – еще один инфаркт, в 1994-м. В последние годы жизни его врачи все чаще говорили о необходимости пересадки сердца. Теперь любые физические усилия были ему трудны. Он привык жить в вечном присутствии смерти. И сохранять стоическое спокойствие – и быть благодарным.

СЛАВА

Он никогда не чувствовал себя своим в новой культурной среде, всегда оставаясь несколько посторонним, чужим. Но сам он оценивал жизнь в изгнании так: «Те пятнадцать лет, что я провел в США, были для меня необыкновенными, поскольку все оставили меня в покое. Я вел такую жизнь, какую, полагаю, и должен вести поэт – не уступая публичным соблазнам, живя в уединении. Может быть, изгнание и есть естественное условие существования поэта, в отличие от романиста, который должен находиться внутри структур описываемого им общества».

ИТАР-ТАСС

В 1987 году он получил Нобелевскую премию по литературе – в 47 лет. Обычно литераторы-нобелиаты куда старше. Он, оглушенный всемирной славой, беспокоился: сможет ли еще писать стихи? Написал «Рождественскую звезду» и облегченно подумал, что все в порядке...

На родине началась перестройка. В Америку стали приезжать друзья, с которыми он не виделся много лет, из России посыпались предложения о публикациях и интервью. В 1988 году в

Иосиф Бродский.
1987 год

советской прессе начался вал публикаций его стихов. Его эта новообретенная любовь не радовала: «Я привык жить в стороне и не хочу это менять. Я так давно живу вдали от родины, мой взгляд – это взгляд извне, и только; то, что там происходит, я кожей не чувствую...» И еще: «Меня не привлекает перспектива въезда в Иерусалим на белом коне». Он боялся шумихи, интервьюеров, телекамер.

В 1993 году российским телевизионщикам удалось снять Бродского в Венеции. Он серьезно ответил им на традиционный русский вопрос «Что делать?»: «Нас раздели и разули и выставили на колоссальный экзистенциальный холод. Но результатом этого не должна быть ирония. Результатом должно быть взаимное сострадание. И я этого не вижу». Эту мысль он повторяет снова и снова – в письме Брежневу, в стихах, в интервью: человеческая жизнь трудна и трагична, не надо делать ее друг другу еще тяжелее. И – в стихах: «Многие – собственно, все! – в этом, по крайней мере, мире стоят любви».

Последние годы его были освещены любовью и радостью семейной жизни. В 1990 году он женился на молодой красавице Марии Соццани, наполовину русской, наполовину итальянке. В 1993 году у них родилась дочь Анна. Он много и плодотворно работал, но точно знал, что скоро умрет. Умер он у себя в кабинете 27 января 1996 года от внезапной остановки сердца, в 55 лет.

Впрочем, он твердо знал, что Бог сохраняет все и что сходство читателя и поэта сильнее времени и пространства, двух форм существования материи:

*Ты для меня не существуешь; я
в глазах твоих – кириллица,
названья...*

*Но сходство двух систем небытия
сильнее, чем двух форм
существованья.*

*Листай меня поэтому – пока
не грянет текст полночного гимна.
Ты – все или никто, и языка
безадресная искренность взаимна.* ❶

С женой Марией
Соццани. Фото
М. Барышникова

РЕЗИДЕНТ, ЛЮБЕЗНЫЙ СЕРДЦУ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ТИТУЛ СВЕТЛЕЙШЕГО КНЯЗЯ
ДАРОВАЛ ИМПЕРАТОР ИЛИ
ИМПЕРАТРИЦА ПО ЛИЧНОМУ
ВЫБОРУ ЗА ОСОБЫЕ ЗАСЛУГИ
ПЕРЕД ТРОНОМ, СТРАНОЙ
И НАРОДОМ.

В СЕГО ТАКОВЫХ, НАЧИНАЯ с белорусского дворянина-«пирожника» Александра Меншикова и молдавского господаря Дмитрия Кантемира, набирается всего-то 30 фамилий. Среди них – 8 представителей царских и княжеских родов Грузии. Далеко не в каждом случае титул был подтверждением этих самых выдающихся заслуг и носил порой дипломатическое содержание. В некоторых родах титул стал наследуемым, как, скажем, у Волконских, Воронцовых и Ливенов. В других – обрывался на первом носителе из-за отсутствия официального потомства, как у канцлера Александра Безбородко, фаворита Екатерины II Григория Потемкина или фельдмаршала Михаила Голенищева-Кутузова. К обладателям титула следовало обращаться «Ваша светлость» – так же как к младшим детям правнуков императора и их потомству в мужском поколении, а после 1886 года ко всем правнукам и нисходящим мужским законным потомкам членов Императорского дома.

...В этой гостинице Петербурга, на углу Малой Морской и Гороховой, довелось остановиться единственный раз. Завтрак был предложен в бельэтаже, в уютной зале, выходящей окнами и на Малую Морскую, и на Гороховую улицу одновременно. Дом старый, XVIII века, уже в середине следующего столетия известный ресторацией с европейской кухней. Некоторое время в сдаваемых над рестораном комнатах проживал Петр Чайковский. Уже в XX веке это заведение стало крайне популярным среди питерской творческой интеллигенции. Здесь выпивали и дискутировали Александр Куприн, Леонид Андреев, Алексей Толстой, Максим Горький, Аркадий Аверченко, басовито будил уставших друзей Федор Шаляпин, подменяя удалявшуюся передохнуть в уборную популярную шансон-мадемуазель Марго.

Крепкий кофе и по-питерски свежие булочки сами по себе

Александр Иванович Чернышев (1785–1857). Гравюра Т. Райта с оригинала из мастерской Дж. Доу. 1823 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

не явились бы причиной, заставившей вспомнить Чайковского, Пушкина, Princesse Moustache и три карты, из которых безусловной фавориткой была пиковая дама. Но официант, уловив взгляд, направленный на окна дома напротив, ненавязчиво обронил: «Да, княгиня Наталья Петровна Голицына, урожденная Чернышева, жила в этом особняке на Малой Морской, 10. Здесь и почил в бозе на 96-м году жизни». Кто знает, может быть, в стенах дома напротив открыла старая «усатая княгиня» секрет трех выигранных карт? Не Пушкину, так внучатому племяннику князю Сергею Голицыну по прозвищу Фирс. Княгиня умерла в 1837 году, Фирс вышел в отставку в чине капитана тогда же, «по семейным обстоятельствам». Но дом на Малой Морской не оставил своим присутствием, так как туда в 1852 году въехал дальний родственник Голицына, военный министр Александр Чернышев, о котором, собственно, и пойдет речь.

ЧТО НЕ СПОДВИЖНИК, ТО МЕРЗАВЕЦ

Среди участников декабрьского восстания 1825 года генералов было не так уж много. Ну, первоначально вспоминается князь Сергей Волконский, генерал-майор, бригадный командир 19-й пехотной дивизии, отставной генерал-майор Михаил Фонвизин, три статских генерала – Николай Тургенев, Алексей Юшневский и Семен Краснокутский. Собственно, все. Еще несколько действующих и отставных полковников лейб-гвардии, первый среди коих, разумеется, князь Сергей Трубецкой. А гвардейский полковник, почитай, армейский генерал. В силу того, что культ декабристского движения у нас до недавнего времени был крайне почитаемым, да и сегодня наивная влюбленность в события, связанные с движением революционных офицеров-романтиков сильно, складывается впечатление, что все достойные генералы и прочие чины разделяли идеи декабризма. А вот на страже государственности, на стороне, так

сказать, абсолютизма в лице Николая I выступали люди исключительно несимпатичные. Этих «несимпатичность» складывалась из разных качеств, как личных, так и профессиональных.

Один первый ряд чего стоит! Александр Бенкендорф, Леонтий Дубельт, Василий Левашев, Михаил Милорадович (даром что смертельно пострадал от пулевой раны бунтовщика Каховского и штыкового удара бунтовщика князя Оболенского на Сенатской площади), Алексей Орлов, Егор Канкрин... Среди них – и Александр Чернышев, впоследствии военный министр империи и светлейший князь. А ведь были еще сотни генералов и высших чиновников, оставшихся в период «дворянской революции» 1825 года верными существовавшему строю. Хотя не все они походили на «оловянных солдатиков», полностью убежденных в правильности любой команды, спускаемой из Зимнего дворца. Достаточно вспомнить героя войны 1812 года генерала Николая Раевского или рвущегося в опалу героя той же войны генерала Алексея Ермолова. Не был простой фигурой во властных кругах Отечества и генерал Чернышев. Хотя по этой фигуре «красная» пропаганда проходила систематически и одномерно.

Но обо всем по порядку.

Нередко можно прочесть, что Александр Иванович Чернышев – выходец из захудалой ветви рода. Потому, мол, и не граф, как выходцы из ветви, процветавшей в XVIII веке. Более того, и Чернышев он вовсе не тот, а какой-то другой, однофамилец и прочее. Мало ли на Руси было Чернышевых? Тут хочется сделать отступление в части не столько компетенции историков XX века, пытавшихся превратить Александра Ивановича в некую «генетическую случайность», сколько в части той самой пролетарской логики, следуя которой из главного «казнителя» участников мятежа 1825 года непременно надо было бы сделать если уж не Рюриковича–Гедиминовича, то хотя бы потомственного ари-

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОПОТАРЕВЫМ

стократа-боярина. Казалось бы, карты в руки идут, делайте из генерала наследного кровопийцу! Но что-то не заладилось, видать. Если обратиться к русским дворянским гербовникам и прочим уважаемым источникам, объясняющим историю древних родов, то в сокращенном виде можно узреть следующее. «Некто польский шляхтич Иван Михайлович Чарныш-Чарнецкий, въехав в Московское государство при царе Василии (III) Ивановиче, за службу получил от государя в вотчину село Конобеево. Не имея детей, он вызвал к себе и сделал своим наследником в 1534 году племянника – Илью Владимировича Чарныша-Чарнецкого, который стал уже писаться Чернышевым, сделавшись родоначальником в России этой фамилии. Принимая в соображение, что первый Чернышев был при Грозном, мы не знаем по отчеству деятелей в Москве в начале XVII века с фамилией Чернышевых, вернее всего, внуков родоначальника, но никак не сыновей его. Этих внуков, а не сыновей, было три: Григорий Ильич, Дмитрий Ильич и Третьяк Савелий Ильич. <...> Из старшей ветви фамилии происходят и теперешние князья...». Далее пару столетий можно без осо-

Княгиня
Елизавета
Николаевна
Чернышева
[1809–1879]

бых проблем пропустить и выйти на следующий пассаж: «Иван Львович Чернышев был сенатор при Екатерине II, генерал-поручик (1736–1793), женатый на родной сестре известного ее любимца – Евдокии Ланской. От этого брака родились сын и дочь. Сын был военным министром при Николае I. Известный герой Отечественной войны князь Александр Чернышев от двух браков не имел детей, а от 3-го брака с графиней Елизаветой Николаевной Зотовой оставил сына – князя Льва (род. 3 сентября 1837 года) и двух дочерей, из которых старшая вышла за князя Владимира Барятинского, а вторая – за князя Дмитрия Лобанова-Ростовского». Вот такие формальности.

Одно верно: пока отец Иван Львович не достиг высоких чинов, деньгами богат не был. Имел 90 крестьянских душ, хозяйством особо не занимался, так как служил дено и ношно. Дворянские книги – штука, безусловно, надежная. Но они не стали помехой тем историкам, кто безапелляционно лишил Александра Чернышева всяческих связей с его древним родом, объявил, по сути, безродным мелкопоместным дворянином, а заодно и нивелировал многочисленные заслуги генерала перед Отечеством. В качестве аргумента приводилась история, связанная с работой Следственного комитета по делу «14 декабря», в котором Чернышев играл заметную роль. Дело в том, что среди заговорщиков был другой представитель той самой младшей и чрезвычайно богатой ветви рода – граф Захар Григорьевич. Непосредственного участия в восстании на Сенатской площади ротмистр Кавалергардского полка Захар Чернышев не принимал, был в отпуске по семейным обстоятельствам. Но все случилось бы иначе, находишься кавалергард в декабре 1825 года в Петербурге. Будучи одним из самых новопризванных членов Северного общества (он был принят в него весной 1825 года), Захар Григорьевич сразу обозначил себя ярким радикалом. Вот что вспоминал о поведении едва до-

ставленного в гауптвахту Чернышева декабрист Михаил Пущин: «Привезли под вечер к нам же графа Захара Чернышёва. Чернышёв во всеуслышание начал критиковать действия заговорщиков 14-го числа и сказал, по мнению его, нужно было увериться в артиллерии и поставить её против Зимнего дворца, дать несколько залпов ядрами или картечью, чем попало, и тогда, он уверен, дело б приняло совершенно иной образ, и мы тут бы не сидели...»

В списке участников восстания против фамилии Захара Чернышева стояла пометка – «важный». Но при этом Николай I спустя две недели после восстания распорядился Чернышева «содержать хорошо». Захар Григорьевич был осужден по 7-му разряду, то есть лишен чинов, дворянства, высылался в Сибирь на год каторжных работ с последующей бессрочной ссылкой. На деле, как и в большинстве случаев с «возмутителями спокойствия», все обошлось мягче. Уже в апреле 1829 года бывший ротмистр служит на Кавказе, разумеется, рядовым, а в марте 1833 года за боевые заслуги производится в офицеры. В 1837-м подпоручик 7-го кавказского линейного батальона Захар Чернышев выходит в отставку с правом проживать в Московской губернии и несколько позже занимать гражданские должности. В начале осени 1856 года по амнистии, дарованной императором Александром II, Захару Чернышеву вернули дворянство и и графский титул.

Стоит заметить, что его так называемый однофамилец Александр Чернышев – военный министр империи, председатель Военного совета, член Государственного совета, шеф Санкт-Петербургского уланского полка, член Комиссии для рассмотрения предложения Герстнера о сооружении железных дорог в России, председатель Комитета для предварительного рассмотрения и соображения всех вообще дел по управлению Закавказским краем, член Комитета об устройстве питейных сборов, член Комите-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Ф. Крюгер.
Портрет
светлейшего
князя
А.И. Чернышева.
1851 год

та о замене государственных асигнаций другими денежными знаками, шеф Кабардинского егерского полка, председатель Государственного совета, председатель Комитета министров, председатель Сибирского комитета, почетный президент Военной академии – был еще жив. И, видимо, не нуждался.

Суть же интриги, приписываемой Александру Чернышеву в отношении Захара Чернышева, в том, что во время следствия по делу «14 декабря» он рьяно настаивал на том, чтобы его кузен был приговорен к высшей мере. И тогда гигантский дедовский майорат, прямым наследником которого являлся Захар Григорьевич, мог бы перейти в его собственность. Сдается, у 40-летнего вельможи, чрезвычайно близкого к императору, было довольно способов решить эту проблему, если б она его сильно беспокоила. Но ни один из этих способов применен не был. Наоборот, кузену Захару было уготовано довольно сносное «декабристское» будущее. Кстати, гуляет такой анекдот. При встрече на допросе генерал Чернышев сделал удивленный

вид: «Как, и вы тоже виновны, кузен?» На что арестованный ротмистр Чернышев ответил: «Быть может, и виновен. Но не кузен». Тут искренний борец за свободу России от абсолютистского самодержавия и, как следствие, ярый сторонник артиллерийского обстрела Зимнего дворца, похоже, кривил душой. Да, не кузены, но родственники – точно.

К чему вся эта длинная история, связанная с родом Чернышевых? К одному: желанию реабилитировать в глазах ныне живущих Александра Ивановича Чернышева, хоть и стоявшего в день казни декабристов на кронверке Петропавловской крепости, но не только этим вошедшего в историю Отечества.

РАЗВЕДЧИК МИЛОСТЬЮ БОЖЬЕЙ

Александр Чернышев родился в семье генерал-поручика и сенатора Ивана Львовича Чернышева и урожденной Евдокии Дмитриевны Ланской в 1785 году. Фамилия матери говорит о многом: среди последних фаворитов Екатерины Великой был ее брат Александр. Домашнее воспитание в Москве, приписка с малолетства к лейб-гвардии Конному полку – все, как в большинстве аристократических семей «блестящего века Екатерины». Впервые в свете юный Чернышев появился в Москве на коронации императора Александра I в 1801 году. И сразу – глянулся. Особое внимание императора привлекло то, что юноша без сомнений отказался от должности камер-юнкера и заявил о желании проявить себя на военном поприще. Такая возможность ему была тут же предоставлена, и в 1802 году Чернышев – корнет Кавалергардского полка. Занимая адъютантскую должность при полковом командире, уже поручик Чернышев в кампанию 1805 года принял участие в нескольких боевых стычках с французами, а в печально для нас памятной битве под Аустерлицем трижды ходил с полком в атаку. В том числе в ту, что столь яростно и неточно описана графом Львом Николаевичем в «Войне и мире».

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Церковь Святых апостолов Петра и Павла, в которой находилась семейная усыпальница Чернышевых

За проигранный Аустерлиц поручик Чернышев получил полковничий орден – Святого Владимира 4-й степени с бантом.

В следующей военной кампании против Бонапарта уже штабс-ротмистр Чернышев отличается неоднократно, а в крупной битве при Фридланде в июне 1807-го находит брод на реке Алле, благодаря чему из-под удара вышла значительная группа русских войск. Этот подвиг был отмечен орденом Святого Георгия 4-й степени. Чернышев перестает быть для императора одним из безликих офицеров-порученцев. Дальше – Тильзит, переговоры двух государей, во время которых Чернышев был представлен Наполеону. Эта встреча определила жизнь кавалергарда на несколько лет вперед. Спустя несколько месяцев Чернышев отправился в Париж. С деликатным поручением – передать письмо русскому послу графу Толстому, адресованное от имени русского монарха властителю Франции. Это сейчас нет ничего проще – дипломатическая почта, неприкосновенность, секретные каналы связи... И то – всякое бывает, одного «Викиликса» доволь-

но. А двести лет назад подобные поручения выполнить было не просто. Чернышев справился. И впоследствии справлялся с подобными делами неоднократно, являясь, по сути, личным представителем русского царя при французском дворе. А так как двор Наполеона частенько пребывал в боевом походе или лагере, то и наблюдать за реализацией военного гения Бонапарта Чернышеву приходилось воочию. В частности, в знаменитой битве при Ваграме в 1809 году во время очередной Австрийско-Французской войны. Говорят, Чернышев даже умудрился дать Наполеону какой-то дельный совет, за что был награжден орденом Почетного легиона.

Об одном не догадывался восхищенный русским кавалергардом хозяин Франции. Чернышев был не только личным представителем императора, но и профессиональным разведчиком. Одним из первых в России. Не только ради удовольствия кружил на балах головы принцессам и герцогиням Александр Иванович, не только ради имиджа жуира и весельчака баловал анекдотами и пикантными штучками маршалов Франции

и приближенных ко двору аристократов.

На балу по случаю свадьбы Наполеона и австрийской принцессы Марии-Луизы по неосторожности слуг от огня свечей вспыхнул огромный шелковый занавес, пламя понеслось по столам и мебели. Русский кавалергард мгновенно организовал «пожарную команду» из присутствовавших офицеров и лакеев, и пожар был потушен. Согласно рассказам, Чернышев собственноручно вынес из пылавшей бальной залы несколько женщин. Сколько сердец расположил он к себе этим поступком в Париже! Но пользовался Александр Иванович и другими, куда более привычными резиденту разведки способами. Одним из самых ярких и трагических случаев стала вербовка (за деньги, разумеется!) сотрудника одного из тайных отделов французского военного ведомства по фамилии Мишель. В течение нескольких лет этот господин снабжал Чернышева копиями секретных документов о дислокации, перемещении и снабжении всех французских войск. Анализ этой информации и позволил Черны-

шеву своевременно сделать вывод о скором и неизбежном нападении Великой армии на Россию. С чем он и поспешил в феврале 1812 года в Петербург.

Русский полковник добрался до столицы без приключений. И некоторое время не знал, что уже на следующий день после его спешного убытия из Парижа в его квартире был произведен обыск. Сотрудники контрразведки нашли только пепел в камине и пустые полки секретера. Но под ковром, расстеленным около каминной решетки, завалялось письмо, в котором содержались секретные данные, переданные агентом М. Дальнейшее было делом техники – сотрудника военного министерства Мишеля вычислили и в мае 1812 года казнили.

Само собой, Наполеон пребывал в неистовстве. Еще не изгладилась из памяти потеря примы «Комеди Франсез» мадам Жорж, тайно вывезенной из Парижа в Россию другим посланником русского императора, графом Александром Бенкендорфом, а тут новый удар из Петербурга. И не амурный, а в полной мере военный...

ПАРТИЗАН ИЗ-ПОД БЕРЛИНА

Перед самой Отечественной войной 1812 года полковник Чернышев написал на имя императора Александра I весьма компетентную записку, в которой анализировал возможные действия французской Великой армии и слабости нашей оборонительной линии. Настаивал на создании резервной армии, предполагая, что под ударом сильно превосходящих вражеских сил первое время придется отступать, неся большие потери. Уже тогда Александр Иванович всерьез задумывался и о ведении партизанской борьбы в тылах противника, так как глубоко познакомился с тактикой испанских «гверильясов» – участников партизанской войны на Пиренеях против французской оккупации, будучи в Испании в командировках, санкционированных... доверчивым Бонапартом.

Войну полковник встретил командантом Главной квартиры им-

Главный дом усадьбы Чернышевых. Перед домом – солнечные часы, установленные к 200-летию юбилею победы России в Отечественной войне 1812 года. Они расположены на том же самом месте, где находились солнечные часы, установленные владельцами усадьбы еще в XIX веке

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ператора, начальником царского конвоя. Поэтому за отступлением Русской армии и Бородинским сражением наблюдал, что называется, со стороны. Только осенью был послан с поручениями к Кутузову и адмиралу Чичагову, командовавшему 3-й армией. Да так в Ставку и не вернулся. Оно, конечно, придворный, оно, конечно, дипломат, оно, конечно, разведчик... Но прежде всего боевой офицер!

Осенью 1812 года Чернышев возглавил крупный партизанский конный отряд, действовавший во французских тылах. На роду ему было написано оказываться не только в «горячих», но и в оригинальных местах. Именно казаки Чернышева отбили из плена генерала Фердинанда фон Винцингероде, подлым образом захваченного в Москве офицерами маршала Мортье, когда основатель партизанского движения прибыл в Первопрестольную

под белым флагом для переговоров, цель которых была одна: не взрывать Московский Кремль – святыню Русской земли. Взорвать Кремль французы попытались, а Винцингероде увезли с собой. С самого начала 1813 года, когда Русская армия двинулась за пределы империи в Европу в 1-й Заграничный поход, крупному партизанскому соединению Чернышева была поставлена особая (впрочем, как обычно) задача: тревожить коммуникации французов за Одером, на прусской земле. А при случае – вытолкать супостатов из Берлина. Это старый проверочный вопрос: сколько раз Русская армия брала Берлин? Обычно вспоминают два случая – 1760 год, когда русские корпуса взяли город во время Семилетней войны, и 1945-й, комментировать события которого необходимости нет. Но был и третий эпизод – в марте 1813-го, когда передовой корпус генерал-адъю-

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Усадьба
Барятинских.
Это поместье
Александр
Иванович
Чернышев купил
в 1852 году
для своего
сына Льва.
В 1890 году дочь
Льва Чернышева
вышла замуж
за одного
из князей
Барятинских

танта Александра Чернышева вошел в брошенный французским гарнизоном Берлин. Символично, что в 1760-м прусскую столицу захватывали войска другого Чернышева – Захара Григорьевича. Генерал-фельдмаршала, екатерининского вельможи, учредителя того самого майората, на который якобы претендовал его последователь и дальний родственник Александр Иванович Чернышев.

Кстати, о майорате. Детей у фельдмаршала не было, вот он и решил первым в России учредить такую форму наследования, когда имущество переходит к старшему в роду или семье. Таковым оказался его брат – Иван Григорьевич, тоже генерал-фельдмаршал, только по флоту. А дальше – понятное дело: внук Григорий, правнук Захар. Тот, что декабрист. В 1832 году майорат и право на ношение фамилии и графского титула Чернышевых высочайшим повелением были переданы герою войны 1812 года Ивану Кругликову, женатому на сестре опального ротмистра. Спрашивается, мог ли военный министр, управляющий Главным штабом, член Государственного совета, кавалер ордена Андрея Первозван-

ного и еще трех десятков высших российских и иностранных наград, но что куда важнее – близкий императору человек, – повлиять на ситуацию с майоратом, не отправляя «кузена» на смертную казнь? Думается, мог.

ПОСЛЕ 1825 ГОДА

Среди прочего светлейшему князю Чернышеву любят вменять еще один грех, помимо того, что связан с участием в работе Следственной комиссии по делу о «14 декабря». А именно: неуспехи Русской армии в Крымской кампании 1853–1856 годов. Возможно, упреки справедливы, не был готов 70-летний и измученный болезнями князь к последней войне в своей жизни. Потому, наверное, в ее преддверии честно попросился в отставку, которую и получил в 1852 году. А вот в бытность военным министром сделал для армии много полезного. Настоял на сокращении срока службы, увеличении довольствия офицеров, создании военной академии и восьми кадетских корпусов, разработке госпитального устава. Наконец, был сторонником перевооружения армии на нарезное оружие, чего, к сожалению, к началу Вос-

точной (Крымской) войны завершить не успели. Да, любим мы виноватых искать...

Остатки основной усадьбы Чернышевых-младших можно и сегодня наблюдать в Яропольце. Это – под Волоколамском, на северо-западе от Москвы. Сам Александр Иванович никогда там не жил, так как по справедливости не имел к владению никакого отношения. Если где и бывал в Подмосковье, так это в местечке Лыткарино, в 8 верстах на юго-запад от Московской кольцевой автодороги. Там находилось поместье, доставшееся ему за третьей женой – Елизаветой Зотовой, наследовавшей его в 1852 году. Поместье было быстренько расширено за счет находившейся рядом старой усадьбы князей Милославских в Петровском. Чудом сохранилась Никольская шатровая церковь, помнящая буйный княжеский род с 1690 года. Там же стоит храм Святых апостолов Петра и Павла, в котором некоторое время после смерти Александра Чернышева находилась его усыпальница. Сама усадьба Зотовой–Чернышева сейчас на реставрации, но рядом в 2012 году в память о 200-летию Отечественной войны 1812 года был установлен памятник ее хозяину – светлейшему князю, кавалеру орденов Святого Георгия 3-й и 4-й степени Александру Ивановичу Чернышеву. Хороший памятник, без излишеств. Сейчас у нас по этой части излишества в чести.

На доме, в котором на Малой Морской квартировал некоторое время Петр Ильич Чайковский, висит по этому случаю памятная доска. Тоже – без излишеств. А окна комнат великого композитора выходили аккуратно на окна комнат «Пиковой дамы», в которых нет-нет да и мелькал силуэт старого разведчика и отставного военного министра. Правда, узреть его автор «Пиковой дамы» не смог бы ни при каких обстоятельствах. Он въехал на Малую Морскую в 1893-м, а светлейший ушел из жизни в 1857-м.

КАМЕННЫЕ ГОСТИ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ДЕЖУРНЫЙ ГЕНЕРАЛ С ВЫРАЖЕНИЕМ ЛИЦА, СООБРАЗНЫМ ЕГО ОТВЕТСТВЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ЕЩЕ РАЗ ОГЛЯДЕЛ ДВА ГРОБА СВЕТОГО ДЕРЕВА. ЗАТЕМ ВЫШЕЛ НА ВЫСОКОЕ КРЫЛЬЦО БОЛЬШОГО СОБОРА ДОНСКОГО МОНАСТЫРЯ И С СОМНЕНИЕМ ПОСМОТРЕЛ НА КРУТУЮ ЛЕСТНИЦУ В ДВА ДЕСЯТКА СТУПЕНЕЙ, ВЕДУЩУЮ НА ГЛАВНУЮ АЛЛЕЮ. ПОДДЕРНУЛ КОЗЫРЕК ФУРАЖКИ, ЧТО ЯВНО СВИДЕТЕЛЬСТВОВАЛО О ПРИНЯТОМ РЕШЕНИИ. И БРОСИЛ ЧЕРЕЗ ПЛЕЧО ОФИЦЕРУ-ПОРУЧЕНЦУ: «ДАВАЙ СЮДА СОЛДАТ ИЗ КАРАУЛА. ДА ПОКРЕПЧЕ».

30 АПРЕЛЯ 2015 ГОДА

в Москве прошла церемония перезахоронения праха великого князя Николая Николаевича Романова-младшего и его супруги Анастасии Николаевны, урожденной принцессы Черногорской. Начинаясь утром в Донском монастыре, куда домовины с прахом доставили накануне для панихиды. После гробы пронесли по главной аллее монастыря к воротам, у которых ждали катафалки. Даже плечистые парни из Президентского полка несли свою ношу с видимым усилием. Как бы справились с задачей полковники да чиновники, которым, согласно протоколу церемонии, изначально полагалось вынести гробы из собора, спуститься с ними на плечах по лестнице и доставить за две сотни метров к черным машинам? – Все правильно! – бросил в пространство дежурный генерал. – Солдаты надежнее...

Чуть позже, когда гробы оказались в катафалках и боевая решимость в глазах генерала сменилась чувством достойно исполненного долга, удалось выяснить, почему 16 молодых и тренированных воинов едва не качало на ходу с гробами на плечах. Изящные на вид домовины имели внутренний корпус – из свинца. В свинцовых саркофагах хоронили еще в Древнем Риме, желая уберечь покойных от внешних воздействий, сохранить тела от тления как можно дольше. Последняя воля великого князя – быть похороненным на Родине, после того как она освободится от власти большевиков. Свято верил в это освобождение Николай Николаевич, вот и велел заточить свое тело в свинец.

Да уж, в старину и хоронить умели. При нынешней тяге к тотальной одинаковости современные кладбища – что тебе спальные районы Челябинска или автопарковки у торговых центров на большой дороге. Заблудиться легче, чем в лесу. Одно спасает – знание номера

Донской монастырь основан в 1591 году

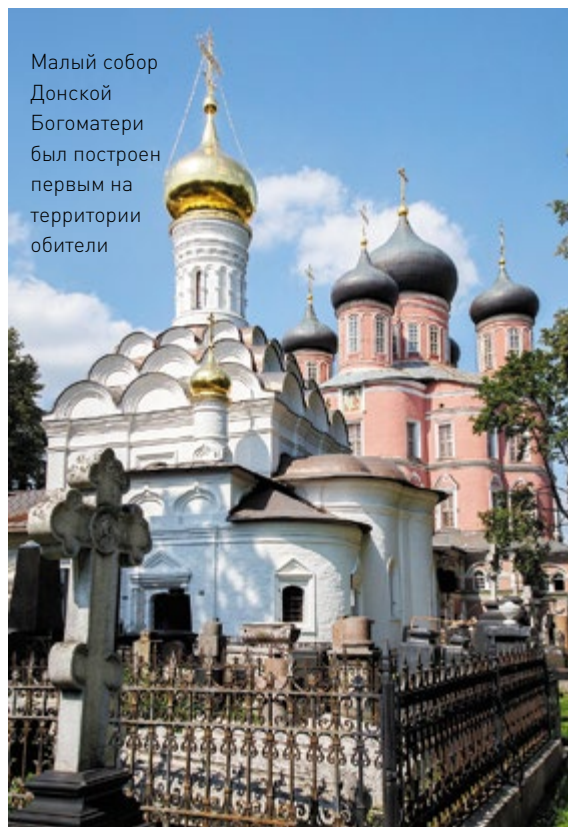
дома, машины или участка на погосте. Иное дело – старые некрополи. Тут номерки ни к чему. Ориентиров столько, что всегда найдешь искомое. Примером тому – некрополь Донского ставропигиального мужского монастыря в Москве.

«СТОЮ ПЕЧАЛЕН
НА КЛАДБИЩЕ...»

Далее у Александра Пушкина так: «Ляжу кругом – обнажено святое смерти пепелище и степью лишь окружено».

...Печаль и горе – отнюдь не синонимы. Печаль – особое чувство, она может быть легкой, светлой, даже прекрасной. У печали есть эстетика. У горя нет ничего. Оно очень просто устроено. Горе – и все.

Среди старинных надгробий и кладбищенских памятников Донского некрополя царствует печаль. Горе переселилось за южную монастырскую стену, где ему среди дорожек Нового Донского кладбища каждый день есть работа. Хотя новым в буквальном смысле слова считать его было бы неверно. Оно возникло более ста лет назад. Ну а внутри самого монастыря хоронили издревле, с конца XVI века, когда Москва обзавелась новой обителью. Хотя выглядел монастырь в первый век своей жизни совершенно иначе. Довольно сказать хотя бы, что стены были срублены из бревен. Тот облик, к которому мы привыкли сегодня, появился к середине XVIII века. Сначала – Большой собор, затем каменные стены с

Малый собор Донской Богоматери был построен первым на территории обители

В Донском некрополе насчитывается более 60 могил участников Отечественной войны 1812 года. Около 20 захоронений имеет статус объектов культурного наследия федерального значения

12 башнями, северные ворота с храмом-колокольней Тихвинской иконы Божьей Матери. Наконец, в 1753 году архитекторы Доменико Трезини и князь Дмитрий Ухтомский закончили постройку колокольни над западными воротами.

Само собой кое-какие работы производились и позже. Так, в самом начале XIX века была полностью перестроена небольшая церковь Святого Евфимия, переименована в храм Михаила Архангела и превращена в фамильную усыпальницу князей Голицыных. Этот род был, как известно, чрезвычайно плодovit и требовал много земли в разных городах и весях России для целей самых разнообразных. Усыпальница Голицыных – у южной стены. У северной, будто в продолжение извечного сословного спора, – церковно-усыпальница Иоанна Златоуста и Святой Екатерины, принадлежавшая купцам первой гильдии Первушиным. Храм освятили в честь главы дома Ивана Первушина и его супруги Екатерины. Сейчас можно лишь предполагать, почему именно Донской монастырь стал знаковым местом на ритуальной карте Первопрестольной. Может быть,

потому, что, когда до Москвы дотянулась эпидемия чумы в сентябре 1771 года, присланный из Петербурга привести город в порядок граф Григорий Орлов озаботился между прочего тем, чтобы вывести за черту города карантинные бараки и запретил захоронения усопших на погостах московских церквей и монастырей. Всех – и больных, и мертвых – вывозили за город. А Донской монастырь в конце XVIII века хоть и входил формально в городскую черту, но располагался за Земляным городом, чей пояс фактически и был столичной границей. «Чумной аргумент», конечно, имеет место, но ведь карантин и могилы стали уделом остальных подмо-

Прах генерала Антона Деникина и его жены был перенесен в Россию в октябре 2005 года в соответствии с поручениями президента России Владимира Путина и правительства РФ

сковных обитателей. Так, крупнейшая чумная больница работала в Николо-Угрешском монастыре. А с Донским «чума» сыграла злую шутку. Едва началась эпидемия, по распоряжению архиепископа Московского Амвросия от Варварских ворот Китай-города убрали чудотворную икону Боголюбской Богородицы, а короб, в который бросали пожертвования, закрыли. Мысль архиепископа была здравая: у иконы толпились зараженные впережку с еще здоровыми людьми. Но как раз люди-то Амвросия и не поняли. Ворвались в Донской монастырь, где он разместился, выехав из Кремля, и разорвали иерарха на части. Там же, в монастыре, его и похоронили. В Малом соборе сохранился надгробный памятник архиепископу. Говорят, стало модно завести себе склеп именно в Донском монастыре после того, как сама императрица Екатерина Великая объявила о своем желании найти упокоение в его стенах. Довольно странно для государыни, которая откровенно недолюбливала старую столицу. А по мне, так основную роль сыграла близость обители к центру Москвы и к тем кварталам, в которых селилась столичная знать.

**«ВЧЕРА ДО САМОЙ НОЧИ
ПРОСИДЕЛ...»**

А далее у Михаила Лермонтова так: «...я на кладбище, все смотрел, смотрел вокруг себя; полстерные слова я разбирал».

В Донском некрополе этим занятием можно заниматься годами. Дело в том, что в 30-е годы XX века сюда стали свозить надгробные памятники с других московских кладбищ, подлежащих сносу. Уничтожению подлежали, что вполне понятно, погоды в центральной части города, в том числе и кладбище Чудова монастыря в Кремле. Постепенно территория Донского кладбища заполнилась своеобразными экспонатами и превратилась еще и в музей ритуальной архитектуры под открытым небом. На сегодня далеко не все «экспонаты» удалось идентифицировать. А некоторые и вовсе утеряны. Например, при приведении в порядок Михайловской церкви, являющейся одновременно усыпальницей князей Голицыных, сложенные в ней скульптуры с надгробий, привезенные в советское время с других мемориалов, были вывезены, мягко говоря, без должной аккуратности.

Немногом проще ситуация и с некоторыми собственно монастырскими захоронениями. Встречаются плиты, почти полностью вросшие в землю, на некоторых памятниках не читаются не только отдельные буквы, но и целые фразы. Не исключено, что под более «свежими» памятниками и плитами находятся предыдущие захоронения. Могилы Донского монастыря также претерпели от воинствующего атеизма строителей нового мира. Причем выражалось это, как правило, мелкими уголовными правонарушениями. А иногда и крупными. Уже в 1950-е годы, когда территория и здания Донского монастыря принадлежали Музею архитектуры Академии архитектуры СССР, был украден большой крест у аллегорической фигуры Веры над могилой Ивана Алексеева, три месяца прослу-

Надгробие
действительного
статского
советника,
губернатора
Санкт-
Петербурга
Ивана Алексеева
было создано
известным
скульптором
Иваном
Мартосом.
Крест надгробия
утрачен
в 1950-е годы

жившего гражданским губернатором Петербурга. Из солдатских детей, между прочим. Что ж можно было требовать от жителей келий-коммуналок, слушателей курсов пчеловодов, участников антирелигиозных выставок и работников Антирелигиозного музея – всех тех, кто населял монастырь после его официального закрытия в 1918 году. Такие фамилии, как Волконские, Голицыны, Трубецкие, Шаховские, и на слух-то воспринимались недоброжелательно, а уж видеть их ажурно выписанными на плитах и памятниках да еще под православными крестами!

Однако ж до тотального варварства не дошло. И уникальный дворянский некрополь сохранился. Говорить о всех, похороненных в Донском монастыре – дело необязательное. Далеко не все из списка оставили заметный след в истории Отечества. Но вот среди тех, кто его оставил – в достатке любопытных фамилий.

**«ВЕСНОЙ ПО КЛАДБИЩУ
БРОДИЛА...»**

А далее у Александра Блока так: «...и холмик маленький нашла. Пусть неизвестная могила узнает всё, чем я жила!»

...Мы бродили по Донскому некрополю с моим бессменным спутником фотографом Александром Бурым. Вдоль аккуратных тропинок – и холмики маленькие, и плоские каменные доски, и строгие стелы, и исполненные пафоса памятники, увенчанные статуями и крестами. Говорящего – много.

Рядом с Михайловской церковью – урна черного гранита. Из надписи ясно, что под ней покоится прах героя Отечественной войны 1812 года полковника Александра Воейкова, умершего от ран в 1815-м. Это тот самый Воейков, что командовал егерской бригадой, входившей в знаменитую 27-ю пехотную дивизию генерала Дмитрия Неверовского, наспех сформированную и прославившуюся в битве за Смоленск и на Бородинском поле. Его родственник, генерал-майор Владимир Воейков, был последним дворцовым комендантом императора Николая II. И, к слову, был прекрасно знаком с великим князем Николаем Николаевичем-младшим.

Участники Отечественной войны 1812 года – особая тема на Донском. Сегодня выявлено 61 захоронение тех, кто принимал участие в сражениях с армией Наполеона на русской земле. Только несколько фамилий. Генерал-лейтенант Алексей Вельяминов, прошедший все наполеоновские кампании, но особо отличившийся во время Кавказской войны под началом генерала Ермолова. Был знаком с разными людьми, волею судеб, а чаще – императора Николая I, оказавшихся на Кавказе. В том числе – с Лермонтовым. Александр Дмитриев-Мамонов, командир Клястицкого гусарского полка, на Бородинском поле еще в бытность поручиком исполнявший обязанности адъютанта Кутузова. Генерал-лейтенант Василий Иловайский 12-й, тот самый,

что первым со своими казаками вступил в Москву после ухода из нее французских войск. И не просто вступил – дрался с их авангардом у Петровского дворца, что на нынешней Ленинградке. Начиная с 1904 года его имя носил 8-й Донской казачий полк. Кавалергард Владимир Каблуков, за особые заслуги в кавалерийском сражении при Фер-Шампенуазе весной 1814 года произведен-

ный в генерал-майоры. Также кавалергард граф Павел Киселев, на Бородинском поле командовавший эскадронами Его Величества. После прожил весьма разнообразную жизнь, как военный, как дипломат, как реформатор. Но остался известным истории еще по одному поводу. В армии дуэли не были редкостью. Но горячились по большей части молодые офицеры. Или завзятые

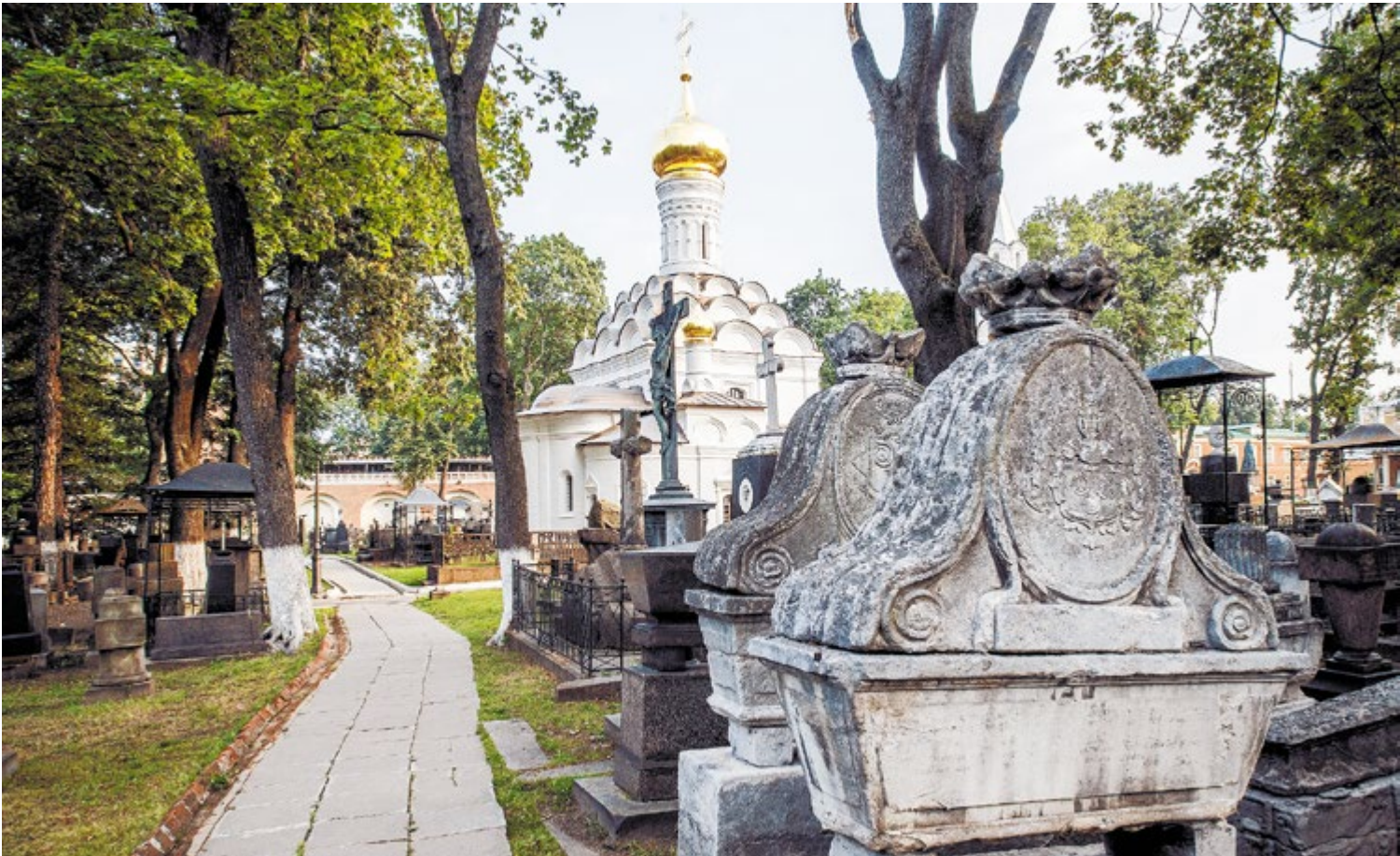
Некрополь Донского монастыря – это самое крупное сохранившееся в Москве дворянское кладбище XVIII–XIX веков

бретеры. Киселев, будучи генерал-адъютантом, в 1823 году принял вызов генерал-майора Мордвинова. Стрелялись генералы на восьми шагах, и Мордвинов получил смертельную рану в живот. Киселев был оправдан императором Александром I, правда, с присказкой, что «лучше бы стрелялись где-нибудь за границей». Генеральская дуэль, единственная в русской истории, наделала шума, Киселев повел себя достойно и по собственной инициативе выплачивал пенсию вдове убитого. А как не упомянуть казачьего генерала Ивана Краснова, погибшего от ран на Бородинском поле в палатке самого атамана Матвея Платова? Но обочины дорожек полнятся не только военными фамилиями. Семь Пушкиных, среди которых дед «нашего всё», Лев Александрович, и дядя, Василий Львович. К слову, в 2013 году на Старой Басманной открылся дом-музей дяди Василия в одном из немногих сохранившихся в Москве деревянных особняков.

Могила графа Павла Киселева, генерала от инфантерии, командовавшего российскими войсками в Дунайских княжествах во время Русско-турецкой войны 1828–1829 годов

Четыре представителя рода Лермонтовых. Один из них – Петр Николаевич, участник Великой Отечественной войны, умерший в 1975 году. Злые языки называют его потомком в кавычках, но родословная прослеживается легко. Лежат в земле Донского монастыря пять Буниных... Если продолжить ряд, так сказать, литературный, то тут мы найдем могилу драматурга Федора Иванова, которого сейчас не только не читают, но даже не помнят. Что до его творчества, то вполне заслуженно. А вот что касается родственных историй... Дочерью Федора Федоровича была загадочная «Н.Ф.И.», которой в юности посвятил несколько стихотворений студент Московского университета Мишель Лермонтов. Да-да, та самая Наталия Иванова, первая любовь великого поэта-романтика. Надгробия поэтов Михаила Хераскова, Александра Сумарокова, Ивана Дмитриева – это тоже Донской некрополь. Культурный мир, он же мир потусторонний, представлен могилой историка Василия Ключевского, архитекторов Осипа Бове и Владимира Шервуда-старшего, реставратора и архитектора Петра Барановского, артиста Михаила Астангова. И многих-многих других.

Надгробия братьев великого русского писателя Дениса Фонвизина – Александра и Павла. Сам Денис Иванович покоится в некрополе Александровской лавры Санкт-Петербурга

Могила Петра Барановского, основателя музея в Коломенском и Музея им. Андрея Рублева в Андрониковом монастыре

«ЛГУ ОТТОГО, ЧТО ПО КЛАДБИЩАМ...»

И далее у Марины Цветаевой так: «...травы растут. Лгу оттого, что по кладбищам метель метет...» Есть на Донском погосте захоронения, с чистой печалью слабо корреспондирующие. Но именно к ним не зарастает травой тропа. Перво-наперво – надгробие над могилой горько знаменитой Салтычихи. Автору этих строк, вот уже полтора десятка лет проживающего в подмосковной Салтыковке, славном дачном месте, осененном талантами Левитана, Есенина и Андрея Белого, нередко приходится объяснять, что к данному поселку Дарья Николаевна Салтыкова, в девичестве Иванова, никакого касательства не имела. После смерти мужа 26-лет-

няя вдова унаследовала земли и 600 крестьянских душ на юге Московской губернии, а также на Вологодчине и в Костроме. Городской дом Салтычихи находился в Москве, на углу Кузнецкого Моста и Большой Лубянки, что, кстати, весьма символично. В XVIII веке русские крепостные жаловаться не привыкли. Как правило, выходило себе дороже. Но жестокость помещицы была такова, что терпению не хватало. И на имя императрицы Елизаветы Петровны шли челобитные. Правда, безрезультатно. Вникла в дело новая хозяйка Зимнего дворца, Екатерина II. Кончилось тем, что завели следствие, которое выяснило, что вдова погубила по меньшей мере 38 человек. Приговор оказался суров: Салтычиху лишили дворянства и приговорили к пожизненному заключению в темнице – в буквальном смысле. Свет из ямы она могла видеть только во время приема пищи. Кроме того, убийцу лишили всякого общения, если не считать за таковой ответы начальника караула. После одиннадцати лет такого режима условия содержания несколько смягчили, но еще 22 года Салтыкова провела в заключении, где и померла аж в 1801 году. Ни Павел I, ни его сын Александр не нашли основа-

Надгробие
Дарьи
Николаевны
Салтыковой –
знаменитой
Салтычихи,
приговоренной
Екатериной II
к пожизненному
заклЮчению

ний вернуть ей свободу. Но вышло так, что именно смерть вернула Салтычихе утраченные при жизни права. Пусть не формально, но по сути. Ведь она легла в землю в родовой могиле Донского монастыря.

Вторая дама, достойная внимания вовсе не за заслуги перед Отечеством, лежит в Михайловской церкви, так как, будучи урожденной Чернышевой, вышла замуж за бригадира князя Владимира Голицына и, соответственно, была похоронена в голицынском склепе. На ее надгробной плите ошибочно указана дата рождения – 1739. На самом деле родилась будущая фрейлина четырех императриц в 1741 году, а в бозе почилa в 1837-м. Много чего повидала, много чего поимела. В частности, по слухам, состоялся у нее откровенный разговор с известным авантюристом XVIII века графом Сен-Жерменом. Был ли он Сен-Жерменом, а тем более – графом, неизвестно, так как время и место его рождения до сих пор остаются тайной. Сей граф сообщил графине Наталье Петровне выигрышную комбинацию карт, которая в итоге и погубила наивного Германа. Тройка, семерка, туз оказались биты, так как вся власть находилась в руках у пиковой дамы. Наталью Голицыну за глаза звали «усатой графинею», так как с возрастом от изобилия тестостерона у нее появились признаки усов и бороды. Но нам благодаря Пушкину и Чайковскому она более известна как «Пиковая дама».

Прах генерал-лейтенанта Владимира Каппеля был перезахоронен в Донском некрополе в январе 2007 года

«ТЕПЛЫЙ ДОЖДИК В СЕНТЯБРЕ...»

А у Александра Городницкого дальше так: «...лист летит в пространство... А в Донском монастыре сладко спится на заре русскому дворянству».

Это, видимо, о той самой печали, которая бывает еще и сладкой. У южной стены – пять захоронений. В октябре 2005 года здесь навечно упокоились генерал-лейтенант русской армии Антон Деникин, его супруга Ксения Васильевна, философ Иван Ильин и его супруга Наталья Николаевна, а в январе 2007-го – генерал-лейтенант русской же армии Владимир Каппель. Деникин и Каппель – кавалеры ордена Святого Георгия 3-й и 4-й степени, а Ильин... Та самая совесть нации, которую мы когда-то изгнали за ненадобностью и которую попытались вернуть вот таким незамысловатым образом. Если с возвращением праха Деникиных и Ильиных особых проблем у инициаторов этого события не случилось, то судьба останков Каппеля – особая история. Для начала их надо

было найти в далеком и глубоко равнодушном к русским героям Первой мировой и Гражданской войн китайском Харбине. Это сделали люди, не облеченные властью, пресловутым административным ресурсом, не избалованные деньгами. Искали долго, так как в 1955 году по настойчивой просьбе из Москвы местные власти уничтожили мраморный крест, обозначающий место захоронения Владимира Оскаровича в ограде русской церкви Иверской иконы Божьей Матери в Харбине. Нашли. Мучительная смерть на разезде Утай вблизи Нижнеудинска. Больше тысячи километров несли гроб с телом генерала по промерзшей сибирской земле солдаты и офицеры его армии. Первая могила – в Чите. Вторая – в Харбине. И вот теперь третья – в России, в Донском монастыре. И вправду, сладко спится...

...Братское кладбище на Соколе, которое нынче официально называется «Мемориально-парковый комплекс героев Первой мировой войны», на кладбище вовсе не похоже. Когда-то, начиная с 1915 года, здесь хоронили солдат, умерших в московских госпиталях. Кладбище полностью ликвидировали в конце 1940-х годов, когда началась плановая застройка района Песчаных улиц. Сейчас в парке – часовня Преображения Господня, в которой и перезахоронили прах великого князя и его супруги, несколько монументов, лавочки для мамаш с колясками, пара кафешек, уютное дело. Дорожки, цветы, скульптура «Олень с олененком». Все достойно. Предсмертное желание Николая Николаевича лежать вместе со своими солдатами вроде как исполнено. Но, сдается, гроб внука императора Николая I был столь тяжел на ступенях Большого собора Донского монастыря не только потому, что имел свинцовый каркас. Просила душа великого князя оставить его здесь, каменным гостем среди каменных друзей. ☹

КРЕСТЬЯНСКИЙ АРХЕОЛОГ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ ГУДКОВ

ПОЛИЦИЯ ЕГО В КУТУЗКУ САЖАЛА, МИРОВЫЕ СУДЬИ ШТРАФОВАЛИ, ДЕРЕВЕНСКИЕ МУЖИКИ ЕМУ МЕШАЛИ, А ОН ВСЕ РАВНО ПРОДОЛЖАЛ РАСКОПКИ КУРГАНОВ, МЕЧТАЯ О КРУПНОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ОТКРЫТИИ. И КТО ЕГО ЗНАЕТ, ОТКУДА В ОБЫЧНОМ КРЕСТЬЯНИНЕ ВЗЯЛАСЬ ТАКАЯ СТРАСТЬ К НАУКЕ?

П.Д. Дружкин.
Фото второй
половины
XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

В 60-Х ГОДАХ XIX ВЕКА многие губернии Российской империи охватила настоящая лихорадка. Истоки ее, наверное, следует искать в интересе к отечественной старине, культивировавшемся с начала правления Николая I. Его сын, император Александр II, также поощрял и поддерживал новомодную тенденцию. Уже в начале 1860-х годов в дополнение к существующим возникают новые историко-археологические государственные и общественные объединения: Московское археологическое общество (1864), Русское историческое общество

(1866), Московский публичный музей (1861), объединенный с переведенным в Москву Румянцевским, и др. В состоятельных кругах распространяется мода на антиквариат и собирание различных коллекций. Тут же расцвела пышным цветом «черная археология»: возросший спрос на всевозможную «старину» со стороны «господ» и вышедших «в люди» односельчан находил соответствующее предложение. Проблема несанкционированных раскопок приобрела такой масштаб, что Министерство внутренних дел было вынуждено издать специальный «Циркуляр <...> гражданским губернато-

рам о выполнении статей Устава строительного, запрещающих кладоискательство и разрушение памятников старины, и о доставлении сведений о древностях в МВД» от 4 (16) ноября 1866 года.

Но постепенно из любительского, а часто и варварского, промысла, характерного для предыдущих десятилетий, археология начала превращаться в подлинную историко-искусствоведческую дисциплину. А раскопки стали все больше регулироваться соответствующими подзаконными актами.

Среди губерний, где археологический промысел получил наиболее широкое распространение, одно из первых мест занимала Нижегородская. Здесь же, в свою очередь, выделялось село Городец, чей культурный слой был буквально напичкан средневековыми артефактами: керамикой, монетами, украшениями и прочими предметами декоративно-прикладного искусства (см.: «Русский мир.ru» №7 за 2016 год, статья «Гордый Городец». – **Прим. ред.**). Причем все это богатство располагалось на относительно небольшом и густозаселенном клочке земли. Этим обстоятельством не преминули воспользоваться местные жители – причем не только собственно городчане, но и обитатели окрестных деревень. Потому в Городец и переселился охочий до древностей «государственный крестьянин» Петр Данилович Дружкин, родившийся в июне 1836 года в расположенной неподалеку деревне Сормово.

Купеческая
улица. Городец.
Фото рубежа
XIX–XX веков

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

СЛУЧАЙ НА ЯРМАРКЕ

Любовь к собирательству и сопутствующий ей азарт проснулись у Петра Даниловича, когда ему было около тридцати. Немалую роль в том сыграла сама атмосфера здешних мест, увлекавшая воображение легендами и преданиями, множеством старинных памятников и таинственных уголков. Не могли оставить его равнодушным и успехи на «археологическом» поприще, то и дело приключавшиеся с местными жителями. Дружкин, человек любознательный, предприимчивый и смекалистый, быстро сориентировался в открывавшихся перед ним возможностях к обогащению: он стал находить сам и скупать у городчан различную «древность». При этом что-то он оставлял себе, а что-то перепродавал купцам или «доставлял ученым людям». Со временем Петр Данилович скопил немало антиквариата и наличных средств, чтобы открыть собственную, пусть и небольшую, торговлю – вначале в Городце, а уж затем и на знаменитой на всю Россию Нижегородской ярмарке. Впрочем, имеются свидетельства, что он не ограничивал свою предпринимательскую деятельность этими двумя центрами, но торговал и в других местах Нижегородской губернии – к примеру, в Лыскове и Павлове.

В один из дней на всероссийском торжище с Дружкиным приключился случай, еще больше разжегший в нем страсть к кладоискательству. Предоставим Петру Даниловичу рассказать о нем самому: «Однажды, в 1875 году, во время Макарьевской ярмарки, я занялся собиранием древних вещей: крестиков, колечек, сережек, брошечек, монеток, брательников, кубков, стаканчиков, – и просто всякой древней вещи, какая бы она ни была, только бы была древняя. Пришел ко мне знакомый человек из деревни Абрамовой (близ безъездного города Плеса, Костромской губернии и уезда) Феофан Ипатьч и смотрит на мое собрание, и говорит: «Ах, Петр Данилыч, у меня есть найдена вещь, похожа на

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

А.С. Гациский.
Фото 1883 года

клеточку, а найдена то у нас в поле, на буторке». Я и говорю: «Ах, Феофан Ипатьч, кабы ты ее да привез в будущую ярмарку, так как я охотник до таких вещей, ты бы так мне удружил». Он говорит: «Изволь, привезу в будущую ярмарку». А в 1876 году привез он мне ее и доставил. Я тут догадался, что эта вещь из кургана; потом я доставил ее одному господину, собирателю древностей, и он тоже говорит, что эта вещь в кургане взята. Глаза Дружкина загорелись...

С курганными кладами, как явствует из его же «записки», Петр Данилович был знаком не понаслышке: по всей видимости, ему и до того не раз приносили плоды данного вида «гробкопательства». Однако на сей раз Дружкин захотел сам попытать счастья в загадочных курганах. Более того, теперь его уже не удовлетворяла одна лишь нажива. В нашем герое проснулась исследовательская жилка и зародилось горячее желание остаться в истории не просто рядовым «черным копателем», коих вокруг было хоть пруд пруди, но встать вровень с «господами учеными», делать все «по науке». И Петр Данилович, чей возраст к тому моменту уже приближался к сорока, словно увлеченный подросток, начинает искать пути к осуществлению своего замысла. Прежде всего он обратился за советом к старому приятелю и коллеге по антикварному цеху Ивану Брыз-

галову – знатоку местной старины, водившему знакомства с учеными и чиновниками. Благодаря Брызгалову, Дружкин знакомится с секретарем Нижегородского статистического комитета Александром Гациским, редактором «Нижегородского сборника», собиравшим вокруг себя всех любителей и знатоков местных древностей.

АБРАМОВСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Александр Серафимович Гациский, будучи по натуре своей просветителем, даже обрадовался знакомству с Дружкиным: «Я, – пишет Гациский, – постарался быть Петру Даниловичу полезным, насколько мог, то есть посвятил его в «тайну» курганных раскопок, поскольку сам был в них посвящен». Александр Серафимович снабдил Дружкина рекомендательным письмом к властям Костромского уезда, составленным от имени Нижегородского статистического комитета. Кроме того, он подарил своему протеже брошюру Алексея Гатцука, составленную по поручению Третьего археологического съезда 1874 года и представлявшую собой своего рода инструкцию для проведения археологических раскопок.

С одной стороны, Петр Данилович был очень доволен таким поворотом событий, но с другой – словно испугавшись собственной удачи, он начинает сомневаться в успехе запланированного мероприятия и всячески его оттягивает. Но «сказано – сделано», и, заняв денег на дорогу у одного из знакомых, 24 июня 1877 года Дружкин отправляется в путь. Забегая немного вперед, отметим, что крестьянская интуиция его все же не подвела: первый археологический опыт вышел «комом». Вспоминает Петр Данилович: «Добрался до деревни Абрамовой, отыскал дом Феофана Ипатьча; его дома нет, а брат его Яков Ипатьч дома. Он мне указал место, и 26 июня я разрыл немного и нашел только другую подвеску, и несколько колечек мелких, и череп, ле-

жащий на правом виске, лицом на запад. После раскопки моей мужики деревенские взбунтовались надо мной: им захотелось вина, я им не купил, потому что не из чего, да я и сам небогатой, только моя охота до древностей загнала сюда. Потом они взяли и отправили меня в волостное правление в Красное Село. Старшина меня арестовал и посадил в казематку; тут я сидел от полуночи до вечера, показалось мне за год: такая темнота, что только щечка меньше двух перстов; зловоние, сырость, даже дух занимает, сести негде, полежать тоже не на чем. Господи, Боже мой, дай мне терпение! Терпение убогих не погибнет до конца. И в таком терпении всю ночь проводил без сна. А поутру 28 июня так приняла лихорадка и трясла часа два. Господи, владыко милосердый! Ведь я стараюсь не только для себя, но для ученых людей, да и сам от них научаюсь добродетели. Мужик изрыл и вспахал – и то ничего, а я излюбопытствовал и исследовал, по крайней мере просвещенным ученым людям объяснил. Кажись-бы за мои труды не такое воздаяние нужно. Так не тиранят самых злых преступников, а ведь я не злонамеренник какойнибудь, а изыскиваю чегонибудь редкостного доставить науке. Каково то мне было молодчику, кажись во весь век не забуду, куда меня завлекла археологическая охота и наука! – 28 июня, часу в первом, отправил меня старшина к становому приставу; тот меня переслал в полицейское уездное управление; а переправляли меня, по распоряжению пристава, от деревни до деревни, с десятскими. Я не посчитал, сколько деревень перешел, кажись более десятка. 29-го пришел в полицейское управление и тут ночевал в казематке. Но лучше Красносельской. Но утру 30-го потребовал меня г. исправник и скоро меня отпустил». Узнав о зловониях своего нового друга, Гациский почувствовал угрызения совести из-за того, что предоставленной им бумаги оказалось недостаточно, чтобы оградить Петра Даниловича от

Труды IV Археологического съезда (1877 год).

Казань. 1884 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

проблем с полицией. По просьбе Александра Серафимовича Дружкин составляет письменный отчет о своей поездке, который публикуется семь лет спустя в «Трудах» IV Археологического съезда, проходившего в Казани летом 1877 года. В своем предисловии к публикации Гациский отмечал: «Лицами, подобными почтенному П.Д. Дружкину нужно крайне дорожить (они так сказать правые руки археологии, без которых она обойдтись не может), не смешивая их с торгашами чистой крови, кроме наживы не имеющими ничего в виду».

НА СЛУЖБЕ НАУКЕ

После истории с костромскими раскопками сотрудничество Дружкина с Гациским не только не прекратилось, но стало еще более интенсивным. Тому послужило одно простое обстоятельство. В 1877 году Комитет антропологической выставки избирает Александра Серафимови-

ча своим уполномоченным по Нижегородской губернии, что означало для него в том числе и руководство раскопками. Однако загруженность служебными обязанностями и возникшие трения с губернским начальством не позволяли ему заняться археологическими разысканиями напрямую, и потому он рекомендует для этой цели Петра Даниловича, предварительно обговорив его кандидатуру с профессором Анатолием Богдановым – председателем комитета. Памятуя о прежнем неудачном опыте Дружкина, Гациский просит комитет выслать на имя Петра Даниловича Открытый лист на производство раскопок, а кроме того, предоставить Дружкину новейшие инструкции по их проведению. «Хотя Петр Данилович уже имеет некоторую опытность в деле, – пишет Гациский, – но быть может не в достаточной степени». Что касается вопроса финансирования, то в случае обнаружения в кургане каких-либо артефактов было решено выдавать за его раскоп пять рублей, в противном случае – два. Транспортные и иные расходы сюда не включались. Все обнаруженные в курганах предметы Петр Данилович был обязан предоставить Гацискому, а тот, в свою очередь, отослать их в комитет.

В конце сентября 1877 года, по завершении всех необходимых формальностей, Дружкин приступает к своим новым обязанностям. Ему предстояло раскопать четыре кургана по реке Сундовик, что в шести верстах от Лыскова при деревне Баранниковой, четыре кургана по реке Пьяне, близ сел Суродеева и Наумова, а также шесть курганов неподалеку от Городца, при деревне Гороховой. В своих скрупулезных отчетах Петр Данилович не только перечисляет находки, но и делает собственные выводы относительно мест их обнаружения, сопоставляя свои предположения с местными преданиями и поверьями. Так, основываясь на местном предании, Дружкин полагал, что курганы по реке Сундовик были

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

А.П. Богданов.
Фото второй
половины
XIX века

Река Сить
на месте битвы
с монголо-
татарами.
Современный
вид

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

возведены в качестве оборонительных сооружений, а название деревни «Баранниково» он связывал со словом «брань». Данную точку зрения Петр Данилович подкреплял тем фактом, что у одного из местных крестьян сохранилась найденная в кургане боевая стрела, которую в его семье передавали от отца к сыну. Тем временем Гациский хлопочет о выдаче Дружкину нового Открытого листа на раскопки в Городце. Пока шла бюрократическая процедура, Дружкин пишет своему патрону взволнованное письмо, где сетует на «археологическую» самодеятельность городчан: «Александр Серафимович, что прикажете делать на щёт раскопов, мужики кладов ищут и копают губят без толку, а вы мне не присоветовали уведомить поскорее». Отчет Дружкина о проведенном археологическом сезоне Гациский читал не без улыбки. Отправляя его комитету, Александр Серафимович обратил внимание коллег на необычную форму изложения и прелесть стиля, отметив скорее летописный, нежели научный характер текста. Раскопки в Городце продолжились в июне 1878 года. Петр Данилович регулярно отчитывался Гацискому о проделанной работе. «Милостивый государь, Александр Серафимович, – пишет он в одном из своих писем. – Получил от вас 15 рублей 6 июня. И раскопку сделал близ Городца. Начата 2 июня, а раскопал 6 июня 1 курган с замечательными предметами, но только наводит на сомнение горшок глиняный с уголями и покрыт тоже

глиняной крышкой на пододбёе плошки. Потом на скелете оказался крест телесный. Прошу вашего совета продолжать ли эту раскопку. Я начал ещё курган, а больше буду ожидать вашего ответа, а теперь уеду вёрст десять или больше, там может быть интереснее, а здесь ещё семь курганов. Вам нельзя ли прислать письмецо поскорее. Ваш слуга Пётр Данилов Дружкин». За то лето Петр Данилович исследовал десять курганов, собрав значительное количество артефактов, высланных на адрес Комитета антропологической выставки в четырех ящиках. Комитет на заседании от 18 сентября 1878 года постановил: «Выразить благодарность А.С. Гацискому и просить его передать таковую же от имени Комитета П.Д. Дружину». После завершения сезона 1878 года Дружкин возвращается к археологическим изысканиям лишь спустя четыре года – в сентябре 1882-го. На этот раз он отправляется в окрестности деревни Малое Терюшево на юге Нижегородского уезда, где им

Граф
А.С. Уваров.
Фото второй
половины
XIX века

были вскрыты три мордовских кургана. Их содержание оказалось настолько богатым, разнообразным и оригинальным, что Гациский, снабдив Дружкина рекомендательным письмом, наказал отвезти их главе Московского археологического общества графу Алексею Уварову. Приехав в Москву, Петр Данилович передал графу письмо и свои находки, за что получил от него щедрое вознаграждение. Следующим местом работы Дружкина стало имение помещика Демидова в Васильсурском уезде Нижегородской губернии, где он вскрыл еще три кургана. В 1884 году Петр Данилович работает в Сергачском уезде, но погода, болезнь и недоброжелательное отношение местных жителей вынудили его покинуть раскопки. «Не чаял и доехать», – вспоминал Петр Данилович. Более того, в апреле 1885 года сергачский мировой судья оштрафовал его на пять рублей за «порчу дороги». Летом 1886 года Дружкин вместе с Гациским выезжает на реку Сить для археологической разведки места битвы с монголо-татарами 1238 года. Участвовал ли Дружкин в раскопках тамошних курганов, не известно. Важной вехой научной «карьеры» Дружкина стало его избрание (по рекомендации Гациского) членом Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (НГУАК). Это произошло 4 марта 1888 года. В журналах заседаний комиссии то и дело мелькает имя Петра Даниловича в качестве жертвователя различных старинных вещей, книг и документов. Время от времени Дружкин также информирует комиссию о тех или иных кладоискательских слухах, широко бытовавших среди городчан... Последнее упоминание о неутомимом крестьянском археологе относится к 22 октября 1891 года, когда Александр Серафимович на очередном заседании НГУАК предложил «почтить вставанием» «память скончавшихся членов комиссии», в числе которых значился и Петр Данилович Дружкин. ■

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

A woman with short brown hair, wearing a blue turtleneck sweater and blue jeans, is sitting on the wooden deck of a boat. She is smiling and looking towards the camera. The boat's wooden structure, including a rope coil and a white container, is visible in the background.

ПОМОРСКАЯ ПРАВДА

БЕСЕДОВАЛ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

САМОБЫТНАЯ КУЛЬТУРА РУССКОГО ПОМОРЬЯ – ОБШИРНОГО РЕГИОНА, ЯДРОМ КОТОРОГО ЯВЛЯЕТСЯ БЕЛОЕ МОРЕ, – ДАВНО ПРИВЛЕКАЛА ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ. ПОМОРЫ КОЛОНИЗИРОВАЛИ ОГРОМНЫЕ ПРОСТРАНСТВА РУССКОГО СЕВЕРА, ИМЕЛИ СВОЕ СУДОСТРОЕНИЕ И ПРИЕМЫ МОРЕХОЖДЕНИЯ. ЯРКОЙ БЫЛА ИХ ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА. ПОМОРСКИЕ ГОВОРЫ, ЗАПЕЧАТЛЕННЫЕ В СКАЗКАХ И СКАЗАХ, БЫЛИ И ОСТАЮТСЯ ОДНИМ ИЗ САМЫХ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ИЗВОДОВ РУССКОГО ЯЗЫКА. ОБ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ПОМОРОВ «РУССКИЙ МИР.RU» РАССПРОСИЛ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ДИРЕКТОРА СОЛОВЕЦКОГО МОРСКОГО МУЗЕЯ, ЧЛЕНА ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ТОВАРИЩЕСТВО СЕВЕРНОГО МОРЕХОДСТВА» СВЕТЛАНУ РАПЕНКОВУ.

— СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА, ВЫ – москвичка. С чего для вас началось увлечение поморской культурой?

– Впервые я попала на Русский Север в 1986 году. И с той поры «заболела» этой землей. С 1996 по 2002 год я была участницей комплексных историко-этнографических экспедиций по селам Онежского района Архангельской области. В нашем распоряжении был парусно-моторный карбас, на котором мы обошли берега Белого моря: Поморский, Онежский, Лямецкий. Но на карбасе – открытой беспалубной лодке – по морю далеко не уйдешь. Поэтому плавания были каботажными. Экспедиции были комплексные: кого-то интересовали сохранившиеся промыслы, кого-то – коллективизация, а потом мы поняли, что всех нас интересуют прежде всего люди. Мы записывали рассказы стариков, поморские песни. Самые древние песни и вообще язык сохранились только в глухих деревнях, куда и дорог-то нет. Нам очень повезло: вначале мы еще встречали людей, родившихся не то что до коллективизации, а вообще до революции. Их рассказы – самые интересные. Так появилась книга «Не век жить – век вспоминать». Итог нашей шестилетней работы. Последние пять лет экспедиции работали на Мезени и набрали материал еще на одну книгу, которая должна скоро выйти. Но время ушло, и даже старики, которым далеко за восемьдесят – они возраста наших родителей. То есть родились в 1930–1940-х годах, уже «при колхозах». Это другие люди.

Жизнь привела меня на Соловки. Я познакомилась с «Товариществом северного мореходства» и сама стала «товарищем». У истоков этой организации стоял Сергей Васильевич Морозов. Он был историк, мореход, страстно любил ходить под парусом. Много лет прожил на Соловках. Один из его проектов предполагал реконструкцию заброшенного монастырского здания – это был амбар для гребных судов – с дальнейшим его превращением в небольшую верфь, где бы строились тра-

диционные поморские суда. Когда в 2001 году он умер, осталась группа его единомышленников – людей из разных городов, решивших продолжить дело. Так возник Соловецкий морской музей, экспозиция которого посвящена традиционному поморскому судостроению.

– Хорошо бы какое-то определение дать тому, кто такие поморы. Ведь колонизация Севера началась на грани тысячелетий. Уже «Повесть временных лет» сообщает, что русским князьям были подвластны Печора и Югра – территории племен, заселявших Большеземельскую тундру. А уже в X–XII веках территорию, прилежащую к Беломорью, начинает колонизировать Великий Новгород. Новгородские острожки и зимовья стояли на всех торговых путях. Тогда же на Север потянулись и ушкуйники. А примерно с XIV века началась монашеская и крестьянская колонизация Поморья. Причем она шла одновременно и из Великого Новгорода, и из Ростово-Суздальской земли.

– Верно. До сих пор на Онеге жители одной деревни уверенно говорят: «Мы – новгородские», а жители соседней деревни с той же уверенностью утверждают: «А мы – московские». В Поморье не было крепостного права. На Север уходили самые сильные, пассионарные люди. Другие здесь просто не выживали. И вот свобода – она была, может быть, главным притягательным фактором для тех, кого позднее стали называть поморами.

– А с какого времени можно говорить о превращении Поморья в единый хозяйственный организм?

– Я бы не стала говорить о едином хозяйственном организме. Заселялись и осваивались берега Белого моря русскими постепенно начиная с рубежа XI–XII веков. Определялись и становились традиционными места рыболовных и зверобойных промыслов. Ловили семгу, треску, палтуса. Весной на весновальных карбасах били морского зверя: промышляли тюленей и моржей. Историки полярного мореплавания утверждают, что уже в XI веке русские доплыли до Груманта – Шпицбергена, где были огромные колонии моржей. О крупном едином поморском хозяйстве можно говорить после возникновения и упрочения Соловецкого монастыря, вокруг которого возникает единая хозяйственная территория монастырских вотчин.

– Расширяя районы промыслов, русские столкнулись с норвежцами. Еще в конце XIII – начале XIV века Великий Новгород снарядил шесть морских походов для защиты своей северо-западной границы, означенной в «Разграничительной грамоте» 1251 года. В 1326 году стороны заключили дошедшую до нас договорную грамоту. В ней есть статья, разрешающая свободу передвижения русским и норвежским купцам от устья Северной Двины в Норвегию и обратно. В 1533 году

Дары моря

на Печенгской губе был основан Печенгский монастырь, ставший своеобразной пограничной вехой: с тех пор граница с Норвегией не менялась. Плавание вдоль границ Норвегии, получившее у поморов название «Ход в немецкий конец», использовалось московскими князьями для отправки посольств в Европу. Жизнь государства причудливо сочеталась с жизнью поморов, но до эпохи Петра I оно не слишком-то вмешивалось в их вольное бытие и в контакты с соседями.

– Норвежцы промышляли в Баренцевом море и доходили до островов Новой Земли вплоть до конца XIX века. Но тогда еще не было морского права, и каждый плавал где хотел. На Кольском полуострове в XIX веке поморские и норвежские рыболовные тони – промысловые участки – соседствовали друг с другом. Поморы вывозили выловленную треску как в Архангельск, так и в Вардё – порт на севере Норвегии. Между собой они общались на своеобразном профессиональном языке, в котором было около 400 слов, из них половина была норвежского, немецкого и английского происхождения, а половина – русского. Поморы, говоря на этом «руссенорске», были уверены, что говорят по-норвежски, норвежцы же считали, что изъясняются по-русски.

– Иван Грозный был очень заинтересован в заморской торговле. Видимо, тогда жизнь Поморья должна была круто измениться?

– И да, и нет. Роль западноевропейской торговли в XVI веке не стоит преувеличивать, но и забывать о ней нельзя. До этого продукты промыслов Поморья шли в основном на внутренний рынок: беломорская соль и моржовые кожи, мурманская сельдь, треска, палтус, семга и тресковая печень, ворвань и гагачий пух, изделия из моржовой кости, сыромятные ремни, кожи для подошв и вожжей, пушные товары и поташ давно обрели всероссийский спрос. После того как англичане и голландцы «открыли» Московию и в 1584 году был основан Архангельск, ставший главным беломорским портом, здесь заработали крупные международные ярмарки. Англичане и голландцы скупали на архангельском рынке хлеб, рыбу и ворвань (жир, добываемый из сала китов, тюленей, моржей и др. – **Прим. ред.**), кожи, пушнину, икру, воск, холст, корабельный лес и моржовые клыки, которые ценились дороже слоновьих бивней. Взамен привозили золотые и серебряные изделия, чай, кофе, пряности, бумагу, немецкие шляпы, булавы и иголки, аптекарские товары и оружие. Растущие перевозки обслуживались местным населением. Естественно, вся жизнь Поморья оживилась.

Однако в еще большей степени этому оживлению способствовала культурная и хозяйственная деятельность в крае Соловецкого монастыря и некоторых других русских обителей, о чем писал в свое время еще Василий Ключевский. Возникновение сети постоянных поселений на

предоставлено С. Рапенковой

На промысел тюленя. Начало XX века

берегах Белого моря, приток сюда населения, развитие флота, защита Поморья от притязаний восточной Швеции – все это исторические заслуги Соловецкой обители, значение которой для жизни региона возросло именно в XVI веке.

– К этому времени относится и начало систематических плаваний поморов на Новую Землю и Грумант – он же Шпицберген...

– На Грумант поморы ходили бить моржей и белых медведей, которые на Белом море не водятся. В дальние походы ходили на больших судах. В основном это были кочи. Численность артелей промышленников была разная и зависела от размера судна.

Новую Землю поморы посещали регулярно. Одной из семей, промышлявших на Новой Земле на протяжении ряда поколений, были Кармакуловы с Пинеги. На Южном острове Новой Земли до сих пор сохранилась Кармакулова губа, где находятся остатки старинного становища и кладбище. Судя по костям, покрывающим берега бухты, здесь в изобилии водилась белуха. Со временем Холмогорский архиепископский дом серьезно вложил в новоземельские промыслы. Ранней весной дом набирал промышленников-карбасников на правах покруты (найма). Как правило, на каждый коч приходилось 14 промышленников-покрученников, а на палубный промышленный карбас – 7 человек. Во главе промышленной партии становился опытный мореход-кормщик, который, как это принято было у поморов, со дня выхода в море являлся полным хозяином судна и главой экипажа. Снаряжение, обувь, одежда шли за счет Архиепископского дома. Экспеди-

Зверобойная
артель тащит
карбас волоком
до открытой
воды.
Конец XIX –
начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО С. РАПЕНКОВОЙ

ция рассчитывалась на восемь-девять месяцев, но иногда предусматривались зимовки на полтора-два года. Естественно, в такие походы отбирались самые сильные и бесстрашные мореходы. Такого же невероятного, с современной точки зрения, мужества требовали и походы на Грумант. Древней семьей русских груманланов в Поморье были Старостины. Иван Старостин провел на Шпицбергене 32 зимы и умер в 1826 году в своем становище в заливе Гринхарбур, где и погребен. В 1871 году его потомок Антон Старостин подал прошение русскому правительству о предоставлении ему «преимущественного права» промысливать на Шпицбергене, ссылаясь на то, что Старостины плавали на Грумант еще до основания Соловецкого монастыря (основан в 1430-х годах. – Прим. ред.).

– Кстати, о Соловках. История Соловецкого восстания, вызванного церковными реформами патриарха Никона, известна далеко не всем. А ведь военные действия, начатые царем Алексеем Михайловичем, трагическим образом сказались на

судьбе Поморья. Осада Соловецкой обители продолжалась с 1668 по 1676 год. Монастырь был взят, а из 500 его защитников в живых осталось лишь 14, да и тех разослали по острогам. «Поморские ответы», написанные в староверческой Выговской пустыни братьями Денисовыми, до сих пор остаются одним из самых красноречивых литературных памятников, направленных против синодального православия XVIII века. Насколько это осложнило отношения поморов с властью?

– Очевидно, осложнило, но я не специалист в этом вопросе. Знаю лишь, что соловецкие монахи-староверы приняли решение не молиться за царя-«ирода» Алексея Михайловича. Но уже сына его, Петра I, на Русском Севере принимали с почетом... В наших экспедициях мы не раз сталкивались с тем, что в одной деревне могут одновременно существовать и православная церковь, и старообрядческий молельный дом, руководимый «наставником» или «наставницей». Но острота этого вопроса со временем сгладилась, смешанные браки между православными и староверами были обычны еще в начале XX века, а после гонений на церковь, в 30-е годы, религиозные вопросы и вообще отошли на второй план. Сейчас большинство поморов – православные. Так в результате разрешился этот давний спор между «цивилизацией» и традиционной культурой Поморья.

– Да, Поморье – не Сибирь, тут от цивилизации не спрячешься. В этом смысле показательно, что в 1715 году Петр I под угрозой ссылки на каторгу запретил традиционное поморское судостроение. Хотя он очень ценил мореходные навыки поморов и в 1714 году вытребовал в Петербург для нужд Балтийского флота 500 молодых мореходов и определил их матросами на корабли. На петербургские верфи было отправлено также 250 корабельных плотников-поморов...

– Петр I учился кораблестроению в Голландии и хотел, чтобы российский флот был «не хуже» голландского или английского, а потому предписы-

Поклонный крест
и два амбара.
Мезень

ПРЕДОСТАВЛЕНО С. РАПЕНКОВОЙ

вал поморам строить галиоты, гукеры (двухмачтовое грузовое судно с широким носом и круглой кормой. – Прим. ред.), флейты (морское парусное транспортное судно. – Прим. ред.), которые совершенно не годились для промысла и плаваний в ледовой обстановке. Указ Петра если и выполнялся, то формально. Доходило до курьезов: выше ватерлинии строился «новоманерный» корабль, а ниже ватерлинии – было традиционное поморское судно.

– Позже, во времена Великой Сибирской экспедиции, строительство кочей было реабилитировано, так как они более всего подходили для плавания во льдах. Но давайте разберемся в типологии поморских судов. Карбас, шняка, коч, лодья – что это такое?

– Карбас – это основное промысловое и транспортное беспалубное судно, которое, в зависимости от размеров, могло взять от полутонны до тонны груза. На промыслах применялись большие морские карбасы, как говорят в Поморье, длиной до 7 метров, с двумя прямыми парусами с древком по диагонали – долонью. Помимо кия карбас, используемый для зверобойного промысла, имел еще и полозья, на которых его можно было тащить по льду, переходя ледяные поля или ледовые перемычки. Экипаж промыслового карбаса составлял обычно от двух до восьми человек. Во время ночевки карбас покрывался специальным тентом – буйном. Строились карбасы без единого гвоздя: набои (доски) обшивки сшивались между собой вицей – корнями сосны или можжевельника, запас таких корней брали с собой в море – на случай ремонта. Такие шитые вицей карбасы делались на Белом море еще в XX веке.

Историческая реконструкция шняки имеет у нас, в Соловецком морском музее. Это судно использовалось для трескового промысла на Мурмане. Нашу шняку построил Михаил Наймарк, судостроитель, член «Товарищества северного мореходства». Строил ее несколько сезонов по старым технологиям, используя только ручной инструмент. Ее длина – 12 метров, ширина – 2,8 метра, водоизмещение – 5 тонн. За сутки она может пройти около 100 километров, развивая максимальную скорость 6–7 узлов. Имеет одну мачту с прямым парусом площадью 27 квадратных метров. Во время лова трески экипаж состоял из четырех человек: кормщика, тяглеца, вёсельщика, наживочника. Шняка, построенная Михаилом Наймарком, не макет. Она прошла масштабные испытания в Белом море и показала высокие ходовые и эксплуатационные качества.

Лодья – это уже большое палубное морское судно, предназначенное для дальних плаваний: длина от 18 до 25 метров, грузоподъемность до 300 тонн. Корпус разделялся поперечными переборками на отсеки с люками на палубе. В кормовом отсеке находилась каюта кормщика (капитана) и хранились мореходные инструменты, в носовом

размещалась команда и стояла кирпичная печь для приготовления пищи, в среднем отсеке был грузовой трюм. Две мачты с прямыми парусами и третья с косым позволяли лодье при попутном ветре проходить в день до 300 километров. На таких судах поморы ходили на промысел на Грумант и на Новую Землю, уходя от родных берегов на несколько тысяч километров.

– Лодьи тоже были запрещены указом Петра 1715 года. Но в одной книге я прочитал, что в 1790 году в Архангельск с промыслов пришло 97 кочей, 124 лодьи, 75 весновальных карбасов, 15 шняк. Это данные таможи. Видимо, строительство таких судов продолжалось, пока металлические суда не вытеснили деревянные... А что же такое коч?

– Коч был одним из основных типов судов поморских промышленников. И конструкция его

Шняка в Белом море

Поморы в традиционной промысловой одежде из тюленьей кожи

Поморские
«жонки»
из Лампожни
в праздничной
одежде

окончательно не определена до сих пор. Дело в том, что до нас не дошло ни одного целиком сохранившегося изображения или описания коча. Археологами изучаются фрагменты конструкций, которые иногда находят по берегам Белого моря. Скорее всего, под кочем понимался достаточно разнообразный спектр судов. Иначе говоря, в каждом селе строили свои кочи... Мы знаем, что они использовались для перевозки грузов и людей на дальние расстояния, это были суда для арктического мореходства, и поэтому они были достаточно плоскостонными, чтобы их не раздавило льдами...

– По-моему, коч – это не такое судно, которое можно построить в каждом селе. Все-таки это капитальный корабль, и хотя существовали разные типы этих судов, грузоподъемность большого коча достигала 24 тонн, экипаж – до 35 человек. Само название «коч» связано со словом «коца» – ледяная шуба или вторая обшивка судна, которая делалась из прочного дуба и подбиралась вгладь, из-за чего коч имел форму яйца, так что при сжатии льдами его просто выдавливало наверх.

– Знаете, сейчас ведутся переговоры об исторической реконструкции поморского коча, но окончательный проект еще в разработке.

– Ладно, оставим коч. Что все-таки для вас главное в поморах?

Деревня Кимжа
Мезенского
района

ПРЕДОСТАВЛЕНО С. РАПЕНКОВОЙ

– Поразительное свободолобие и трудолюбие. Ведь морской промысел, если смотреть на него глазами городского человека – это очень тяжелая работа! Даже если ты не выходишь в море, аловишь, скажем, камбалу рюжами – это такие прибрежные ловушки, ты все равно, как по часам, должен в каждый отлив идти, проверять улов, чистить рюжи, возиться с рыбой вне зависимости от погоды. Ты постоянно стоишь в воде, у которой температура от 4 до 15 градусов. Это тяжелая, но любимая работа! От нее ни один поморский рыбак никогда не откажется. «Наше море – наше поле», – гласит поморская поговорка.

Огромное значение в жизни поморов играл мир, община. Без товарищества и взаимопомощи жизнь в этих краях немыслима. Глубокое почтение к «батюшке-моря», восприятие корабля как дома, а дома – как корабля. Дома в поморских селах строились огромные, да и семьи были немаленькие – 15–20 человек. Невыгодно было делиться: чем больше была семья, тем сильнее. В таких семьях предполагался патриархальный уклад: все делалось по слову старшего. И когда хозяин уходил на промысел, управляла хозяйством «старшуха» – старшая женщина. Такой уклад воспитывал определенный нравственный строй в человеке, крепкие христианские устои.

Поморам свойственно поразительное чувство красоты: дома, утварь, одежда – все делалось крепко и основательно и богато украшалось. Поразительный язык, в основе которого лежат древнерусские новгородские говоры, сплавленные с говорами московскими, владимирскими, суздальскими, с заимствованиями из языка коми, карелов, лопарей... Так было.

Богатая культура должна была иметь крепкий фундамент. И таким фундаментом были духовные устои, сформированные верой в Бога, христианским пониманием мира и места человека в нем. Поморы, жившие на краю земли, ощущали близость Бога и не считали себя оторванными от мира. «Кто в море не ходил, тот Бога не маливал» – эта истина понятна каждому, кто оказывается на небольшом суденышке посреди морских волн.

Еще сохранились редкие далекие уголки в Архангельской области, где можно услышать красивую русскую речь и увидеть дома-корабли. Но таких мест становится все меньше.

Актуален, как никогда, вопрос сохранения уцелевших фрагментов поморской культуры. Именно этим занимается Соловецкий морской музей. Для этого мы издаем книги, в которых можно прикоснуться к богатству поморской речи.

Помор – это не национальность, а образ жизни, человеческая закваска. Можно родиться в Поморье, быть русским, но помором не быть. А можно приехать из города на один день и остаться на Севере на всю жизнь. Жить у моря, ловить рыбу, быть счастливым. Может ли такой человек считать себя помором? Я думаю, может. **■**

ПРЕДОСТАВЛЕНО С. РАПЕНКОВОЙ

ВЫЗЫВАЮ НЛО

БЕСЕДОВАЛА

МАРИНА КРУГЛЯКОВА [ФОТО АВТОРА]

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР АВИАЦИИ ВАСИЛИЙ ЕРЕМЕНКО БОЛЕЕ ЧЕТВЕРТИ ВЕКА ПРОРАБОТАЛ В ЦЕНТРАЛЬНОМ АППАРАТЕ КГБ. КУРИРОВАЛ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫЕ СИЛЫ И РАЗРАБОТКУ НОВОЙ АВИАЦИОННОЙ И РАКЕТНОЙ ТЕХНИКИ В СССР, А ЗАТЕМ И В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. О ТОМ, ЧТО ТОГДА ПРОИСХОДИЛО В НЕБЕ НАД НАШЕЙ СТРАНОЙ, МАЛО КТО ЗНАЛ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ОН. ОН ВЛАДЕЛ ВСЕМИ ЛЕТНЫМИ ТАЙНАМИ И СЕКРЕТАМИ, О КОТОРЫХ МЫ И РЕШИЛИ ЕГО РАССПРОСИТЬ.

— 3 А ГОДЫ ВАШЕЙ СЛУЖБЫ ПРОИЗОШЛО МНОГО АВИАКАТАСТРОФ, КАКАЯ ИЗ НИХ ЗАПОМНИЛАСЬ БОЛЬШЕ ВСЕГО?

— Из Комсомольска-на-Амуре летел Ан-24 в Благовещенск. А под Иркутском есть военный аэродром «Белая», где стояла наша дальняя авиация. Вылет Ан-24 в Комсомольске-на-Амуре задержали, но информацию об этом на «Белую» вовремя не передали. Здесь посчитали, что он уже пролетел, и начались полеты военных самолетов. И один из них на высоте 5400 метров столкнулся с пассажирским лайнером. У Ан-24 оторвались кабина, хвост, крылья, остался один фюзеляж, который начал планировать и поэтому падал относительно медленнее,

чем обычно. Всех, кто в салоне был не пристегнут, тут же выдуло. В тех местах — болота и вековые ели. И фюзеляж обрушился на густые заросли, которые сильно замедлили его скорость падения. И одна женщина осталась жива. Это было настоящее чудо. Самолет нашли достаточно быстро, но там негде было сесть даже на вертолете — кругом сплошной лес. Высадили группу спасателей. Они пробирались через тайгу и выкорчевывали деревья, расчищая площадку для вертолета. На это ушло три дня. В это время пилоты, которые летали над местом происшествия, докладывали, что там ходят какие-то люди и роются в чемоданах. Все были возмущены этим мародерством. Решили, что это геологи — их тогда было много в тех местах. А оказалось, это — та бедная женщина. Стоял август, но было холодно, шел дождь. Она искала теплые вещи, еду и одеколон, который пила, чтобы согреться. Ей просто надо было выжить. И она выжила.

— Чем закончилось расследование этого происшествия?

— Комиссия долго заседала. Гражданские обвиняли военную авиацию, военные — гражданскую. Потом приняли какие-то компромиссные решения, типа улучшить документацию и так далее. На этом все и закончилось.

— Наш первый сверхзвуковой самолет, Ту-144С, во время показательного полета в Ле Бурже вдруг ушел в пике и через несколько секунд рассыпался в воздухе. Материалы расследования засекретили, а официальная версия была столь неубедительна, что породила множество гипотез об истинных причинах этой авиакатастрофы...

– Причин катастрофы было несколько, но их можно все объединить двумя словами – техническая неисправность.

– Одна из версий утверждает, что советской разведке удалось достать часть чертежей «Конкорда». Британская контрразведка установила утечку, но не арестовала шпиона, а начала через него отправлять в Москву техническую дезинформацию. В итоге появился Ту-144, который был очень похож на «Конкорд». А не замеченная нашими ошибка в чертежах и стала причиной катастрофы. Для таких предположений есть основания?

– Мы, конечно, конкурировали с этим «Конкордом», но в целом у Андрея Николаевича Туполева уже была отличная и накатанная школа строительства сверхзвуковых самолетов, я имею в виду военных. Они сделали революцию в военном деле, поэтому необходимости что-либо у кого-то «сдирать» не было. Уже прошло то время.

Я знаю, что Ту-144 был абсолютно «сырой». Этот самолет, в принципе, был бесперспективен для нас. У него было всего 121 посадочное место, и он был экономически невыгоден, так как требовал слишком много горючего. Кроме того, для него нужна была специальная инфраструктура, то есть на каждом аэродроме пришлось бы строить массу дополнительных сооружений. Это – первый самостоятельный самолет сына Туполева, и, по идее, он должен был после отца открыть новую эру сверхзвуковых пассажирских самолетов...

– Говорят, подавляющее большинство авиакатастроф происходит из-за человеческого фактора. Это на самом деле так?

– Человеческий фактор, действительно, очень часто бывает главной причиной. Вот не глядя несколько примеров. В Кривом Роге самолет взлетает. Оторвался от земли. Поступает команда убрать шасси. Бортмеханик убирает краны шасси и вместе с ними цепляет и другие, которые находятся рядом. А это пожарные краны, перекрывающие доступ топлива к двигателям. Все четыре двигателя на взлете «убрали». Самолет рухнул. Хорошо, что за штурвалом сидел опытный пилот. Видит – перед ним водохранилище. Он так круто разворачивает самолет, что тот при падении ломается буквой «Г». Крылья обваливаются, винты – в землю. Все переломанные, но всё же остались живы. Или Як-40. У него педали – это руль поворота и одновременно, если носочки вперед нажать, это тормоз. Поэтому там ноги надо держать нейтрально, не нажимать вперед. А летчик взлетает, упирается ногами в педали и непроизвольно давит носками. И не понимает, что происходит. Он газует, а самолет не едет. Все это человеческий фактор. И такое сплошь и рядом. Особенно сейчас, когда пилотов как следует не готовят.

– А были ли у вас какие-то методики предсказания авиакатастроф?

– Нет, у нас была статистика. Я знал количество самолетов в наших ВВС. Ежегодно составлялся график: сколько и по каким причинам произошло с ними катастроф. Получалось какое-то итоговое число, например 150, и я знал, что в следующем году их тоже будет примерно 150. Но это условная цифра, конечно. Я не могу назвать настоящую цифру. И потом, ведь помимо авиакатастроф происходили различные аварии, поломки и другие летные происшествия. Например, наши пилоты и ракетчики часто сталкивались с аномальными явлениями.

– Эти встречи тоже расследовались?

– Сначала этим занимались лишь энтузиасты. Их имена известны: математик, астроном, доцент МАИ Феликс Юрьевич Зигель, инженер-акустик, кандидат технических наук Владимир Георгиевич Ажажа и другие. Они сильно «перетряхнули» наше сознание по отношению к неведомому. В сентябре 1977 года над Петрозаводском появился неопознанный объект, так называемый «Петрозаводский феномен», который наблюдали тысячи людей. Его видели не только в Карелии, но и в Ленинградской области и даже в Финляндии. В редакции газет посыпались письма, требующие объяснить происшедшее. В правительство прислали запросы и руководители соседних стран. Они боялись, что Советский Союз проводит какие-то испытания, которые могут угрожать их безопасности, в том числе экологической. Вот только тогда и началось какое-то движение. Во все военные части, в том числе в ракетные стратегического назначения, были направлены инструкции, обязывающие докладывать обо всех случаях возникновения аномальных явлений.

В Президиум Совета Министров обратился бывший президент Академии наук академик Александров. Он говорил, что эти аномальные явления необъяснимы, но они существуют в реальности. Даже сегодня земная цивилизация и близко не обладает теми возможностями, которые демонстрируют НЛО. Необходимо создавать какие-то программы и их изучать. И вот в 1981 году была принята первая такая программа. Ее называли «Сетка». Были образованы специальные центры в Министерстве обороны и в Академии наук, и мне пришлось их курировать.

– *А чем они занимались?*

– Во-первых, собирали информацию о встречах с аномальными явлениями. Очевидцы описывали событие, рисовали форму НЛО. Хотя по линии Министерства обороны тут дело шло туго. Потому что военные, особенно летчики, боялись об этом рассказывать. Летчика, конечно, можно понять: он скажет, что над ним что-то кружилось, а решат, что у парня пошатнулось здоровье, и спишут с летной работы. Поэтому многие думали: пусть летает, а мы промолчим. Но между собой они все равно говорили об этом, и это становилось известно контрразведке. Мы просили их рассказывать, обещая, что никому ничего не скажем.

– *Не только летчики, многие люди опасаются рассказывать, что видели НЛО...*

– Да, действительно, многие отказываются об этом говорить, в том числе ученые, чтобы не прослыть, скажем так, человеком наивным и несерьезным. Тема скомпрометирована обилием информации, причем 90 процентов ее – это фантазии и недопонимание. Люди часто принимают за НЛО пуски зондов, падающие ступени ракет или какие-то явления природы. Приведу такой пример. Когда происходит авиакатастрофа, одной из наших задач является опрос очевидцев. Это десятки, сотни человек. Мы объезжаем все близлежащие поселки и письменно фиксируем все ответы. Потом, когда анализируем собранный материал, хватаемся за голову. Что только народ не говорит! В голове порой не укладывается. Одно и то же событие каждый воспринимает по-своему, рассказы бывают абсолютно противоречивые, а нередко – просто фантастические. Так и с НЛО. Кто-то не понял, что именно видел, другой фантастики начинался, третий не совсем здоров... В итоге получаешь огромное количество данных, в которых легко запутаться и «утонуть».

– *А как тогда быть?*

– К информации надо относиться очень избирательно и строго. Должна быть четкость и объективность, надо использовать специальные методики сбора данных. Если показания нескольких свидетелей, например, о том, какая была форма, направление движения и так далее, совпадают, только тогда событие можно включать в базу данных по НЛО. Поэтому ученые и проводили конкретные

эксперименты, чтобы знать, что здесь ничего другого не происходит – мы никак не воздействуем на атмосферу, не порождаем никаких природных явлений, тут нет никаких ступеней и зондов.

По линии ВВС вся информация о неопознанных объектах стекалась ко мне. У меня на столе лежала схема, разделенная на квадратики, как шахматная доска. На ней были вычерчены все виды НЛО, какие только встречались. Я изучал данные, систематизировал и смотрел, не появилось ли что-то новое. Потом все эти материалы передавал ученым.

– *А вы сами видели НЛО?*

– Видел пульсирующие, светящиеся, красные шары. Мне приходилось участвовать в эксперименте на полигоне «Владимировка» одного из летных научно-испытательных институтов в Астраханской области. Туда завезли самую современную на тот период аппаратуру. Собрали ученых. Эксперимент длился полгода. Выяснилось, что НЛО появляются в тех местах, где есть напряженность – психологическая, военная или какая-либо другая. Мы даже научились НЛО вызывать. Для этого надо было выйти из обычного режима испытаний – выкатить из ангаров большое количество самолетов, увеличить в два-три раза количество полетов, то есть создать активную обстановку. Кстати, в 50 километрах находился полигон другого института, только стратегических ракет, и у них было то же самое. Как только они начинали интенсивно «вытаскивать» свои ракеты, тут же появлялись НЛО.

– *И что происходило дальше?*

– Когда появлялся НЛО, включалась вся аппаратура. С ее помощью определяли расстояние, радиус, объем и множество других параметров. Иногда они «играли» с нами. Например, шар стоит на месте, то есть визуально он есть, а по приборам вдруг куда-то исчез. Затем отметка на локаторе возникает вновь, передвигается, но уже где-то в полукилometре. Хотя мы-то все видим, что НЛО все еще находится там же, где и был. Или наоборот. Вдруг шар «гаснет», исчезает и тут же возникает уже в другом месте. А его отметка на экране радиолокатора не меняет своего положения.

– А вы пытались вступить в контакт с ними?

– Солдатики на полигоне народ дотошный и во время дежурств начинали сами экспериментировать. Они же тоже «ученые крупные». Например, появляется шар и останавливается на некотором расстоянии. Солдат сгибает и разводит руки в стороны, вправо-влево, два раза. Стоит, ждет. Шар тоже сжимается и разжимается вправо-влево два раза. Затем солдатик поднимает и опускает руки, вверх-вниз, снова два раза. И НЛО пульсирует по вертикали вверх-вниз столько же раз. Что это? Можно ли это назвать контактом? Было множество и других ситуаций, объяснить которые так же сложно.

– Что показал эксперимент?

– Были сделаны три вывода. Первый. НЛО может быть продуктом человеческой деятельности. То есть мы смотрели, не являются ли они электронными устройствами разведки тех стран, которые имели передовые технологии, прежде всего в области электроники.

– Такие серьезные разработки и затраты только ради того, чтобы узнать чьи-то секреты?

– А почему нет? Как раз тогда в Подмосковье нашли в пне, как мы ее называем, «систему электрон». Это такое маленькое устройство, похожее на черепашку, которое круглосуточно фиксировало информацию и передавало ее на спутник. Или вот в ГДР был полигон «Торгау». Там проходили испытания наших ракет и самолетов. Помню,

операция называлась «Сучок». Немцы чистили лес вокруг полигона – они же аккуратные ребята – и спилили сухое дерево. А оно вдруг развалилось, и оттуда выпали два «стакана» с проводами и с насадкой сверху – со стеклом с высокопрозрачной оптикой. Включалась эта аппаратура от вибрации, то есть от шума двигателей самолетов или ракет. В момент пролета американского спутника из устройства выстреливался вертикально вверх сигнал. Специальная радиопушка позволяла за несколько секунд отправить огромный объем информации. Или, например, был такой случай. Как только на Камчатке готовился запуск ракеты, то сразу появлялись иностранные самолеты-разведчики и пролетали спутники, чтобы снять параметры нашей ракетной техники. Анализ показал, что утечка данных, наиболее вероятно, происходит через связь. По дну Охотского моря идет кабель, и далее, под землей, он тянется через всю страну и соединяет Дальний Восток с Москвой. Это засекреченная связь. Если такой кабель проколоть, давление воздуха падает, и связь мгновенно прекращается. Стали обследовать его по всей длине и в итоге обнаружили, что американцы в Охотском море подвесили на кабель с подводной лодки специальное устройство, которое обхватило его «клешнями». В герметичной капсуле работало 120 магнитофонов. Они записывали все электромагнитные излучения, через каждые два месяца приходила подводная лодка, и боевые пловцы меняли эти магнитофоны.

– *Это был первый вывод, а какой второй?*

– Второй – необъяснимое явление природы. Мы же до сих пор не можем разобраться с очевидным. Например, что такое шаровая молния. Знаем, что сгусток энергии. А как он образуется, куда и почему летит – это нам неизвестно. Есть явление, но у нас не хватает знаний, чтобы его понять. То же самое, как мы некоторое время назад и представить себе не могли, что такое электричество или радиоволны. Мир настолько многообразен, что трудно предположить, какие еще открытия нас ожидают впереди – новые поля, или волны, или что-то другое. Ну, и третий вывод – внеземная цивилизация.

– *Стоило ли столько экспериментов проводить, чтобы прийти к таким очевидным выводам? Получается, бессмысленно потратили время...*

– Нет, не бессмысленно. Американцы в настоящее время имеют несколько институтов, которые изучают НЛО. И, кстати, у них их количество никогда не снижалось. А у нас? Всего два центра создали, да и те недолго проработали. Один эксперимент провели, на основании его результатов должен был начаться второй этап исследований. В 1986 году приняли программу «Галактика». Но по ней уже практически работы не велись. В 1991 году все исследования прекратили. Если бы эксперименты продолжались, то, возможно, мы сейчас и могли бы уже сказать что-то более конкретное и определенное.

– *А случаи похищения людей НЛО были?*

– Ко мне такой информации не поступало. Была, например, одна история. В Подмоскowie,

в районе станции Чкаловская, двое военнослужащих стали свидетелями посадки НЛО. Дело было так. Они сидели вечером, пили коньяк. Один из них пошел выносить мусор, дошел до мусоропровода и вдруг почувствовал, что ведро очень тяжелое. Ему захотелось пойти в сторону леса, и он направился туда. Второй – за ним. Один из них потом рассказывал: «Иду в лес, а там впереди что-то светлое. Смотрю – шар стоит. Там кто-то был, люди это были или нечто другое, не знаю, но это «нечто» со мной разговаривало. Я знал, что мне надо войти в этот шар, но вдруг вспомнил, что мне завтра заступать в наряд. Я подумал, что со мной будет, если я не появлюсь на службе, и вернулся домой». На первый взгляд эту информацию можно было не воспринимать всерьез. Но событие произошло в районе, где расположено очень много воинских частей и где находится масса объектов, на которых круглосуточно стоят часовые. И мы начали опрос. И получили более полусотни в точности повторяющих друг друга свидетельств, рисунков и описаний. В каком направлении летел объект и под каким углом, какую форму имел, как менялся его цвет и много другой информации. Сложилась четкая картина.

– *А были ли случаи нападения НЛО? Происходили ли по их вине авиакатастрофы?*

– У меня таких данных нет. Иногда наши военные самолеты пытались догнать НЛО, но это никогда не получалось. Сами НЛО никогда не нападали. Были другие ситуации. Например, в Люберцах есть Институт эксплуатации

и ремонта авиационной техники. Их организация по расследованию летных происшествий наиболее авторитетная. У них на базе самолетов Ан-12 и Ил-18 были смонтированы мобильные лаборатории, где имелось все оборудование, начиная с токарных станочков и кончая электронным микроскопом и другой новейшей техникой. Когда случалось какое-то серьезное происшествие или катастрофа, эта лаборатория вылетала вместе со специалистами, которые на месте проводили исследования. И вот одна из таких групп летела под Новосибирск. Сборы были спешные: произошла крупная авиакатастрофа, много погибших. Где-то на середине пути к самолету на опасно близкое расстояние приблизился НЛО. Он преследовал их всю дорогу. То облетал Ан-12 кругом, то зависал над или под самолетом. Ученые быстро сообразили, что это надо зафиксировать. Распределили между собой обязанности. Кто-то отслеживал, как менялся его цвет, другой записывал, как он движется, третий зарисовывал его форму, четвертый фиксировал траекторию перемещения и так далее. В итоге получился очень интересный маленький научный трактат со всеми выкладками и рисунками.

– А были случаи встреч пассажирских самолетов с НЛО?

– Не часто, но такие факты были. На этот случай существуют специальные рекомендации – не лезть к этим НЛО. Они ведь разные бывают. Мы привыкли, что это летающие тарелки или что-то осязаемое, имеющее другую форму. А бывает, например, «нечто», которое летит со скоростью, превышающей скорость самолета в пять раз. При этом оно может моментально поменять траекторию полета на 90 градусов или уйти в обратную сторону. Если там есть экипаж, то это смертельные перегрузки. Да и вообще, как может материальное тело, то есть имеющее массу, мгновенно изменить направление движения на такой скорости под острым или тупым углом? Это невозможно. А НЛО это спокойно делают.

– А как это объяснить?

– Не знаю. Но возьмите солнечный зайчик. Вы можете на расстоянии передвигать его с любой скоростью, менять угол, расширять или сужать световое пятно или изменять его цвет. Мы сегодня с помощью лазерной техники создаем иллюзии каких-то объектов или картин на зданиях или в воздухе. Значит, с помощью такого «зайчика» можно создать и тарелку, которая будет двигаться с любой скоростью и под любым углом.

– То есть иллюзию?

– Не иллюзию. Это в нашем понимании мы создаем только тень, но, если существуют высшие цивилизации, они могут вкладывать в этот луч нечто гораздо большее. Давайте пофантазируем. Например, они могут создать в таком «пятне» какую-то субстанцию, которая может что-то изучать или на что-то влиять. Это все еще далеко от нашего понимания. Мы же как те муравьи, которые, как им ни объясняй, не смогут понять устройство телевизора. Как мы можем делать какие-то выводы, когда еще находимся на низшем уровне знаний об этом? Нужно тщательное и длительное исследование. А у нас и аппаратуры-то такой нет. Она могла бы появиться в процессе изучения, но для этого надо работать.

– Вообще, НЛО представляют опасность для человечества?

– Я выскажу свое личное мнение. Если это внеземная цивилизация, то, думаю, опасности она не представляет и не должна представлять. Потому что высокоразвитая цивилизация всегда гуманна. Она не предполагает тех дикарских отношений, которые существуют в нашем мире. Возможно, они наблюдают за нами. И, может быть, в нужный час они предпримут какие-то меры, которые предотвратят наше нападение друг на друга. Ведь атомная война – это конец земному шару. Я не исключаю, что в какой-то момент вдруг отключится электричество, полностью вырубятся электронные средства, все поезда остановятся и ни одна ракета не взлетит... ■

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

АВТОР

МАРИНА КРУГЛЯКОВА [ФОТО АВТОРА]

МОЖНО ЛИ ЖИТЬ ИНТЕРЕСНО, ДЕЛАТЬ ОТКРЫТИЯ, ЗАНИМАТЬСЯ ЛЮБИМЫМ ДЕЛОМ И ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ СЧАСТЛИВЫМ ЧЕЛОВЕКОМ В ОДНОЙ ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ ДЕРЕВНЕ? ВДАЛИ ОТ ГОРОДОВ И РАЗВЛЕЧЕНИЙ, ТАМ, КУДА ПОЧТИ НЕ ХОДИТ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТРАНСПОРТ? ЗА ОТВЕТОМ НА ЭТОТ ВОПРОС МЫ ПОЕХАЛИ В САСОВСКИЙ РАЙОН РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ДЛЯ 3-4 КЛАССОВ

ДЛЯ 5-6 КЛАССОВ

ИМ В КОСМОС ДАВЕРЬ С

ПОМНИТ МИР СПАС

28
ТАКАЯ ЖИЗНЬ

28
АВЕРЬ С

28
ВЕРЬ С

«Н АС ПОВЕЛИ В госпиталь поздравлять солдат с Новым годом. Мы выступали в палате для тяжело раненных, которые не могли даже сидеть. Я зашла в комнату и сказала: «Меня зовут Татуся, я учусь в первом классе, мой папа воюет с фашистами». Все зашевелились. «Да где она? Покажите нам ее! Принесите стул!» – раздалось со всех коек. Я была очень маленького роста. Нашли табуретку, поставили меня, и я громко начала читать: «Жди меня, и я вернусь...» Прочитала стихотворение до конца. Тишина. Всем хлопали, а мне нет! Я вышла в коридор и расплакалась. Учительница говорит: «Не плачь. Они не думали, что такая «кнопка» будет читать серьезное стихотворение, они ждали «Наша Таня громко плачет...».

Таисия Алексеевна Мурзина, худенькая, маленькая, пожилая женщина с короткими седыми волосами, рассказывает, стараясь сдерживать слезы. Но они все равно текут по щекам, она перестает сдерживаться и плачет. «У них в глазах было столько боли и страдания, что я их запомнила навсегда, – продолжает, немного успокоившись, она. – До сих пор слышу голоса раненых и ощущаю тот запах – смесь крови и лекарств...».

В Сасовскую библиотеку, где сегодня собрались ее слушатели, Таисия Алексеевна впервые пришла, когда училась в пятом классе, сразу после войны. Ведь в здании Дома культуры библиотека появилась в 1938 году. Строго говоря, библиотек здесь две, и обе центральные: городская и районная. Первая была основана в 1919 году. Ее фонд состоял из 300 книг, переданных из железнодорожной мужской гимназии. Вторую организовали в 1927 году, тогда ее называли «уездной». Сейчас они не только находятся в одном помещении, но и имеют общий фонд. В конце XX века новые книги перестали поступать в библиотеки вообще, подписку резко сократили. Директор Центральной районной библиотеки Татьяна Ромашкина вместе с коллегами

Таисия Алексеевна Мурзина записалась в Сасовскую библиотеку еще в школе, 71 год назад

стала думать, как в этих условиях не только выжить, но и привлечь читателей. Тогда и решили заняться краеведением. Информации об истории многих сел и деревень почти не было, да и в истории Сасово оставалось немало белых пятен. Библиотекари стали расспрашивать людей и записывать их рассказы. Организовывали посиделки – приглашали бабушек, те приносили пирожки, пили чай и вспоминали о молодости, о родителях, дедах и прадедах, пересказывали легенды и предания, услышанные от них. Инициативу подхватили библиотекари других районов Рязанской области. Чиновники оценили начинание и приняли постановление об обя-

зательном ведении работниками библиотек летописей населенных пунктов. Сейчас об этом указании уже забыли, но библиотекари продолжают заниматься краеведением. Это оказалось интересно не только им, но и местным жителям.

Сейчас Татьяна Ромашкина с коллегами собирают информацию об эвакуационных госпиталях, размещавшихся в Великую Отечественную в Сасово. Город во время всех войн «залечивал» раны – и в 1812 году, и в годы Первой мировой...

– Это только кажется, что все известно, – говорит Татьяна. – Да, у нас висят мемориальные доски, указывающие, что в здании располагался госпиталь. Есть ста-

В этом году у Матвеевской сельской библиотеки юбилей – ей исполняется 65 лет

тистика. А глубинной истории, подробностей работы и быта никто не знает. Так же как и о медсестрах и врачах. Их награждали медалями и орденами, а мы сейчас не назовем их имен.

В библиотеку приходят все, кто интересуется историей родного края. На одной из таких встреч Таисия Алексеевна Мурзина и рассказывала о том, как ее семья жила в годы Великой Отечественной войны. Недавно вышла книжка ее воспоминаний о Сасово и об укладе жизни его жителей в первой половине XX века. Ее отец был настоятелем самого большого храма Сасово – Троицкого собора, разрушенного в 1935 году.

– Мы часто не интересуемся тем, что у нас под носом, а потом начинаем усиленно «копать» и «догонять», – говорит Татьяна Ромашкина. – Сейчас уходят люди, рожденные в 30–50-е годы XX века. Это целая эпоха. Пока не поздно, надо спрашивать их, собирать информацию о том, как они жили в советское время. Скоро спрашивать об этом будет некого...

ДВЕ СУДЬБЫ – ОДНА ДЕРЕВНЯ

Две женщины оставили родные края и приехали в Матвеевское вслед за мужьями, правда, с разницей в сто лет. Одна из них, полька Мария, воспитанница католического монастыря, вышла замуж за русского солдата, Силантия Новикова, служившего в Варшаве. После отставки он вместе с семьей вернулся в родную деревню. Здесь у Марии родился сын, в будущем знаменитый писатель, автор романа «Цусима» Алексей Новиков-Прибой.

Другая, Раиса Букарева, родилась в Мордовии, в поселке Дубитель. После окончания школы устроилась на стройку, где познакомилась со своим мужем, и после свадьбы переехала жить к нему, в Матвеевское. Здесь ее приняли благосклонно, но, конечно, ей было нелегко. В ее родном поселке уже давно было электричество, а здесь пришлось привыкать к керосиновым лампам. Свет в село

Памятник
воинам,
погибшим
во время
Великой
Отечественной
войны, в селе
Ключи

провели только через шесть лет. Жители Матвеевского тогда массово уезжали по комсомольскому призыву в Караганду. Отправилась туда и местная библиотекаря. Раиса заняла ее место, где потом и проработала 46 лет. Библиотека тогда располагалась в ветхой хибарке на окраине села. Параллельно с работой окончила библиотечный техникум.

Знаменитым земляком-писателем в селе гордились и решили организовать музей в бывшем доме его родителей. Раиса предложила перевести туда и библиотеку. В итоге в двух залах организовали экспозицию, а в третьем – разместили книги. А Раисе Букаревой прибавили еще две должности – директора музея и экскурсовода.

Так пересеклись судьбы этих двух женщин. История послушницы польского монастыря, попавшей в глухую русскую деревню, Раису взволновала особо.

– Я искала информацию об Алексее Сильче Новикове-Прибое и его матери где только могла, – рассказывает она. – Перечитала все произведения писателя и книги о нем. Расспрашивала его родственников, местных стариков. Собирала сведения по крупицам. Первое, что вы видите при входе в музей, – это фотографии матери и старшего брата писателя. Наша гордость – старинная икона. Ее привезла с собой Мария из Варшавы. Она была очень набожной, и в доме имелось много религиозной литературы и икон.

К 50-летию Победы вместе с мужем Раиса Ивановна добились, чтобы в селе поставили памятник погибшим в годы войны. Из села на фронт ушло более 300 человек, 111 из них не вернулись. Так у Раисы Букаревой появилась еще одна забота – следить, чтобы вокруг монумента было чисто и трава скошена. К каждому празднику она приносит к обелиску цветы.

Прежде чем уйти на пенсию, Раиса Ивановна подготовила себе замену. Полтора года вводила свою преемницу в курс

дела в библиотеке и учила проводить экскурсии в музей. Любовь Ванченкова окончила кооперативный техникум, работала поваром в соседнем селе, затем устроилась в магазин в Матвеевском. Ушла в декрет. Потом тринадцать лет заведовала почтой и оттуда наконец перешла в библиотеку и музей.

«Я удивлялась, читая воспоминания Алексея Силыча, что в начале XX века вокруг Матвеевского были глухие леса и бродили медведи. Как же так, думала я, где же им тут ходить? – рассказывает Любовь Ванченкова. – Но сейчас мы к этому вернулись. Все зарастает бурьяном. Лес снова поглощает село. Медведей еще нет, но кабаны и зайцы уже часто встречаются».

Посетители в музей бывают нечасто, а вот в библиотеку жители заходят каждый день (позже ее перевели из музея в здание рядом. – **Прим. авт.**). Правда, их из 500 человек осталось лишь 70 – работы нет, и люди уезжают.

Библиотека стала культурным центром, где проводятся все сельские мероприятия. Но ее помещение давно нуждается в ремонте. Прямо по центру зала провалился пол, провал изобретательно прикрыли половиком. Школу в селе закрыли, остался медпункт, в нем – медсестра, которая может измерить давление, сделать укол... Жители очень боятся, что, не дай бог, и ее сократят.

Если нет машины, то общественным транспортом добраться до Матвеевского очень сложно. Но, несмотря ни на что, Литературный дом-музей А.С. Новикова-Прибоя работает. Как и сельская библиотека. На энтузиазме. Здесь, как и везде в глубинке, все держится только на нем. В Матвеевском в любое время готовы принять посетителей и рассказать об истории села и своем знаменитом земляке. И если вы будете в этих краях, сверните с дороги, заезжайте сюда. Здесь и правда интересно.

Отдел комплектования Сасовской библиотеки. Елена Яременко работает здесь уже более сорока лет

УДЕРЖАТЬСЯ НА ПЛАВУ

Среди книжных шкафов стоят два кресла, покрытых ярко-синей тканью. Вокруг них с визгом бегают мальчишки и девочки. Входит Незнайка в красочном костюме и объявляет, что он пришел из книжки Николая Носова «Незнайка на Луне». Рассказывает детям о себе и играет с ними. Ребятам очень нравится. Они с удовольствием отвечают на его вопросы, смеются и долго не хотят отпускать сказочного героя. Кто-то из них просит почитать книжки про Незнайку, и тот их им выдает. Наконец дети уходят. Незнайка снимает костюм и оказывается Натальей Журавлевой, заведующей библиотекой села Малый Студенец.

Наталья пришла в библиотеку двадцать лет назад после окончания Рязанского института культуры. И с тех пор здесь бурлит жизнь! То она проводит для школьников ночь Гарри Потте-

ра или в созданном ею кружке для дошкольников «Читайка» читает малышам вслух сказки. То организует серию вечеров «Книжная вселенная» для взрослых. Или собирает односельчан в литературном салоне «Под золотым абажуром» на встречу с каким-нибудь интересным человеком.

Когда библиотеке выделили компьютер, ее повысили по рангу. Она стала модельной, то есть модернизированной. Теперь по статусу ей полагался штат из двух человек. Так у Натальи появилась коллега – Елена Ондрина.

Елена устроилась в библиотеку, бросив престижную должность главного бухгалтера в администрации, на которой проработала более двадцати лет. Одновременно она поступила на заочное отделение библиотечного техникума. Учиться было так интересно, что она забывала про свои 45 лет, бегая на лек-

ции вместе с юными однокурсниками. Во время сессий жила в общежитии, писала шпаргалки, зубрила, сдавала экзамены, снова зубрила...

«Я же только и знала – числа и счет. Закончишь один отчет, уже надо сдавать другой, – вспоминает она. – У меня на балансе стояли больница, клуб, медпункт. Я работала по выходным и почти не видела детей. «Грызла» свои цифры и считала, что умнее меня никого нет. У меня сейчас как будто второе дыхание открылось в жизни. Дети – это такой позитив, и вы не представляете, как у нас здесь интересно!»

Правда, как считает Елена, раньше в библиотеку заходили с трепетом, а к библиотекарям относились не так, как сейчас. Ведь на селе всегда были самыми грамотными и умными – библиотекари, учителя и врачи. А в последнее время читать стали меньше. Раньше библиотечный фонд пополнялся. Каждый год приходило по тридцать новых книг, и, по мнению Натальи, десять из них стоило прочесть. Сейчас литература не поступает совсем. Но основной причиной Наталья считает изменение школьной программы

и отмену уроков внеклассного чтения. Поэтому сегодня, чтобы приучить детей к чтению, надо искать какие-то другие пути. Например, устраивать театральные презентации книг. Так возникла при библиотеке театральная студия «Бегущая по волнам». «Скорее, это театр книги, – уточняет Наталья. – Мы делаем спектакли обязательно по каким-то литературным произведениям. Вы не представляете, какая это радость, когда после нашего спектакля кто-то приходит в библиотеку и просит дать ему книгу, по которой он поставлен». Несколько лет назад придуманный Натальей проект «Театральная студия в библиотечной среде» получил грант от одного из фондов. 300 тысяч рублей! Малостуденецкая библиотека тог-

Сейчас Сасовская библиотека выписывает четырнадцать периодических изданий, раньше – более сорока

Репетиции в театральной студии «Бегущая по волнам» проходят практически каждый день

да просто расцвела. Заказали подборку лучших театральных спектаклей, приобрели ноутбук, компьютер, цветной принтер, видеокамеру, множество детских книг. Тогда же провели фестиваль детских театральных коллективов. Фестиваль понравился, прижился, и теперь каждый год ученики всех школ Сасовского района едут в Малый Студенец со своими костюмами, картонными домиками, скамеечками, березками и другими декорациями. Призы, правда, скромные, но ведь главное – у детей появляется возможность познакомиться и пообщаться со своими сверстниками из других сел и городов.

Спектакль в деревне – это всегда событие, его ждут, на него приезжают из соседних сел. Репертуар у «Бегущей по волнам» разнообразный. «Война и мир», постановка по японским легендам и мифам, «Демон»... «Маленький принц» по повести Антуана де Сент-Экзюпери получился одним из самых трогательных. Когда ставили Владимира Маяковского, все были увлечены им и его творчеством, перечитали множество литературы о поэте и его окружении. Затем был спектакль «Есенин и Бениславская», и Наталья с артистами погрузились в поэзию Сергея Есенина. Недавно прошла премьера «Ежика в тумане» по рассказу Сергея Козлова.

«Вроде бы это сказка для детей, ан нет – она для взрослых, потому что только они понимают, что такое, когда теряешь друзей, или когда тебя предадут, или, наоборот, спасают, – говорит Наталья. – Поэтому мы на него приглашаем взрослых зрителей. Ведь мы все это делаем ради людей, живущих в нашем селе, чтобы оно еще пожило, протянуло хотя бы еще лет пятьдесят. Наш Малый Студенец – красивейшее село с богатой историей, и очень жалко, если оно канет в Лету...».

Основания для таких опасений есть. Например, в этом году в Малом Студенце родился один человек, а умерли уже 13.

Мы идем по селу. На одной из улиц – обитаемые дома лишь в начале, в середине и в конце. На другой – самой молодой жительнице 70 лет. Работы нет. А за ту, что есть, платят зарплату, на которую прожить практически невозможно. Спасает подсобное хозяйство: огород, куры, коровы. Молодежь уезжает из села, старики постепенно умирают. Внуки уже не знают, как жили их деды и прадеды. «Так не должно быть», – решила Наталья и занялась историей своего села. Информации почти не было, и она проделала настоящую поисковую работу, приподняв завесу забвения над многими периодами жизни Малого Студенца и его обитателей.

Недавно одна бабуля, около дома которой начали рыть траншею, пришла в библиотеку: «Наташка, я тебе чо покажу! Эта медаль. Посмотри, сяребряная она или не сяребряная?»

«А я смотрю, а на обратной стороне написано: «Да вознесет вас Господь в свое время», – рассказывает Наталья. – Меня аж обожгло! Если это серебро, то такие медали давали только участникам обороны Порт-Артура, причем тем, кто был непосредственно в крепости».

Медаль и правда оказалась серебряной и редкой. Вот только как она попала в Малый Студенец? Наталья начала расспрашивать односельчан, и выяснилось, что дед ее соседки сражался в Порт-Артуре. Сохранился дом, в котором он жил, семейные фотографии. Попутно выяснилось, что отец другого жителя села в 1904–1905 годах служил на «Громобое» и тоже участвовал в русско-японской войне.

«Это для меня открытия! Великие! – говорит Наталья. – Я порой думаю, ну всё, неизученных тем про наше село не осталось, и вдруг хоп – узнаю что-то новое. Это только кажется, что тут интересного не может быть, обычная человеческая судьба – да таких тысячи. А у нас к какому дому ни подойдешь, можно рассказать историю, и в каждой

В церкви Рождества Богородицы [1802] Наталья Журавлева обнаружила масонскую символику

из них есть какая-то изюминка. Понимаете, они у меня все герои, потому что я их всех очень люблю».

Мы идем по селу, справа и слева тянется цепочка домов, и Наталья рассказывает об их обитателях. Здесь жил Григорий Иванович Кузнецов, он участвовал в Первой мировой войне, в Гражданской, финской и Великой Отечественной. На последнюю его призвали в 45 лет. И со всех войн он возвращался с наградами и без единой царапины. А на его сына, Ивана Григорьевича, пришла похоронка. В 1945 году к его матери забегает соседка: «Ванька ваш идет!» «Да что ты,

какой Ванька», – отмахнулась от нее женщина, продолжая мыть пол. Подняла голову, а перед ней сын стоит...

Или Герой Советского Союза Виктор Малышев. В Сасовском районе регулярно проводят пробег, посвященный ему. Однажды Наталья опросила его участников – кто такой Виктор Малышев и за что получил звание. Ответить никто не смог. Тогда она и решила использовать все возможности и средства, чтобы рассказать о нем. В соседнем селе Калиновец еще сохранился дом, в котором Виктор Малышев жил перед уходом на войну. Вместе

На мизерную зарплату библиотекаря прожить невозможно, спасает лишь подсобное хозяйство

со школьниками взяли шефство над зданием. Каждый год 9 Мая они показывают перед ним небольшое театрализованное представление, рассказывающее о герое и его подвиге. В селе есть еще один примечательный дом. Наталья со школьниками наткнулись на него случайно. На нем висит мемориальная доска, извещающая, что семь человек из него ушли на фронт и все погибли. Говорят, здесь жила бабуля и это ее шесть сыновей и муж не вернулись с войны. Сейчас Наталья пытается выяснить какие-то подробности об этой семье. Но это непросто. Ведь старожилы, которые могли что-то знать, уже умерли. «Мне хочется верить, что после смерти все-таки что-то есть, другая материя или что-то еще, – говорит Наталья. – Может, у кого-то из них не было детей или те просто забыли о нем, а мы назовем его имя и фамилию, и он там услышит, откликнется, это так здорово! Некоторые в Студенце меня считают странной. Может, так оно и есть. Для меня главное – это то, что должно быть внутри нас, чтобы мы могли прощать и любить, любить мир и людей».

КЛЮЧИ ОТ ВСЕЛЕННОЙ

Село Ключи названо по множеству родников, впадающих в речку Вялсу.

«Ключи от Вселенной, раскрывающие ее тайну, это еще один, символический смысл названия села», – считает Лариса Бабанова, директор Центральной городской библиотеки города Сасово.

Ведь именно здесь, в имении князя Павла Гагарина, родился Николай Федоров, основатель философии русского космизма. Он был внебрачным сыном хозяина усадьбы, а свою фамилию получил по крестному отцу. В Ключах Николай Федорович

В библиотеке для детей проводят различные лекции, конкурсы, встречи с интересными людьми

Сасовская библиотека размещается в Доме культуры, построенном в 1937 году

прожил первые семь лет своей жизни. О знаменитом земляке Лариса Бабанова узнала около 25 лет назад. Увлечлась его идеями и начала собирать информацию об ученом. Она проехала по федоровским местам, пытаясь отыскать следы великого мыслителя. С собой пригласила коллегу, Людмилу Малыхину. Лучшего проводника было не найти – Людмила родом из деревни Шурмашь, расположенной в 3 километрах от Ключей. Коллеги вышли на станции Таировка и напрямик, через поле, отправились к бывшей усадьбе князя Гагарина. Имение находилось в лесу, между деревнями Ключи и Ивановка. Его разграбили и сожгли после 1917 года. Остались лишь поросшие кустарником и бурьяном фундаменты строений, полузасыпанные подвалы, очень красивые аллеи белой и желтой акации, одичавший фруктовый сад. Тропинку к бывшему барскому дому пересекал ручей. К нему местные жители до сих пор ходят за водой, говорят, в ней много ионов йода и серебра. Когда князь Гагарин уезжал на зиму в Москву, к нему отправляли подводы с этой водой. Недалеко от бывшего особняка, на поляне,

рос древний дуб. Дерево было таким старым, что «помнило» еще Николая Федорова мальчишкой. Сельские дети всегда любили играть рядом с ним и прятаться среди его ветвей.

Лариса с Людмилой опросили жителей всех окрестных деревень – Шурмаши, Черной Речки, Ключей, Ивановки. О Николае Федорове никто ничего не слышал. О князе Гагарине знали. Старики говорили, что помещик был добрый, по праздникам разъезжал по селам и раздавал детям сладости. Многие из местных работали у него, и никто о нем дурно не отзывался.

«Мой дед рассказывал, что имение было огорожено большим забором. Они с мальчишками лазили через него, ведь за ним рос очень хороший яблоневый сад, – вспоминает Людмила Малыгина. – Мы слишком поздно спохватились. Людей, которые что-то помнили о том времени, уже нет».

Лариса Бабанова организовала при Центральной библиотеке Краеведческий центр имени философа Николая Федорова. В нем энтузиасты изучают жизнь и творчество своего знаменитого земляка. Они разработали туристический маршрут по федоровским местам и проводят экскурсии. В библиотеке регулярно проходят Международные Федоровские чтения, на которые съезжаются философы, исследователи, занимающиеся изучением наследия Николая Федорова, и просто приверженцы его идей. Одним из них был не так давно ушедший от нас Александр Матвеевич Воробьев. Он родился недалеко от федоровских мест, в деревне Архапка. Его мать похоронена на кладбище в Ключах. В память о ней Александр Матвеевич начал там строить часовню. Случайно прочитанная книга о Николае Федорове сделала его горячим поклонником учения философа и активным членом Федоровского краеведческого центра. Увлечшись идеями Николая Федорова, Александр Матвеевич стал претворять их в жизнь. Он продолжил строить часовню уже в

Елена Ондрина пришла работать в библиотеку села Малый Студенец более девяти лет назад

память обо всех погибших жителях окрестных деревень. К ней прикрепил памятную доску – «На этой земле родился и возмужал великий философ Николай Федоров». За часовней поставил памятник Николаю Федорову и стелу в честь воинов из окрестных деревень, погибших во время Великой Отечественной войны. К нему стали приходить жители и говорить, что их родственник тоже не вер-

нулся с войны. Список погибших пополнялся новыми именами. Александр Матвеевич посадил на кладбище в Ключах каштановые аллеи, начал восстанавливать старые, брошенные погребения, реставрировать надгробия и ухаживать за ними. Его считали чужаком – кто еще будет заботиться о могилах неизвестных людей, строить на свои деньги часовню, сооружать памятники...

В фондах Сасовской библиотеки насчитывается более 54 тысяч книг, в том числе и раритетные издания

Во время недавних страшных пожаров все отставали от огня свои дома, а Александр Матвеевич спасал старое кладбище и часовню. Поливал водой, таская ее бочками из пруда...

«Тут носились огненные смерчи. В Ключах они уничтожили 24 дома. В Ивановке мы смогли отстоять только пять-шесть домов, остальные сгорели. Трава вспыхивала мгновенно. Мы не успевали бегать. Только потушим, загоралось в другом месте, – вспоминает Дмитрий Коротаев. – Стояла тишина, ветра не было. И помню, как начинал с низким гулом подбираться огонь. Пламя шло стеной, в рост деревьев, его языки перекидывались через дорогу. Березы горели как свечки...».

Дмитрия Коротаева судьба забросила в федоровские места из Касимова. Он устроился строителем на местный спиртзавод. Ему с семьей дали дом в деревне Вялсы, расположенной в нескольких километрах от Ключей. Там Дмитрий и услышал о знаменитом философе.

«Когда я узнал, что в Вялсах стоял храм, где крестили Николая Федорова, у меня сразу возникла мысль его восстановить», – рассказывает он.

Со временем желание только окрепло, и, когда появилась возможность, Дмитрий сразу же взялся за дело. По старым фотографиям заказал проект будущей церкви. Появились единомышленники. В деревне организовали общину и ста-

Часовня в селе Ключи, построенная в память обо всех погибших жителей окрестных деревень

ли проводить службы. Чтобы они не шли на открытом воздухе, Дмитрий решил возвести часовню. Строил вместе с друзьями по выходным. Сейчас около нее лежат железобетонные блоки для фундамента будущего храма и другие стройматериалы. Их закупают постепенно, по мере появления средств. Спонсоров у энтузиастов нет, поэтому с финансами туговато.

«Многие считают, что я бизнес делаю на том, что строю церковь. А какой тут бизнес? Сердце кровью обливается, когда видишь, как деревни умирают. А ведь все крупные города выросли из них, это корни России. Я просто хочу, чтобы жизнь продолжалась на этой земле, чтобы покровитель вернулся на нее, Николай Чудотворец. Будет стоять храм, будут идти в нем службы, будет жить и село. А если мы его сейчас не возродим, все забудется, и уже ничего не будет. Сейчас я строю, если не успею, дети мои продолжат, это как вода течет, главное – начать».

...Николай Федоров умер в 1903 году. Он был похоронен на кладбище у Бутырской заставы в Москве. Со временем могила затерялась. Приблизительно известно, где она находилась. Сейчас на том месте – детская площадка.

Огонь уничтожил то малое, что осталось от имения его отца. Сгорел и старый дуб. После пожаров, когда вывозили горелый лес, лесовозы «разбили» дорогу, оставив огромные колеи. В дождливую погоду они заполняются «озерами» непроходимой грязи. Идти теперь от железнодорожной станции к Ключам сложно. А дороги в Шурмашь сейчас вообще не существует. Сгоревшие деревья периодически при малейшем порыве ветра падают, поэтому люди перестали там ходить. Страшно.

Пожалуй, единственное, что осталось, – это ключ. Вода в нем, как и раньше, чистая и ледяная. Говорят, у воды есть память. Возможно, это и так, но гораздо надежнее, когда она есть у людей. ❧

Окончание следует.

Проект церкви, восстанавливаемой Дмитрием Коротаевым в деревне Вялсы

УВЯЗНУТЬ В ВЯЗЬМЕ

АВТОР

ДМИТРИЙ РУДНЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ЕСЛИ И ЕСТЬ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ НАСТОЯЩАЯ TERRA INCOGNITA, ТО ЭТО, БЕЗУСЛОВНО, ВЯЗЬМА. КОНЕЧНО, ЗНАМЕНИТАЯ ВЯЗЕМСКАЯ ОПЕРАЦИЯ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, СРАЖЕНИЕ ПОД ВЯЗЬМОЙ В 1812 ГОДУ – ЭТО СОБЫТИЯ ГИГАНТСКОГО МАСШТАБА, КАЖДОЕ ПОДРОБНО ОПИСАНО В РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

Н О ЕСТЬ ЕЩЕ СРЕДНЕ-вековая Вязьма – настоящее белое пятно.

Хотя вроде бы исторические обстоятельства этих мест просто вопиют о том, что с самого раннего периода русской истории этот город должен был быть одним из старейших центров нашей цивилизации.

Для начала напомним, что впервые город упоминается в летописях под 1239 годом. Это самый разгар монголо-татарского нашествия на Русь. До этого о городе в летописных источниках – ни слова.

Зато легенд и преданий – масса. И самая главная, укоренившаяся легенда рассказывает нам о преподобном Аркадии Вяземском и Новоторжском.

АРКАДИЙ, ДА НЕ ТОТ

Этот человек жил в XI веке, с юных лет он решил посвятить себя служению Богу. И вот однажды, когда Аркадий уже стяжал среди вязьмичей славу божьего угодника, в город пришел человек, которого звали Ефремом, родом угрин, то есть венгр. Его история такова. Он вместе с двумя своими братьями вынужден был покинуть родину, поскольку большинство их соплеменников в те времена были язычниками и притесняли тех немногих мадьяр, которые приняли христианство. Все три брата пришли ко двору в дружине Владимира Крестителя, и он определил их слугами к своему любимому сыну – Борису. Когда подосланные Святопол-

ком Окаянным убийцы застали князя Бориса стоящим лагерем на реке Альте, то под копыта злодеев попал старший из трех братьев – Георгий, кинувшийся спасать своего господина. Младший, Моисей, спрятался, а после всю жизнь вымаливал у Бога прощения за малодушие.

Как повествует один из древнейших памятников древнерусской литературы, «Сказание о Борисе и Глебе», на шее Георгия была золотая гривна. Убийцы не смогли просто снять ее с тела и отрубили старшему брату голову.

А среднего, Ефрема, в том походе не было, но когда он узнал о злодействе, то пришел на берега Альты, нашел тело брата и, забрав его голову, решил удалиться от мира.

Несмотря на все войны, пронесшиеся над Вязьмой, многие ее церкви сохранились до наших дней

МИМО ВЯЗЬМЫ С ВЕТЕРКОМ

По всей вероятности, в ранний период истории Руси здесь, в районе Вязьмы, жизнь должна была просто кипеть. Ведь если мы посмотрим на карту, то заметим, что в этих местах встречаются три великих русских реки – Днепр, Волга и Ока.

В некоторых местах река Вязьма настолько близко подходит к прямому притоку Волги – Вазузе, что трудно отделаться от предположения, что именно здесь должен был быть оживленный волок. А город, стоящий на реке, должен был процветать с самых ранних времен. Это убеждение усиливает протекающая неподалеку Угра – мощный и полноводный приток Оки. Казалось бы, вот оно, «место силы». Отсюда легко добраться до любого центра древней Руси: по Днепру – в Чернигов и Киев; по Оке – в Рязань и Низовые земли; по Волге – в Ростов, Владимир и Суздаль, а через ее северные левые притоки можно дойти до Новгорода и Пскова.

Но все это – не более чем предположения. Порой мы имеем превратные сведения о том, какие пути в древности действительно были оживленными, а какие – существовали только на бумаге.

Например, ряд историков утверждают, что одним из таких, можно сказать метафизических, путей был путь из варяг в греки. Напомним, «Повесть временных лет» говорит, что проходил этот путь из Черного моря по Днепру, оттуда до Ловати, а оттуда через Ильмень, Нево и – в Балтику.

Летописцы были монахами, а потому дела веры были для них важнее вопросов экономики или географии. Как считают некоторые исследователи, этот вымышленный путь из варяг в греки показывал связь Русской земли с ее духовной митрополией, Царьградом, проходя через главные центры древней Руси – Киев и Новгород. И вот два интересных факта, наводящих на размышления: в скандинавских сагах ни

В итоге он основал в Торжке один из древнейших монастырей Руси – Борисоглебский Новоторжский.

Предание рассказывает, что во время скитаний Ефрема в поисках лучшего места для устройства обители он пришел в Вязьму и познакомился там с Аркадием, который стал его верным соратником.

Однако ни Жития Ефрема, ни Жития Аркадия в хоть сколько-нибудь древней интерпретации не сохранилось. Самые ранние их версии относятся к XVII веку. Более древнее Житие Ефрема существовало, но во время разорения Торжка тверскими князьями в XIV веке было похищено из обители. Монахи Борисоглебского монастыря не смогли набрать

нужную сумму для выкупа манускрипта, и он бесследно исчез. Среди церковных историков давно бытует мнение, что в этом предании сплелись два разных человека: Аркадий Новоторжский, возможно, действительно живший в XI веке, и Аркадий Вяземский, живший существенно позже.

Вязьма – левый приток великой русской реки – Днепра. Кто знает, может быть, и здесь проходил знаменитый путь из варяг в греки

разу не упоминается маршрут, совпадающий с путем из варяг в греки. А византийские документы впервые упоминают о скандинавских купцах только со второй половины XI века.

В действительности же тот, кто хотел попасть из Черного моря в Балтику, не добирался ни до какой Ловати через Днепр. Ведь между ней и Днепром течет Западная Двина, которая напрямую выводит путешественника к балтийским берегам.

К тому же экономические и торговые связи древней Руси с Византией были не столь уж обширны. Кстати, при раскопках наших древних городов и селищ византийские милиари-

сии, солиды и драхмы находят довольно редко, а вот арабские дирхемы и монеты Северной Европы – крайне часто. А это значит, что русские купцы ходили по Днепру и Двине, а также по Волге и ильменским притокам и протокам, оставляя столь «удачно» расположенный водораздел между тремя реками в районе Вязьмы далеко в стороне от кипения жизни.

И вот этому факту имеются убедительные материальные доказательства. Робко и неуверенно, но мы все же можем начать отсчитывать историю Вязьмы примерно с середины XII века. С огромным количеством оговорок, конечно.

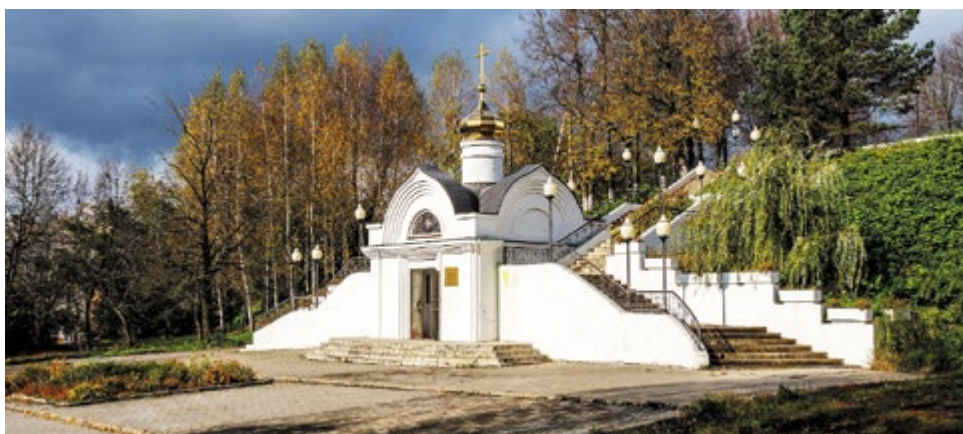
Эта башенка – последняя деталь, оставшаяся от ограды Аркадиевского монастыря, расположенного на Соборном холме – бывшей цитадели крепости

В этой часовне хранится камень, на котором Аркадий Вяземский молился в течение многих лет

ЖЕНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ ВЯЗЬМЫ

А раскрывать это, прежде сокрытое от любопытных глаз повествование начала одна из первых в России женщин-археологов – Екатерина Николаевна Клетнова. Ее можно смело называть уроженкой Вяземской земли, хотя и родилась она в Москве в 1869 году. Но семья Клетновых почти сразу же после рождения дочери переехала в свое имение Кочетово, находившееся в Вяземском уезде. Круг интересов Екатерины был необычайно широк. В юности она исправно посещала коллективные женские курсы в Москве, слушала лекции по истории, географии и даже геологии. С 19 лет начинает публиковаться, причем речь идет не только о научных статьях, но и о переводах произведений зарубежных писателей. Мало того, в газетах и журналах появляются ее собственные стихи.

В 1909 году она приступает к раскопкам в родном уезде, находит древние курганы и обнаруживает неподалеку от города, возле притока Вязьмы, реки Русьтки, валы и рвы древнего городища. Именно здесь были сделаны интереснейшие и важ-

Музейная экспозиция о Вязьме начинается почти сразу с XVII века. Первое, что видит посетитель после экспонатов времен славянской колонизации, – это план Вяземской крепости

нейшие находки. Изыскания Екатерины Николаевны, безусловно, продолжились бы, но грянула революция, вслед за ней разруха и Гражданская война. А затем – новая политика новой власти, которая объявляла идейно чуждым практически все, что было связано с историей и культурой дореволюционной России. В этой системе координат Клетновой не было места. В 1924 году она уезжает в Прагу на научную конферен-

цию и принимает решение не возвращаться. Этот шаг, естественно, во многом определил судьбу ее научных трудов на родине. О Екатерине Николаевне и о результатах ее научной работы в России «забыли» на долгие годы. Но удивительным образом в истории исследования вяземских древностей появилась еще одна женщина – Татьяна Васильевна Сергина. Выпускница истфака МГУ, кандидат историче-

В XVIII веке Вязьма – заметный торговый город. Цветные изразцы – отблеск благосостояния и вкуса местного мещанства и купечества

ских наук, научный сотрудник Института археологии РАН, Татьяна Васильевна стала тем, кто получил действительно точные и основополагающие данные по истории ранней Вязьмы. Татьяна Сергина копала и Русяткинское, и другие средневековые городища Вяземского края. Ею впервые были проведены раскопки на Соборном холме – внутри Вяземской крепости, а также на остальной территории города.

К сожалению, для любых городских властей богатое археологическое наследие города – не стимул к развитию туризма, а очередная головная боль. Ведь проведение археологических исследований сильно затягивает и удорожает процесс застраивания земель офисными и торговыми центрами. А потому раскопок в Вязьме в ближайшее время просто не предвидится. Сейчас у Татьяны Васильевны накоплен довольно обширный материал, и она работает над книгой о том, что ей удалось узнать об истории Вязьмы на основе археологических находок. Естественно, такой информацией до выхода книги в свет не делятся. Поэтому попробуем суммировать наиболее интересные моменты из уже опубликованных трудов Татьяны Сергиной и наложить их на общеизвестный исторический контекст.

СМОЛЕНСКАЯ ДЕРЖАВА

Древнерусские княжества не были тем же, чем являются в нашем представлении современные государства. Прежде всего потому, что у них не было твердых границ как таковых.

К примеру, в XIV веке Московское княжество, расширяясь в сторону Вязьмы, словно насос, вбирало в себя земли, лежащие по левому берегу Угры. Номинально эти территории принадлежали Рязанскому княжеству. Но процесс их поглощения Москвой не встречал особого протеста со стороны рязанских князей. По простой причине: их могущества не хватало на то, чтобы установить реальный контроль над этими пространствами. Между прочим, слово «могущество» подходит сюда как нельзя лучше. Оно ведь происходит от глагола «могу». Каждый властитель того времени отдавал себе отчет: «могу ли я что-то сделать на этой земле?»

И вот рязанские князья не могли посадить по Угре своих наместников, не могли гарантировать купцам безопасность перемещения по этой территории, не могли собирать с населе-

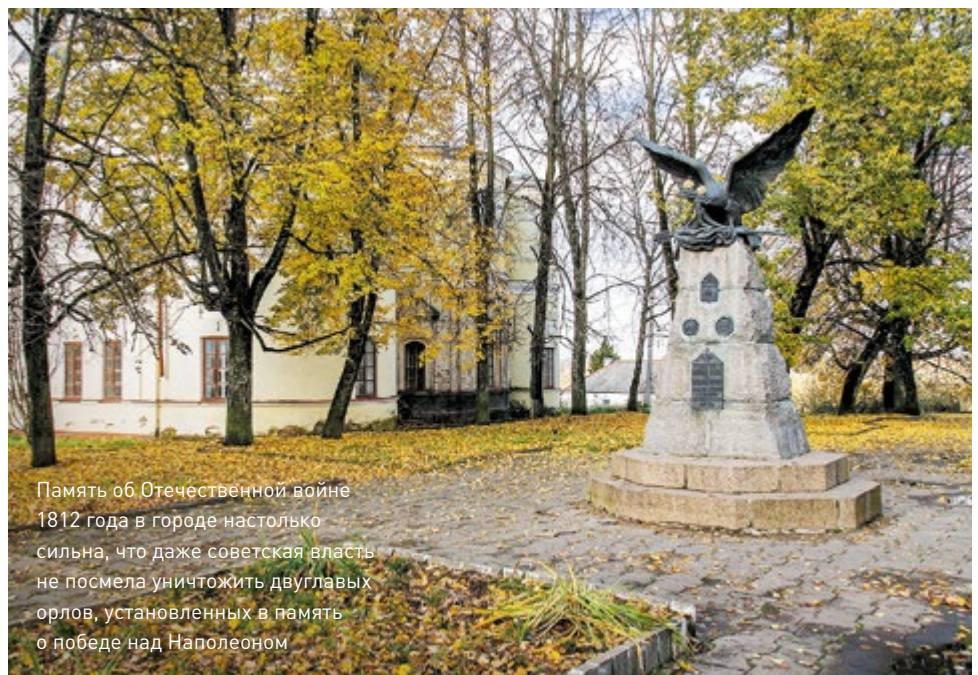
Одигитриевская церковь Иоанно-Предтечева монастыря. Бесспорное свидетельство того, что настоящая архитектура – это музыка, застывшая в камне

ния дань и обеспечить безопасность данников. А московские правители могли, и именно так территория Московского княжества вплотную подошла к вяземским землям.

Но мы несколько забежали вперед, так что вернемся в первую половину XII века и попробуем проследить, как росло могущество смоленских князей – старшей ветви Мономашичей.

Именно на этот период приходится расцвет Смоленского княжества. На смоленском столе в это время сидит внук Мономаха – Ростислав Мстиславич, проводящий довольно независимую политику, в результате которой значимость его княжества растет.

Примечательно, что именно на время правления этого князя приходится возведение Русят-

Память об Отечественной войне 1812 года в городе настолько сильна, что даже советская власть не посмела уничтожить двуглавых орлов, установленных в память о победе над Наполеоном

МЕЖДУ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНЕЙ

Вместе с закатом Смоленского княжества возвышаются новые политические игроки. С запада к Вязьме подступили литовские владения, с востока – московские. Москва наращивала силы и земли, используя все доступные возможности. То покупками, то менами, то захватами, то подкупом ордынских властителей, но большей частью – за счет добровольного объединения Московское княжество разрасталось, в том числе и на запад. Не менее активной была и экспансия Литвы. В конце XIV – начале XV века теряет самостоятельность Смоленск, и литовские князья сажают на его стол собственных наместников.

Утрачивает независимость и Вязьма. Ее последнего самостоятельного удельного князя, Иоанна Святославича, увозят в качестве почетного пленника в Литву. Попытки более или менее мирно ужиться Москва и Вильно принимают ровно до тех пор, пока живы старший сын Дмитрия Донского, великий князь Московский Василий I, и великий князь Литовский Витовт. Но как только последний умирает, уже внук Донского, Василий II Темный, тут же предпринимает попытку присоединить Вязьму к Московскому княжеству.

Этот поход 1444 года вылился в простой грабеж смоленских земель, на что литовцы ответили набегом. Отсутствие военных успехов у обеих сторон с лихвой компенсировалось ростом аппетитов. Москва требовала от Литвы отказаться от всех русских городов, которыми завладел Витовт, а литовский князь Казимир добивался присоединения к своему государству Великих Лук и Новгорода.

Эта дипломатическая перепалка длится ровно до той поры, когда новый московский государь, Иоанн III Васильевич, больше известный нам как Иван Великий, решает разрубить этот гордиев узел и в 1493 году захватывает Вязьму, вынудив местных князей присягнуть

кинского городища. Это было типичное для своего времени укрепление: насыпные валы, вплетенные в рельеф местности, искусное использование природных косогоров, усиливающих неприступность фортификации, рвы, ворота, стены. Возможно, даже башни. Но в ту эпоху, когда еще не было изобретено огнестрельное оружие, в таких маленьких городках они скорее выполняли функцию дозорных площадок, нежели элементов активной обороны крепости.

Внутри Русяткинского городища жили в основном воины, возможно, с семьями. И Клетнова, и Сергина находили здесь осколки стеклянных браслетов – очень модных в то время женских украшений на Руси.

А вот чего исследователи не нашли – так это следов хозяйственной деятельности. Здесь не торговали и не занимались ремеслами. А это означает лишь одно: городом, в полном понимании этого слова, Русяткинские укрепления не были. Они были укрепленным пунктом, где либо постоянно, либо «вахтенным методом» находились дружин-

ники князя, своим присутствием утверждавшие его власть: они усмиряли лихих людей, собирали оброк, вершили суд, охраняли купцов и так далее.

Жизнь затихла здесь примерно через сто лет – в первой половине XIII века. Люди ушли, оставив крепость, и она поросла лесом. Примерно такие же результаты дали раскопки и на Соборной горе города Вязьмы: здешнее укрепление также возникло во время усиления Смоленского княжества, оно также не было городом, населенным ремесленниками и торговцами, а было, скорее всего, пунктом административно-военного присутствия княжеской власти.

Правда, на территории той крепости, там, где сейчас расположен городской парк, Екатерина Клетнова нашла предметы, датируемые XI веком, а это значит, что какое-то поселение на территории города все-таки было. Однако без дальнейших исследований достоверно убедиться в этом невозможно...

Скорее всего, в полноценный город Вязьма превратилась как раз в то время, когда о ней впервые упомянула летопись.

Спасская – единственная уцелевшая башня Вяземской крепости. Даже утратив третий ярус со стрелковой галереей, она до сих пор поражает своими гигантскими размерами

Один из валов
городища
на реке Русятке.
Немой свиде-
тель могущества
Смоленского
княжества

ему на верность. Особо строптивый представитель местной княжеской семьи, видимо, отказавшийся от службы московскому правителю, оканчивает свои дни далеко на севере, закованный в колодки.

В 1514 году отец Ивана Грозного, Василий III, начал очередную войну с Литвой. Вязьмичи, пишет один из первых историков города, преподаватель местной гимназии Иван Павлович Виноградов, усердно молились день и ночь, чтобы Господь даровал русскому войску победу. И эта молитва была услышана. Войска Василия Иоанновича взяли Смоленск. Город входил в Русское государство вплоть до 1609 года, когда в Смутное время Речь Посполитая, воспользовавшись ослаблением Руси, прибрала его к рукам.

После взятия московскими войсками Смоленска в Вязьме расцветает торговля, чему поспособствовал упомянутый выше географический фактор – расположение города на водоразделе между великими реками. Именно в XV–XVI веках начинает развиваться Вяземский Волочек (ныне село Нахимовское), в нем сидит княжеский тиун и собирает с проходящих через волок купцов мыто.

Анатолий Папанов – уроженец Вязьмы и любимый актер всего города. Его здесь помнят и очень любят

Именно из-за благосостояния горожан Иван Грозный включает Вязьму в свою опричнину. Главными здешними землевладельцами становятся князь Шуйский и Годунов.

В 1566 году город посетил сам Грозный. В вяземском соборе он оставил синодик, в котором были написаны имена его жертв, и повелел настоятелю молиться о них как о невинных страдальцах.

В ЭПИЦЕНТРЕ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Когда на Руси объявился первый Лжедмитрий, Вязьма присягнула ему. В 1606 году город торжественно встречал Марину Мнишек, беззаботно ехавшую навстречу своей горькой судьбе жены двух самозванцев – Гришки Отрепьева и Тушинского вора.

Кстати, Лжедмитрию II вязьмичи не присягали. Напротив,

вместе со смолянами они выступили на стороне царя Василия Шуйского. Из города и окрестностей служилые люди ушли в Москву, а на их место в Вязьму понаехали шляхтичи. Так в 1608 году город снова оказывается в руках Самозванца. В 1611 году польский король Сигизмунд III взял Смоленск, а чуть позже без боя занял беззащитную Вязьму. Город грабят, убивают жителей, монахов, разоряют церкви. Поляки жгут иконы и срывают кровлю с собора. Только в начале 1614 года воеводы нового царя, Михаила Федоровича Романова, освобождают город от поляков. Московское правительство, понимая, что Вязьма снова стала рубежом государства, начинает укреплять город и создавать здесь хлебные запасы. Но в 1617 году, при приближении войск Сигизмунда III, гарнизон Вязьмы бросает город и позорно бежит к Москве. Поляки снова занимают город и возвращают его только летом следующего года, подписав мирный договор, по которому им отходит Смоленск, а Москве остается Вязьма.

Михаил Федорович немедленно посылает туда воеводу с подробными указаниями о том, что и как нужно сделать для безопасности города, переводя тем самым Вязьму на военное положение. В итоге Смутного времени город оказался полностью разорен. Из 80 мелких лавок, существовавших здесь в конце XVI века, к началу 1620-х годов осталось чуть более 20. Из 500 домовладений более 300 числилось опустевшими. Поразительно, какие удары судьбы довелось выдержать этому городку, ведь и в 1812-м, и в 1941-м его практически стирали с лица земли.

Великая Отечественная война – отдельная, самая трагическая и самая героическая страница истории Вязьмы

Вязьмичи очень гордятся, что командиром их фронта во время Вяземской операции был Георгий Константинович Жуков

ДЕРЕВЯННЫЙ, КАМЕННЫЙ ИЛИ ЗЕМЛЯНОЙ?

Писцовые книги времен царя Михаила дают нам довольно интересную информацию о том, как этот государь укрепил самый западный город своих владений. Мы недаром упомянули о том, что история Вязьмы – terra incognita для исследователей. Каких-то современных, соответствующих требованиям сегодняшней науки книг по истории этого города просто нет. Поэтому приходится по крупицам собирать в самых разных источниках отрывочные сведения о Вязьме. Интересный пассаж о Вязьме написал в своей монографии «Нижегородский кремль. Архитектура, история, реставрация» Святослав Леонидович Агафонов, признанный специалист в области реставрации памятников русского средневекового фортификационного зодчества. Рассуждая о том, как развивается оборонная архитектура Европы по мере того, как все большее значение на поле боя получает артиллерия, он пишет: «Наряду с каменными известное развитие получают крепости смешанного типа – земляные с каменными башнями, подобные Вязьме (1630), и чисто

земляные — в Ростове Великом (1632)». То есть, по мнению главного реставратора Нижегородского кремля, Вяземская крепость представляла собой систему из девяти башен, шесть из которых были каменными, а пролеты между башнями были перекрыты крутыми земляными валами.

Трудно оставить без внимания подобное замечание специалиста такого уровня, но документы говорят о том, что Святослав Леонидович был прав лишь отчасти. Краевед Виноградов приводит в своей книге цитаты из документов Архива Министерства юстиции «Дела разных городов» за 1702, 1709 годы. Там детально указываются размеры Вяземской крепости. Единственная сложность в их оценке заключается лишь в том, что приводятся они в сажнях. Но она не критична. Сегодня высота Спасской башни по кровлю — 18,6 метра, тот же размер по архивным документам — 7,5 сажени. Следовательно, в документе, который приводит Виноградов, под словом «сажень» подразумевается «косая сажень» — 2,48 метра. Также

Как и любой город, центром которого была средневековая крепость, Вязьма — город площадей. Еще в начале XX века на них проводились довольно знаменитые торги-ярмарки

Памятник лаптю — напоминание о Смоленской дороге. Это символично, ведь русский народ большую часть своего исторического пути прошел именно в этой обуви

для указания размеров крепости используется сажень без чети, а эта мера длины составляет 1,97 метра.

Вал между сохранившейся Спасской и не сохранившейся Духовской башнями был высотой 3,5 сажени, а деревянная стена на нем — 2 сажени без чети. Если перевести все в метры, получится, что вал был высотой чуть более 8,5 метра, а деревянная стена на нем — ниже 4 метров. Таким образом, стены, естественно, были, но главную

оборонную функцию выполнял все-таки вал, на него приходилось более двух третей высоты всего укрепления.

Эта версия вполне примиряет позицию Агафонова и материалы, содержащиеся в архивных документах. В любом случае Вяземская крепость уникальна для русской традиции оборонного зодчества.

Наверное, немного найдется в России таких же маленьких городков, как Вязьма, с таким бурным и исключительно военным прошлым. Буквально на каждом шагу здесь сталкиваешься с каким-нибудь величественным памятником, напоминающим о том, какая нелегкая судьба выпала на долю этого городка. Но сами вязьмичи с большим удовольствием расскажут вам не про тревожные события войны, а про то, что в их городе делают самые лучшие в России пряники, или о том, что великий русский актер Анатолий Папанов — их земляк.

Вязьма — это тихий и мирный уголок, настоящий русский витьязь, которому больше по нраву возделывать землю, нежели сжимать в руке меч. ■

